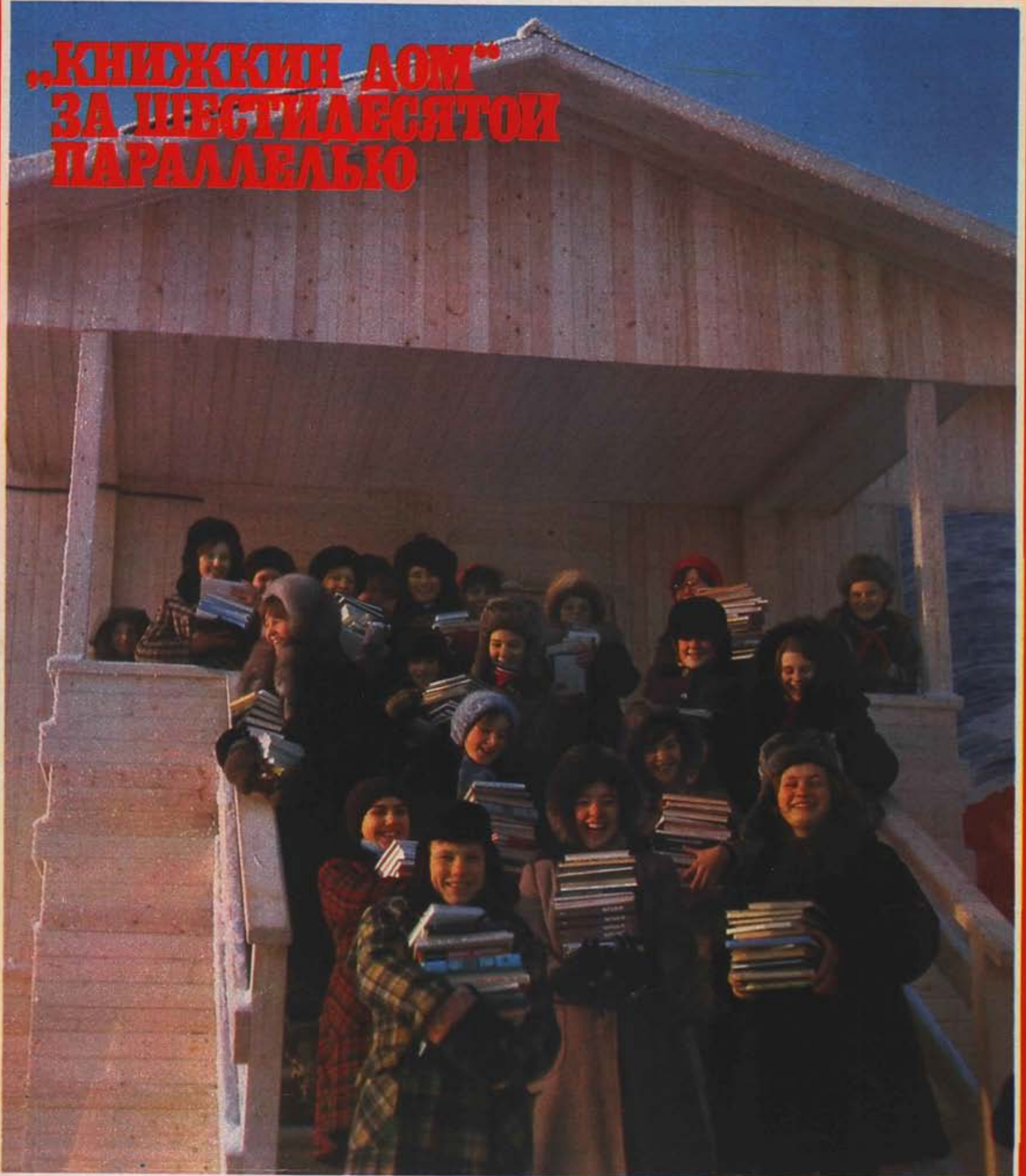

СМЕНА

№ 8 АПРЕЛЬ 1981

„КНИЖКИН ДОМ“ ЗА ШЕСТИДЕСЯТОЙ ПАРАЛЛЕЛЬЮ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 8 (1294) АПРЕЛЬ 1981

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
В НОВОМ УРЕНГОЕ
ОТКРЫЛАСЬ
ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА.

Фото
Альберта
ЛЕХМУСА

1 В КАЖДОМ ДЕЛЕ ЛЕНИН С НАМИ.

2 РЕШЕНИЯ XXVI СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНЬ!
Первый секретарь Московского обкома ВЛКСМ,
делегат XXVI съезда КПСС Михаил СЕМЕНУШКИН.
«ПОДМОСКОВНЫЙ ПОЧЕРК».

4 ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНИ»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ.
Альберт ЛИХАНОВ, главный редактор журнала «Смена»,
«ЗЕМНОЙ ПОКЛОН».

10 Рассказ Тынымбая НУРМАГАМБЕТОВА
«ТАМ, ГДЕ ГОРЕЛ ОЧАГ».

13 Стихи Владимира ВИНОГРАДСКОГО.

14 ЭНЕРГЕТИКА — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА.
Александр АЛЕКСЕЕВ. «НЕДРА».

16 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Рассказы писателей Греции.

18 АПРЕЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. Обзор зарубежной печати.

20 Роман Сергея ВЫСОЦКОГО «СРЕДА ОБИТАНИЯ».

23 Стихи Риммы КАЗАКОВОЙ.

24 СИЛУЭТЫ.
Наталья КОЛОСОВА.
«АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ».

27 ДАЛЕКИЕ БЛИЗКИЕ.
«ДОБРО: ПРЕДЕЛЫ И БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ».

30 ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА.
Нина ТОЛЧЕНОВА.
«БОЛЬШИЕ ЧУВСТВА МАЛЕНЬКИХ ГЕРОЕВ».

31 ИТОГИ ТРЕТЬЕГО ТУРА КОНКУРСА ЭРУДИТОВ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИ-
БАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ,
Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник А. В. Крикунов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1981 г.

В КАЖДОМ

Иван КРАСНОВ

В пору майских дождей
И в прохладные дни листопада,
Под сияньем юля
И мглой неустовых пург
Рад пройти я по старым
И новым мостам Ленинграда
И, как в фильме, увидеть
В чертах его — Санкт-Петербург.

Мне заснуть не дают
Ленинградские белые ночи.
«Если так, — не томись
И снимай-ка пальто со стены!» —
Говорит мне Лексинч,
Потомственный старый рабочий
И бывалый солдат —
Ополченец винувшей войны.

Я и вам от души
Пожелал бы такого же друга.
С первой встречи случайной
Он — мой покровитель и гид.
«Покажу, — говорит, —
Все кунсткамеры Санкт-Петербурга
И всю радость, которую
Город сегодня творит».

Делом предков любуюсь
И новою гордятся многоцветной,
Молодеет Лексинч —
Не в масть голубой седине,
И с таким вдохновеньем
Толкует о новых проспектах,
Будто сам их построил
И дарит торжественно мне.

«Ну, а завтра, дружок,
Мы пойдем на Финляндский
И в Смольный —
По следам Ильича!» —
Объявляет мне гордо старик,
Будто сам провожал он
Вождя из квартиры подпольной,
Будто вместо трибуны
Ему подставлял броневик.

Я смотрю на Лексинча
С нежностью младшего брата.
И по-новому сердце мне
Греет не новая мысль:
Что фашистам лексинчи
Сдать не могли Ленинграда,
Потому что ему
Этот город дороже, чем жизнь.

Анатолий ЩЕРБАКОВ

Читая Ленина

Вот появился сахар к чаю,
Вот хлеба первые пуды...
Все Ленин знает!..
Я читаю
За томом том его труды.

Глядит он на края родные,
Застыв с воздетою рукой.
Судьба разбуженной России —
За каждой ленинской строкой.

Чуть щурясь,
смотрит вождь с портрета —
Глашатай века, рулевой!
Я знаю:
Жизнь моя согрета
Его работой огневой.

В делах и планах —
Ленин с нами,
С могучим опытом своим.
В Анголе или во Вьетнаме
Он, как учитель мудрый, чтим.

Читают Ленина! Читают,
Сердцями в космосе стуча.
Не славословят, почитают
Делами память Ильича.

Ветеран партии

Давно прошла пора меевок,
Подпольных сходок и листовок...
В семнадцать лет борцом он стал —
И пел «Интернационал»!

Нес слово партии он массам —
И становились массы классом!
Он знал: трудна связного роль,
В ней слово ЛЕНИН — как пароль.

Вождь

Никогда не разлучался с нами,
В наших мыслях
Ежечасно он.
На работу нас,
Как на экзэмен,
Провождает Ленин со знамен.

Диомид КОСТЮРИН

У Мавзолея

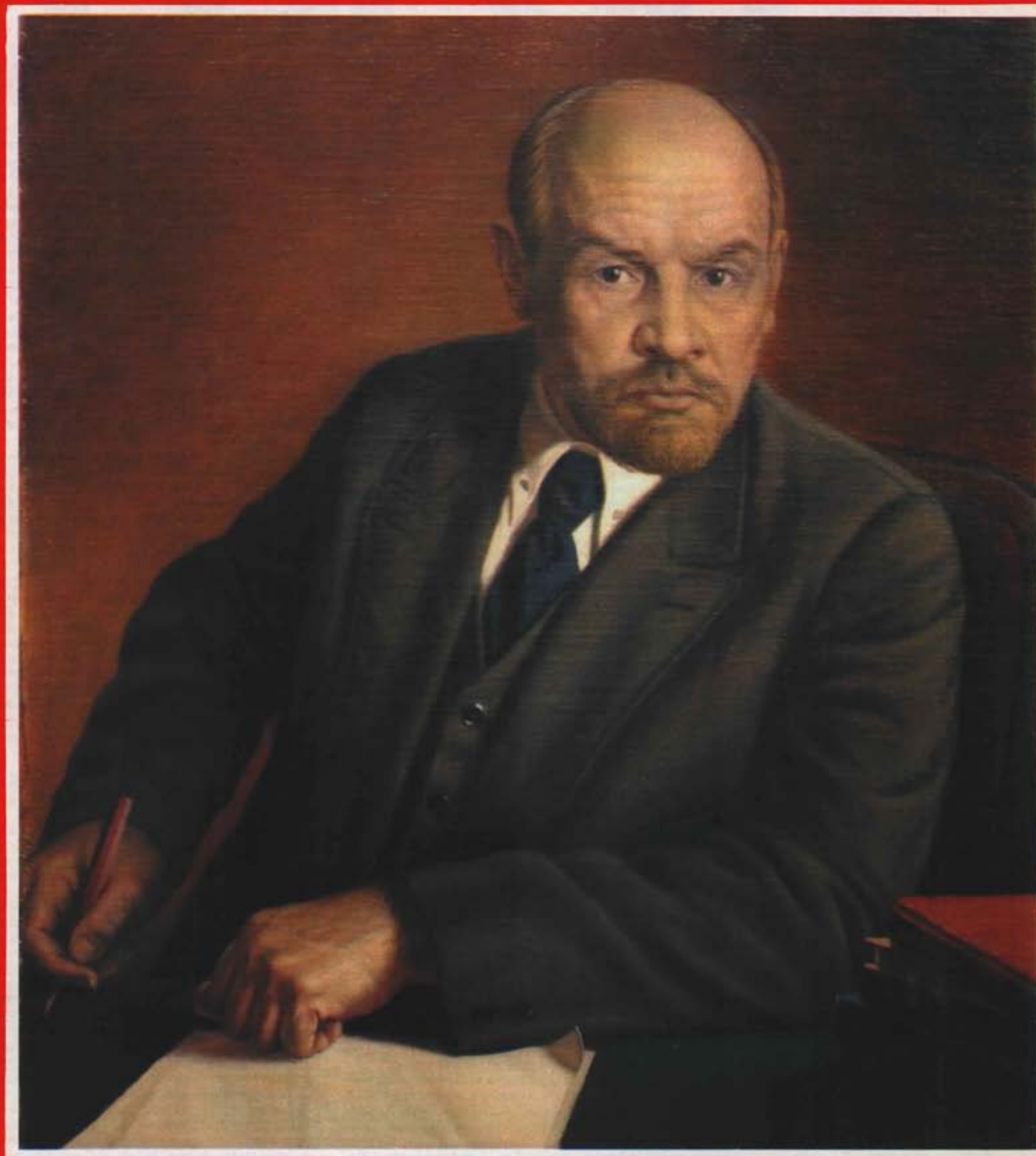
Зубчатая Кремлевская стена,
Здесь в праздники парады принимают.
У Мавзолея очередь длинна,
Она уж сколько лет не убывает.

Не убывает — снег или жара,
Под ясным солнцем и тяжелым градом.
И мне сегодня встать в нее пора,
И тихо я стою с другими рядом.

У очереди этой строгий вид,
Все пристальнее взгляды в лица.
У Мавзолея очередь молчит,
На самой главной площади столицы.

И караул застыл, как тишина,
И каждый миг, как память откровения...
У Мавзолея очередь длинна —
Всегда кому-то очень нужен Ленин.

ДЕЛЕ ЛЕНИН С НАМИ

ПОРТРЕТ ЛЕНИНА РАБОТЫ ЗАСЛУЖЕННОГО ХУДОЖНИКА РСФСР АЛЕКСАНДРА ШИЛОВА.

ПОДМОСКОВНЫЙ ПОЧЕРК

Михаил СЕМЕНУШКИН, первый секретарь
Московского обкома ВЛКСМ, делегат XXVI съезда КПСС

В те незабываемые девять дней, когда в нашей столице шел исторический XXVI съезд КПСС, меня, как и всех его делегатов, постоянно не покидало такое ощущение, будто у просторного зала Кремлевского Дворца съездов нет стен — настолько широким был размах коллективной мысли, настолько ярко и впечатляюще предстало перед нами накопленное коллективными усилиями богатство нашего опыта. И еще: каждый из нас ощутил в своем сердце чувство личной причастности к тем грандиозным планам, которые наметила партия, и, как следствие ее, чувство личной ответственности за то, чтобы они, эти планы, стали явью.

Мы отправились в новую, одиннадцатую пятилетку, а за ней последуют другие. За далью даль, как сказал поэт. Но уже сегодня нам ясно, что нынешняя пятилетка во многом будет особой. Посмотрите, какие впечатляющие, грандиозные по своим масштабам цифры того, что предстоит свершить советским людям, приведены в Основных направлениях экономического и социального развития страны. Но мы перестали удивляться цифрам, даже если они захватывают дух, потому что выросли в атмосфере беспредельного поступательного движения.

Подмосковье знают все — и стар и млад. О нем слагают песни — «Подмосковные вечера» поет весь мир, многие события и люди нашего края вписаны в историю страны.

Подмосковье сыграло видную роль в революционном движении России. Эхо знаменитой Морозовской стачки в Орехово-Зуеве вдохновило на борьбу против гнета царизма российский пролетариат.

Здесь, в Подмосковье, в общей сложности около двух лет жил и работал Владимир Ильич Ленин. Горки Ленинские знают сегодня люди всей земли.

Подмосковье было и остается поистине обетованным местом работы выдающихся деятелей русской и советской культуры. Здесь творили Пушкин и Лермонтов, Герцен и Чехов, Лев Толстой и Горький, Чайковский и Васнецов.

Земля подмосковная вся полита кровью русских и советских солдат. Бородинское поле в 1812 году и поле под Волоколамском, у разъезда Дубосеково, в 1941-м стали символами величайшего мужества и героизма русского человека, защищавшего Родину и ее свободу. И именно здесь, на землях Подмосковья, занялась заря великой Победы советского народа над фашизмом.

А еще Подмосковье — край удивительной, уникальной красоты. Едешь, к примеру, дорогами Одинцовского района, и с высоких холмов открываются перед тобой дали полей и лугов, березовые рощи, сосновые боры и дубравы. Излучины подмосковных рек — Москвы-реки, Клязьмы, Оки, Волги, окрестности озер и рукотворных морей поистине неповторимы, щедрны на красоту. Но красота эта, естественно, не сама собою появилась. Наверное, краски Подмосковья были бы намного беднее, если б не люди, здесь живущие, работающие, заботящиеся о том, чтобы красота эта не скудела, а, наоборот, приумножалась.

Признаюсь, в один из дней работы съезда, сидя в зале заседаний, вдруг подумал о пятилетках, предшествовавших нынешней, одиннадцатой. Ведь у каждой из них были свои задачи, свои рубежи и ориентиры. Сформулировать их можно емкими и значительными словами. Словами-символами. «Магнитка», «Днепротэкс», «Стаханов», «Целина», «БАМ» — и неизменное перед ними «Даешь!». Каждое из этих слов могло бы вполне стать коротким, но емким и точным по смыслу эпитетом к летописи славных дел, свершаемых в нашей молодой стране. А произнеси мы их вслух — и перед взором встанет время, когда они родились и

завучали, раскрывая великий смысл труда миллионов.

Помните, в 30-е годы, когда стране понадобился металл, Ленинский комсомол бросил клич: «Даешь Магнитку!» — и на практике решил актуальнейшую проблему социалистического строительства. В 50-е годы родился другой клич: «Даешь целину!» — и то, что сделал комсомол, освоив целинные земли, еще у всех в памяти.

Ни одно из этих слов-символов не оказалось преданным забвению. Новые поколения молодежи бережно хранят дорогие понятия, приумножая славу и материализуя их смысл в сегодняшних грандиозных делах.

Выработанные XXVI съездом КПСС решения, задачи, поставленные перед Ленинским комсомолом товарищем Леонидом Ильичом Брежневым в Отчетном докладе ЦК КПСС съезду, заставляют нас еще раз внимательно проанализировать свои дела, планы, наметить четкие маршруты продвижения вперед, увидеть перспективы развития инициативы, повысить ответственность молодых.

Инициатива и ответственность... Неоднозначны эти понятия. Стремление юношей и девушек ударным трудом ответить на заботу партии о молодежи должно подкрепляться чувством ответственности за принятое на свои плечи. Союзниками тут надо брать и точный расчет, и научный подход к делу, и организованность. Этого требует от нас время. Ибо нельзя идти вперед, добиваться большего, не обогащая традиции старших поколений крупицами собственного, приобретенного в постоянном поиске опыта.

Еще до съезда, на основе проекта Основных направлений экономического и социального развития страны, мы разработали перспективный комплексный план работы областной комсомольской организации в одиннадцатой пятилетке. Этот план, ныне откорректированный, уточненный, дал нам возможность тесно увязать вопросы организационно-комсомольской и идейно-политической работы и четко определить цели, главные направления нашей деятельности. Таких направлений у нас четыре: участие комсомола в развитии экономики, работа с учащейся молодежью, вопросы идеологической и организационно-комсомольской работы.

Гордимся мы исключительно ценной инициативой Подольской городской комсомольской организации — «Школа — ПТУ — завод», которую поддержал ЦК ВЛКСМ.

Подольск всегда славился своими рабочими традициями. Знаменитый машиностроительный завод имени С. Орджоникидзе — один из флагманов энергетического машиностроения — пропускает через свое производство практически все кадры молодых квалифицированных рабочих, которые готовит ГПТУ № 27, лауреат премии Ленинского комсомола. Не случайно именно там, в Подольске, в начале десятой пятилетки родилась еще одна интересная инициатива — «Качество знаний сегодня — высокая эффективность работы завтра». Комсомол к рождению этих инициатив имеет самое прямое отношение.

Орехово-Зуево. Город, судьба и история которого неотделимы от судьбы и истории трех русских революций. Знаменитый текстильный район страны — две трети объема его промышленности занимает текстильное производство. Естественно, и главное дело орехово-зуевского комсомола — шефство над текстильной промышленностью. Отсюда мы черпаем кадры молодых инициаторов-текстильщиков. И первой мне хочется назвать Валентину Локтеву, долгое время бывшую членом обкома комсомола, делегата последнего комсомольского съезда и делегата XXVI

съезда КПСС. В минувшую пятилетку Валя выполнила три пятилетних задания — и это при чрезвычайно высокой интенсивности ее нелегкого труда — труда прядильщицы. Достойная награда молодой работнице за это — орден Ленина, звание лауреата Государственной премии СССР. А еще она успевает в год обучить своей профессии, передать опыт и мастерство примерно 8—10 молодым прядильщицам — дело в этой отрасли нелегкое. Интересно, что одна из Валиных учениц, Таня Ежова, сегодня является членом обкома комсомола и тоже вслед за своей наставницей выполнила две пятилетки в одну. Вот какой у нас рабочий комсомольский актив! Эти молодые девушки — люди с настоящим государственным подходом и к производству и к общественной работе.

Очень люблю бывать в одном из самых старинных городов Подмосковья — Коломне. Мне нравятся его чистые улицы, прекрасные скверы и площади, новые многоэтажные жилые кварталы. Но всякий раз, попадая туда, я поражаюсь не этому и даже не бывалой мощи красавцев тепловозов новейшей марки, выпускаемых Коломенским тепловозостроительным заводом-гигантом. Я поражаюсь, с какой поистине корчагинской энергией, задором и деловитостью выполняют свое партийное поручение молодые коммунисты, работающие в комсомольских организациях Коломны. Вот люди настоящей партийной закалки! А сплотил их, научил дерзать, работать с высшим, ежедневно творчески накаленным интересом, единственно дарящим радость ощущения себя нужным другим людям человеком, бывший первый секретарь ГК ВЛКСМ Александр Горшков. До него это была средняя, даже, пожалуй, серая, неубедительная, неактивная организация. Александр сумел так подобрать кадры, так их расставить, так укрепить авторитет комсомола в городе, что сегодня ему по плечу самые серьезные, самые ответственные поручения и планы. Вот пример настоящего, совершенно неформального лидера молодежи. А сколько таких в комсомоле — не перечесть!

«Комсомол — моя судьба» — хорошо известная фраза, ставшая крылатой. Попробую расшифровать ее на примере судеб нескольких молодых людей, живущих у нас в Подмосковье.

Мне хочется рассказать о Ване Рыбакове. Многим это имя незнакомо, но спросите о нем у балашихинских комсомольцев, и каждый из них скажет:

— Рыбаков? Это прекрасный пример современного труженика.

— Ваня Рыбаков? Настоящий парень. Если б не он, я бы, пожалуй, спасовал, ушел бы с завода.

Кто же он такой — Иван Рыбаков? Бригадир токарей научно-производственного объединения «Криогенмаш» в Балашихе. Отец двоих детей, простой и обычный парень. Не скажешь даже, что он увлекается какими-то крупными или модными проблемами. Но он человек, о котором говорят: «Ему все время неимется». И это очень точная его характеристика. Он всегда в поиске, всегда думает о трудной, дальней цели, ищет лучшее, новое, не терпит застоя. В 1974 году его комсомольско-молодежная бригада одной из первых в машиностроении перешла на работу по единому наряду. С тех пор прошло уже семь лет, а коллектив у него все тот же — неизменно стабильный, дружный, познавший и почет и уважение. Все это время Иван — член бюро обкома комсомола, стал лауреатом Государственной премии СССР, был делегатом XVIII съезда комсомола и XXVI съезда КПСС. Не испортила его такая слава — знаю его всегда немногословным, скромным и обаятельным человеком.

Давно знаком я и с Виталием Веневцевым — брига-

диром прокатчиков Ступинского металлургического комбината. Дважды он избирался членом обкома комсомола, был делегатом XVIII съезда ВЛКСМ, делегатом последнего партийного форума. Очень интересный парень. По годам он молод, а уже стал профессором своего дела, учеников имеет, которые тоже отлично работают, двигая дальше, развивая почин своего наставника.

«Вырос» этот почин, можно сказать, из характера самого Виталия — его основная черта, как я сумел заметить за годы знакомства, — рачительное, хозяйское отношение к делу. Не случайно он и его бригада выступили с инициативой — «Встречный план на каждом рабочем месте за счет сэкономленных материалов». Вообще все их инициативы связаны с экономией. Это важно, потому что работают они с очень дорогостоящими сплавами. Виталий не раз сам мне рассказывал, как, где, с помощью каких особых приемов им удается экономить буквально граммы металла, электроэнергию, что в конечном счете и приносит комбинату огромную пользу. Виталий — рабочий с хорошей инженерной смекалкой, у которого в бригаде все четко организовано, все при деле, все делается целесообразно, причем не по расчетам, а потому, что у него душа так поставлена, так воспитано чувство хозяйской бережливости.

В каждой отрасли промышленности, сельского хозяйства, на стройках есть у нас в Подмоскovie такие прекрасные люди — молодые передовики, на которых равняется вся молодежь. Вот они-то, эти люди труда, как отметил в докладе на XXVI съезде партии товарищ Леонид Ильич Брежнев, и есть «главное, бесценное богатство нашего общества».

Отдаю себе отчет в том, что в коротких заметках не выскажешь все, чем живет, над чем работает сегодня подмосковный комсомолец, но не упомянуть о том, что является предметом нашей особой заботы, не могу.

Как известно, важнейшая отрасль народного хозяйства Московской области — это сельское хозяйство. Поэтому не участие в решении отдельных вопросов производственной и социальной жизни совхозов и колхозов, а реализация комплексной программы комсомольского шефства над преобразованием подмосковного села — вот чем сегодня занята наша 670-тысячная областная комсомольская организация. Программа эта вообрала в себя ударное строительство и шефство над мелиорацией, контроль за выпуском сельскохозяйственной продукции, совершенствование молодежного соревнования, закрепление кадров на селе, работу сельской школы, развитие культурно-массового движения. Что мы будем делать конкретно? Мы взяли обязательство направить за пятилетку около 75 тысяч молодых людей для работы в сельском хозяйстве, причем сделали упор на создание молодежных строительных бригад, которые хозяйственно ведут жилищное строительство на селе. Они строят сельские поселки городского типа, такие, как поселок «Дружба», что уже красуется на 50-м километре Киевского шоссе. Сейчас таких поселков вокруг Москвы строится около 20, со временем их будет еще больше. Рабочие этих бригад — в основном молодежь, в том числе и с промышленных предприятий. Тех, кто не имеет строительной специальности, мы обучаем и гарантируем им получение жилья в этих домах. Создание таких строительных бригад мы считаем своим ударным делом, ибо нам важно, что в этих сельских поселках будут совершенно по-новому организованы жизнь и быт сельских тружеников.

Еще наша сельская программа предусматривает постоянное внимание к повышению творческой активности сельских тружеников. Прежде всего это развитие социалистического соревнования. Хорошо, что сегодня уже нам есть с кем работать на селе. В 1972 году среди работающих там было всего 8—10 процентов молодежи, сегодня — 28. То есть практически каждый третий — молодой труженик. Среди механизаторов 33 процента — это люди до 30 лет. Хуже обстоят дела в молочном животноводстве — там только около 20 процентов молодых, и для нас закрепление кадров и внедрение передовой формы организации труда на фермах — двухсменки, которая еще идет туго, — все это особые вопросы, над решением которых мы работали в ходе комсомольской двухлетки шефства над животноводством, с инициативой проведения которой выступили сразу после июльского (1978 года) Пленума ЦК КПСС и продолжаем работать сейчас.

Мы накопили богатые традиции в промышленности, сельском хозяйстве, культуре, но вот сказать, что у нас есть такие же традиции в деле охраны и сбережения нашего национального богатства — природы Подмоскovie, пока нельзя. Это наше слабое звено. И мы это очень хорошо понимаем.

Человек обязан природе всем — он в ней работник, он ее и творец. То, что мы берем от природы, надо ей и возвращать. Человек — разумный друг природы — не может, не имеет права не думать о том, чтобы леса, и реки, и земля не только не скудели, но и приумножали свои богатства и красоту.

Вот мы не прочь иногда посетовать, что в наше

время некоторые формы работы с молодежью себя изжили, все, мол, уже известно, неинтересно. А охрана природы — это разве не предмет комсомольской заботы? Разве тут нет простора для мысли, поиска и инициативы? Пусть не всегда эти поиски или инициатива будут сразу же результативны, но в том, что они не будут бесплодными, я уверен.

Конечно, что-то в порядке эксперимента мы делаем: есть у нас и «КП», который бичует хозяйственных, чьи предприятия сбрасывают промышленные отходы в реки и озера, загрязняя окружающую среду, есть у нас и школьные лесничества, где хорошо поставлено дело обучения учащихся лесным профессиям, есть «голубые» и «зеленые» патрули и отряды дружинников, которые следят летом за порядком в зонах отдыха. Но одним этим проблему охраны природы Подмоскovie не решить. Нужна программа — четкая, ясная, наподобие той, которая есть у нас по сельскому хозяйству — долговременная, циклическая, проверенная на эффективность в прошлую пятилетку. Программа, которая бы охватывала все вопросы охраны природы и окружающей среды — от конкретных, практических шагов комсомола в этом деле до пропагандистской, воспитательной работы, что, по-моему, мы делаем еще очень и очень нерешительно. А воспитывать надо в каждом молодом человеке прежде всего сознание того, что природа не прощает пренебрежительного к себе отношения, что загубленного в ней не вернешь, что это наше общее национальное богатство, что окружающая нас среда — это во многом и наше здоровье.

Мы многое делаем для трудового воспитания и профориентации школьников, прививаем им любовь к земле, уважение к труду земледельца, чувство бережного, рачительного хозяина. Достигли кое-каких успехов в этой работе. И все же, подумал я снова на съезде, это направление тоже, пожалуй, остается одним из слабых звеньев. Почему?

Профориентация — сложное и очень деликатное дело. В космонавты всех не возьмут. Токари и строители, плотники и продавцы стране нужны в большем числе, чем, скажем, архитекторы или артисты. Народному хозяйству требуются специалисты многих профессий, причем в определенных количествах и известных пропорциях. Значит, должна быть достаточно строгая согласованность между суммой желаний и объемом спроса. Мы же очень часто ведем профориентационную работу, не вдаваясь в ее суть. К тому же уровень сегодняшнего материального благосостояния дает, к сожалению, рецидивы отношения некоторых молодых людей именно к легкому труду. Они забывают — это подчеркивалось и в Отчетном докладе ЦК КПСС съезду и в выступлениях делегатов, — что все, чем мы живем, чем пользуемся, чему радуемся, — все это создается упорным трудом каждого человека. Школа же, да и мы, комсомольские работники, я бы сказал, весьма «лучезарно» готовим школьника к трудовой жизни. Интересы школы очень часто расходятся с интересами ПТУ. Особенно в период комплектования ПТУ, когда школа стремится выполнить план набора в девятые классы, училища же вынуждены собирать оставшихся выпускников школ, а это, как известно, самые слабые по знаниям выпускники. Надо, чтобы педагогические коллективы школ работали на систему профтехобразования. И чтобы для каждого ученика восьмого класса считалось гордостью поступить в ПТУ.

Почему мы так горячо поддерживали инициативу подольчан «Школа — ПТУ — завод»? Нам важно было объединить усилия педагогов и комсомольских организаций ПТУ и школы, чтобы они в тесном взаимодействии друг с другом способствовали изменению отношения ребят к труду. Ведь в конечном итоге мы должны не просто давать профессию, а готовить настоящего труженика. Школа же сегодня к работе кое-как готовит, а труженика — нет. Посмотрите — это цифры по нашей области — всего 8—12 процентов учащихся идут работать по тем специальностям, которые они получили в школе.

Серьезный разрыв в деле подготовки трудовой смены существует между школой и семьей. Школьным педагогам и комсомольским активистам приходится уговаривать многих родителей-доярков, чтобы они разрешили дочерям пойти работать на ферму. Уже три года подряд ежегодное областное комсомольское собрание в школах «С комсомольской путевкой — в ПТУ, на производство!» мы проводим совместно с родителями учащихся. Что это нам дает? Мы узнаем отношение родителей к выбору их детьми профессии еще до окончания школы и имеем возможность влиять на них, работать индивидуально. Так, как это делал мудрый хозяйственник Антон Антонович Гуманок — директор госплемзавода «Заря коммунизма» Домодедовского района, которого я очень хорошо знал. Подходил конец учебного года в школе, он приглашал для беседы всех родителей, у кого дети — выпускники, причем приглашал по отдельности семью — мать, отца, сына и говорил: «Ваш сын заканчивает школу. Как думаете, куда ему лучше пойти работать у нас в совхозе? Мы могли бы

предложить такую-то работу. А через пару лет по совхозной путевке пойдет учиться в сельхозинститут». Так вот у него не было проблемы кадров. Он сам их подбирал, сам их пестовал, заботился о том, чтобы постепенно хозяйство обростало трудовыми династиями.

На земле Подмоскovie сегодня много таких династий. Мне запомнились прекрасные слова Ивана Кустова, тракториста совхоза «Веселовский» Наро-Фоминского района, одного из 30 членов династии Кустовых, трудовой стаж которой равен 320 годам: «Вот нас, Кустовых, часто спрашивают: чем это объяснить, что мы все на земле работаем? Что это, дескать, тайна какая-то имеется, которая нас тут держит? А я так скажу: никакой тайны тут нет. Просто у нас, Кустовых, привычка такая давно уже: на земле трудиться. И без земли нам как-то не так, неудобно как-то. Опять же все вместе мы, всем-то вместе оно интересней. А судьба нам наша нравится, что бы там кто ни говорил про то, как тяжело на селе работать. У хлеба, знаете ли, когда его сам, своими руками вырастил, запах какой-то совсем другой и вкус слаще...»

Если молодежь наша будет так сильно любить землю, как любит ее Иван Кустов, земля отдаст людям сполна высокими урожаями. А труд земледельца станет таким же престижным, как и любой другой вид труда в обществе развитого социализма.

Вновь хочу вспомнить слова-символы, раскрывавшие в разные времена смысл наших пятилеток. Как известно, десятая пятилетка была пятилеткой эффективности и качества. XXVI съезд КПСС подтвердил, что этот девиз — «Эффективность и качество!» остается главным и в одиннадцатой пятилетке.

Конечно, «Даешь эффективность и качество!» — это часто не такое уж и простое «даешь». Здесь не все на виду, но и то, что на виду, не сразу дается в руки. Одним порывом здесь не возьмешь. Но ведь сила у нас есть, и кака! Народному хозяйству не занимать инженеров, экономистов, изобретателей, новаторов. Не надо нам придумывать, изобретать и какие-то новые рычаги усиления инициативы и ответственности, повышения дисциплины, сознательности, улучшения работы. Такой рычаг — мощный, достаточно хорошо испытанный, — есть у нас. Это — молодежное социалистическое соревнование. Комсомольские организации знают, что это такое. Знают, и как его организовать. У нас в Подмоскovie широкое распространение получила инициатива трех молодых делегатов партийного съезда, которых я уже называл, — Валентины Локтевой, Ивана Рыбакова и Виталия Венивцева, — «Одиннадцатой пятилетке — ритм, качество, трудовые рекорды!» Сразу после съезда они решили дополнить ее словом «экономика». Так что теперь девиз «Одиннадцатой пятилетке — ритм, качество, экономика, трудовые рекорды!» будет все пять лет наполнять смысл работы областной комсомольской организации по развитию соцсоревнования.

Стержнем этого соревнования является борьба за комсомольский фонд эффективности и качества. Фонд этот совершенно реален, выражается в конкретной сумме. Но главное не в этом. Главное в том; что мы нашли новую, отвечающую современным задачам экономикой форму социалистического соревнования. Она применяется теперь по всем аспектам эффективности и качества. То есть учитываются и производительность труда, и качество продукции, и достигнутая экономика, и эффект от общественно полезного труда и труда творческого — рационализации и изобретательства. Причем очень важно то, что фонд этот осязаемый, по всем этим показателям ему можно найти денежное выражение. Каждый участник соревнования, зная свой план и зная фактическое его выполнение, имеет возможность подсчитать сумму, внесенную им в комсомольский фонд. В итоге эта форма соревнования дает возможность, во-первых, объективно оценивать результаты каждого и, во-вторых, более осознанно и экономически грамотно участвовать в соревновании.

Наша задача в одиннадцатой пятилетке — всемерно развивать эту форму молодежного соревнования, поднять ее в массовом масштабе. Конечно, на пути придется преодолеть немало всевозможных барьеров. Надо уметь их преодолевать, уметь бороться. В этом, как убедил меня XXVI съезд КПСС, тоже одна из задач, один из узловых моментов всенародного труда по претворению в жизнь его исторических решений.

Занять свое место в этом всенародном труде — дело чести каждого комсомольца, каждого молодого человека. Да, предстоящие пять лет будут по-настоящему насыщены большими задачами, планами, трудом. Легко не будет. И тем не менее я уверен, пройдут годы, сегодняшний комсомолец возмужает, станет настоящим тружеником и, вспомнив очень по-хорошему одиннадцатую пятилетку, с гордостью скажет своим детям, что в годы юности он не стоял в стороне, а вместе со всем народом отдавал силы созданию самого передового, самого справедливого общества на земле.

ЗЕМНОЕ ПОЖЛОПОН

Альберт ЛИХАНОВ,
главный редактор журнала «Смена»

Фото Альберта ЛЕХМУСА

**ПИОНЕРАМ И ШКОЛЬНИКАМ ГОРОДА НОВЫЙ УРЕНГОЙ,
БОЙЦАМ КОМСОМОЛЬСКИХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ
ИМЕНИ ХУШ СЪЕЗДА ВЛКСМ И «МОЛОДОГВАРДЕЕЦ»,
ЧИТАТЕЛЯМ И СОТРУДНИКАМ ЖУРНАЛА ЦК ВЛКСМ «СМЕНА»**

От имени Союза писателей СССР поздравляю вас с открытием новоуренгойской библиотеки для детей и юношества, инициатором и организатором сооружения которой стал журнал «Смена».

Я хорошо знаю те места, где живете вы, будущие читатели новой библиотеки. Кажется, совсем недавно на тысячевостных обско-иртышских просторах были только редкие деревеньки. Жизнь здесь изменили Советская власть, открытия наших геологов, труд и мужество ваших дедов и отцов.

Почти полвека назад, в 1932 году, на выездной Урало-Кузбасской сессии Академии наук СССР Иван Михайлович Губкин заявил о нефтеносности Западно-Сибирской низменности. Это сообщение поразило не только меня, сибиряка, тогда молодого комсомольского работника, но показалось фантастичным и многим ученым. Впрочем, даже фантасты не смогли бы тогда разглядеть нынешних Сургута, Нижнеуртовска и Нового Уренгоя.

В столице газоников Западной Сибири уже два года успешно работает библиотека имени журнала «Смена». Книги, собранные читателями журнала буквально со всех концов страны, стали дорогим подарком всем жителям Нового Уренгоя, а библиотека превратилась в подлинно культурный центр города. На почетном месте в этой библиотеке стоят четыре книги с автографами Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева, подаренные им жителям Нового Уренгоя. Сотни писателей прислали сюда свои книги с дарственными надписями. Теперь рядом с первой выросла вторая библиотека. Я хочу пожелать ее читателям и создателям успехов и в учебе и в жизни. Полнокровная жизнь немислима без книги. Значит, с появлением новой библиотеки жизнь в вашем городе станет еще богаче.

Счастья вам, дорогие друзья!

Георгий МАРКОВ,
первый секретарь Правления Союза писателей СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии

Эти строки, в сущности, — отчет перед читателями. Отчет о деле, которое оказалось бы невозможным без читателей, без многих тысяч наших друзей, без тех, кто как бы стал каменщиком на нашей стройке. Каменщиком, который не поленился — принес и положил свой кирпичик.

Но отчет о необыкновенном деле рождает, кроме сухих цифр, еще и чувства. Чувства, мысли, которые надо взвесить и обсудить. Собственно говоря, вся наша затея — построить в городе Новый Уренгой Тюменской области библиотеку для юных читателей и собрать для нее книги — диктовалась прежде всего чувством. А чтобы чувство это понять, давайте как бы отойдем во времени чуточку назад.

Сначала о названиях. Подразумевая Новый Уренгой, многие говорят вроде бы сокращенно: Уренгой. Это неправильно. Уренгой от Нового Уренгоя в девяносто километрах. До Уренгоя уже добралась железная дорога, идущая от Тобольска через Сургут. Это уже здорово, потому что по сибирским расстояниям девяносто километров не дорога, и по зимнику между Уренгоем и Новым Уренгоем сейчас перебрасывается много нужного груза, который еще совсем недавно доставлялся сюда только самолетами и в недолгую навигацию по Оби, да и то с автомобильной переброской: до Оби путь неблизкий.

Итак, Уренгой и Новый Уренгой — разные места. Но газоконденсатное месторождение, которое привлекло сюда взоры и интерес всей страны, называется Уренгойским. Его параметры: 167 километров по длине, 30 — в

ЭТО БЫЛ ПРАЗДНИК ДЛЯ КАЖДОГО НОВОУРЕНГОЙЦА. ОСОБЕННО РАДОСТНЫЙ ДЛЯ САМЫХ ЮНЫХ. «КНИЖКИН ДОМ» ОТКРЫТ!

ширину. Под землю, к драгоценному газу, врезались скважины. Из скважин газ попадает на специальные установки, скромные, надо заметить, словечко, вовсе не соответствующее ни существу, ни размаху — настоящий завод, серебристое сооружение, оплетенное извилинами таких же серебристых труб. — сущит. очищает от примесей, словом, доводит до, если так можно выразиться, потребительской кондиции невозможное драгоценное

КОМСОМОЛЬЦАМ И МОЛОДЕЖИ, ПИОНЕРАМ И ШКОЛЬНИКАМ
ГОРОДА НОВЫЙ УРЕНГОЙ,
БОЙЦАМ УДАРНЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОТРЯДОВ ИМЕНИ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ
И «МОЛОДОГВАРДЕЕЦ»,
ЧИТАТЕЛЯМ И СОТРУДНИКАМ ЖУРНАЛА ЦК ВЛКСМ «СМЕНА»

Дорогие друзья!
ЦК ВЛКСМ сердечно поздравляет вас с открытием новоуренгой-
ской детской библиотеки.

Созданная по инициативе сотрудников и читателей журнала «Сме-
на», благодаря шефской помощи сотен молодых энтузиастов, чуткому
и внимательному отношению к организации духовной жизни молодых
тружеников Приполярья со стороны партийных, советских и обще-
ственных организаций, библиотека должна стать активным и верным
помощником идейно закаленных, сознательных борцов за коммунизм.

Открытие культурного центра поможет сделать жизнь молодых
тружеников, выполняющих ответственное задание партии по осво-
ению природных богатств Западной Сибири, творчески насыщенной,
духовно обогащенной. Желаем вам новых свершений во славу нашей
великой Родины, больших успехов в жизни, труде, учебе!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

молодых в стране, город работающий, здесь, на приполярном Севере, можно заниматься только одним — работой. Кстати, те четверо пенсионеров тоже работают.

Итак, новый город, город молодой. Город-работяга выбрасывает в тундру поселки и базы, где ночуют газосварщики, шивающие газопроводы, геологи, исследующие землю, буровики и шоферы, экскаваторщики и поварики. Город проворачивает такую уйму дел, что диву даешься: неужто все возможно силами этих людей?

И тут опять нужно кое-что объяснить. Недавно группа специалистов из Москвы и Тюмени получила Ленинскую премию за внедрение так называемого комплектно-блочного метода при освоении нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири.

Что это означает?

Серебристый завод, обрабатывающий газ,

этих районах еще более высокими темпами строительство жилья, всего социально-культурного комплекса, улучшать снабжение населения товарами массового спроса. Все согласится с тем, что положение здесь надо изменить, причем в ближайшее время!»

И еще одна позиция. «Чем глубже преобразование, которое мы хотим произвести, — говорил В. И. Ленин, — тем больше надо поднять интерес к нему и сознательное отношение, убедить в этой необходимости новые и новые миллионы и десятки миллионов». Эти три высказывания из основного документа партийного съезда — не цитатничество, а острая необходимость в нашем разговоре, ибо они с абсолютно точным знанием болевых мест проблемы поддерживают два социальных эксперимента, проведенных «Сменой» — первый в 1979-м, а второй в 1981 году.

И съезд поддержал. А вот еще одна важная мысль из Отчетного доклада ЦК съезду: «Иногда полагают, что достаточно увеличить

сырье. Это сырье, газ этот природа-умелица создавала миллионы лет в подземных, невидимых нам глубинах, а мы сжигаем в секунды. Есть над чем подумать, над чем призадуматься, стоя среди сплетений серебристых змей, на крышке волшебной шкатулки, до которой добралась человеческая сметка. Ведь по всему выходит: качая газ этот, несущийся из глубин с ревом реактивного двигателя, радуясь в меру, с умом и меньше всего думая о бесконечности наших запасов, а, напротив, соображая, как быть доподлинным хозяином, как из каждого кубометра многомиллионного подземного добра получить больше пользы, да меньше его потерять, да лучше переработать и получить в общем нашем хозяйстве искомый, оправдывающий вмешательство в земные недра барыш. Вот потому-то чувством справедливого предостережения наполнены такие слова Леонида Ильича Брежнева на XXVI съезде партии: «... речь идет о невосполнимых богатствах. За их правильное, рачительное использование мы несем ответственность не только перед нынешним, но и перед будущими поколениями. И об этом никто не вправе забывать».

И вот теперь-то в пору вспомнить о цифрах.

Март 1981 года ознаменован первым юбилейным итогом: уренгойское месторождение выдало 100 миллиардов кубометров газа. За три года. К 1985 году оно будет «качать» 250 миллиардов кубов в год. Представляете? 100 — за три года и 250 — в год. И этот гигантский шаг надо одолеть всего за тысяча триста рабочих дней. Таких серебристых заводов, о котором я говорил, установок по первичной подготовке газа, надо будет ставить на уренгойском месторождении по три в год, и каждая из них стоит 45 миллионов рублей. Размах без всякой образности гигантский.

И столица всей этой работы — Новый Уренгой. С лета 1980 года — город Новый Уренгой.

В нем живут сейчас десятки тысяч человек. И знаете, сколько пенсионеров? Четверо! Этот факт я привожу вовсе не к тому, чтобы как-то задеть людей, заслуженно заработавших себе право на отдых, а к тому, чтобы подчеркнуть: город молодой, один из самых

состоит из многих-многих тысяч деталей. Строить установки здесь, в Новом Уренгое, так, как мы себе это представляем, немисливо, хотя бы уже по, как говорят летчики, метеословениям. И вот специалисты придумали такую технологию: установка делается, скажем, в Тюмени или Тобольске, соединяется в блоки и комплекты, доставляется на север, а там только монтируется. Это и называется комплектно-блочным методом. Он ускоряет дело во много крат и оказывается единственно верным в районах Сибирского севера. Кстати, метод этот, скажем так — технология, определяет характер города, качественный состав его жителей. Новому Уренгою требуются не просто рабочие, а рабочие-специалисты, это раз. Второе — многие жители города работают на выезде, в командировке: на трассе газопровода или вот на монтаже серебристых установок. Потом сменными вахтами дежурят на установках, куда их частенько доставляют вертолетами. Такой способ труда называется вахтовым.

Это труд, работа, смысл, ради которого поселок превратился в город, смысл, ради которого в Новый Уренгой прямо с XVIII съезда комсомола приехал ударный отряд имени съезда, а потом отряд «Молодогвардеец», а сейчас — отряд имени XXVI съезда партии.

Однако ведь всякое поселение предполагает не только работу, но и просто жизнь.

Приехали молодые, значит, женятся, значит, будут учиться заочно в институтах, техникумах, школах, значит, родятся дети, а их надо учить, но сперва-то определить в детский сад. Город — это и магазин, и баня, и поперек всего жилье. А кино, танцы, библиотека?

Леонид Ильич Брежнев еще во время своей поездки в Сибирь и на Дальний Восток не раз и не два подчеркивал: надо, чтобы народ здесь закреплялся, не уезжал через год-другой в теплые и обжитые края. А значит, надо создавать человеческие условия при освоении сибирских богатств, не откладывая это на будущее, на когда-то. Обещаниями человек сыт не будет. Дело надо делать, дело.

Но по жизни получается так: когда монтируют установку, тут и контроль тебе, и же-

ГЕРОЯМИ ТЕХ ШТУРМОВЫХ ДНЕЙ, КОГДА РОСЛО У ВСЕХ НА ГЛАЗАХ, РОСЛО С ПОИСТИНЕ КОСМИЧЕСКОЙ СКОРОСТЬЮ ЗДАНИЕ БИБЛИОТЕКИ. БЫЛИ СКРОМНЫЕ И ДРУЖНЫЕ ПАРНИ — МОНТАЖНИКИ С НОВОУЯТСКОГО КОМБИНАТА. НУ, И КОНЕЧНО, ЛЕТЧИКИ, С ОБРАЗЦОВОЙ ТОЧНОСТЬЮ ВЫПОЛНИВШИЕ «БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ» — В ТРУДНУЮ ПОГОДУ ДОСТАВИВШИЕ БЛОКИ И КОНТЕЙНЕРЫ ИЗ КИРОВА В НОВЫЙ УРЕНГОЙ.

надбавки к зарплате в Сибири, на Дальнем Востоке и северных районах, и люди оттуда не будут уезжать. Надбавки, конечно, нужны. Однако только этим проблему не решить. Человек уезжает, скажем, из Сибири, чаще всего не потому, что ему не подошел климат или мал заработок, а потому, что там труднее получить жилье, устроить в детский сад ребенка, мало культурных центров. Вот почему мы планируем в нынешней пятилетке вести в

Все сказанное выше — как бы социально-экономическое обоснование нашей идеи. А первый толчок к ней продикувало, как я говорил, чувство. Со съезда комсомола поехал в Новый Уренгой ударный отряд, а с ним и представители «Смены», но это — обычное наше дело, обыкновенная работа, ведь мы же шефствуем над Новым Уренгоем, так что требовалось от нас, сотрудников редакции, еще и нечто иное, более существенное, чем

обыкновенная работа, и мы купили для ударного отряда 700 книг на свою премию...

Полагаем, что отчет этот — для наших внимательных и постоянных читателей, и поэтому нет нужды пересказывать написанное мною в 1979 году (№ 13). Скажу только, что журнал построил библиотеку в Новом Уренгое, читатели «Смены» прислали тысячи книг, библиотека, нареченная именем журнала, уверенно и доброту работает, став подлинным духовным центром города. Читателей там полно, а если учесть, что теле- и радиоприем там пока ненадежный, библиотека — в расцвете сил и возможностей, и книга для жителей города полноценно играет ту великую роль, которая уготована ей самой ее сущью. Казалось бы, дело сделано.

Но вот летом 1980 года в редакцию приходит письмо, где город устами комитета партии, исполкома Совета, комсомола, руководи-

должно у него быть как-то еще иначе. Данность, мир, его окружающий, ребенок воспринимает как законченный в своем совершенстве, единственно прекрасный, а такие неураядицы, как сорокаградусный мороз, — как дело обычное и вовсе никому не удивительное. Когда мы открывали вторую библиотеку, мороз в городе сжал спирт в термометрах до минус сорока трех, и море ребячьих голов колыхалось вокруг крыльца нового дома для книг, вполне естественно, в середках меховых шапок взблескивали глаза и улыбки, никто из самых маленьких малышей разбежаться и не думал, хотя мороз закладывал горло и мешал говорить. Если по центральноевропейским меркам школы встают на прикол в три десятка морозных градусов, для Уренгоя эта цифра подтягивается до пятидесяти да и то с гаком.

Так что детям Нового Уренгоя не хватает многого, и тепло тут не на первом плане.

плит, который уже однажды выполнил наш заказ.

Признаться, мы ждали понижения, так сказать, температуры интереса к нашей затее. Первый раз — всем интересно, а вот второй? Но мы ошиблись. И в Миннефтегазстрое, и в Минкультуре, и в Нововятске — прежний интерес. Даже радость: вот хорошо! Даже неудовольствие: давно пора!

И здесь я хочу сказать про одного замечательного парня, секретаря комитета комсомола Нововятского комбината Геннадия Чудиновских, человека, который стал главным представителем «Смены» у себя в организации, человека, к сердцу принявшего заботу.

Признаться откровенно, не одно и не два письма получали мы от наших читателей молодых, от людей тоскующих и тоскливо вопрошающих: отчего же такая скука в такой-то и такой-то комсомольской организации? Да

оттого — вот общий ответ, — что нет дела достаточно, что ленивая мысль шевелится вяло и к работе не привязана. Геннадий Чудиновских понял, что библиотека «Смены», вторая по счету, — новая возможность закрутить работу комсомола на комбинате, новая возможность вызвать интерес к жизни, и не общими рассуждениями и лозунгами, а делом совершенно ясным и определенным.

Про библиотеку узнал весь комбинат, все цеха. Много ребят приходило разузнавать, нельзя ли потом полететь на монтаж в Уренгой, так что даже образовалась некоторая конкуренция. Ну, а работали библиотеку, когда соорудили ее в цехах комбината, в каком-то общем порыве, с радостью и ветром. Мало того — организовали сбор книг для будущего здания.

Главная проблема — и, думаю, она остается главной на будущее — не фонды, не наряды, не строительство сооружений в Нововятске, а доставка. Точнее говоря, самолеты. Не такое это простое дело — достать самолеты для переброски здания, коли вагонов-то достать невозможно. Но вагоны нам не требовались. Нам требовались самолеты. Специальные, транспортные. И вот теперь, когда дело сделано, с низким поклоном, от имени и по поручению детей Нового Уренгоя, получивших библиотеку, говорю превеликое спасибо всем, кто помогал в этом благородном деле.

15 марта, в трескучий сорокатрехградусный мороз, новоуренгойская библиотека для детей и юношества открыла свои двери. Скажу по секрету: после митинга народ так валил туда, что дверь-то как раз и сломали. Ничего страшного, тут же поставили новую, главное, что народ валил, желал немедленно осмотреть сооружение, тотчас ставшее достопримечательностью.

Из подробностей, которые предшествовали открытию, отмечу лишь несколько. Девять монтажников из Нововятска собрали и отделили здание в космические сроки — за двенадцать дней. Государственная юношеская библиотека РСФСР имени 50-летия ВЛКСМ и ее директор Ирина Викторовна Бахмутская, замечательная женщина, я бы сказал, выдающийся библиотекарь страны, выделили для нашего новоуренгойского дитяти десять ты-

сяч книг. И каких! Новеньких! Ни разу не тронутых — из своего государственного резерва.

Дотошного книголюба разьедает, конечно же, любопытство, и естественное: каких именно? Большая Советская Энциклопедия, например, десять комплектов «Библиотеки мировой литературы для детей», собрания сочинений многих и многих классиков, начиная с Пушкина, два комплекта двенадцатитомного собрания сочинений Александра Дюма. И все в таком роде. Так что в канун открытия «Смена» отправила в Новый Уренгой ИЛ-18 с книгами из юношеской библиотеки. Помогла нам и Государственная республиканская детская библиотека, ее первый взнос — тысяча книг, но нам обещают, что это только начало. В ИЛ-18 с книгами село еще пять опытных московских специалистов из юношеской и детской библиотек.

Из необходимых деталей. Редколлегия журнала утвердила заведующей библиотекой Веру Артохову, которая прежде работала в Тюменской областной детской библиотеке. Это послужило основой для дружеского каламбура: Веру (Артохову) и Надежду (Надя Бендас — заведующая первой «сменовской» библиотекой) мы вам дали, а Любовь к книгам должна быть ваша, дорогие друзья, новоуренгойцы.

Ну, а теперь пора обратиться к главному обстоятельству, радующему сердце. К книгам, присланным читателями «Смены».

На этот раз адрес, по которому следовало отправлять книги, был новоуренгойский — библиотека для взрослых, база, близости с новым книгохранилищем, так сказать, материнское предприятие.

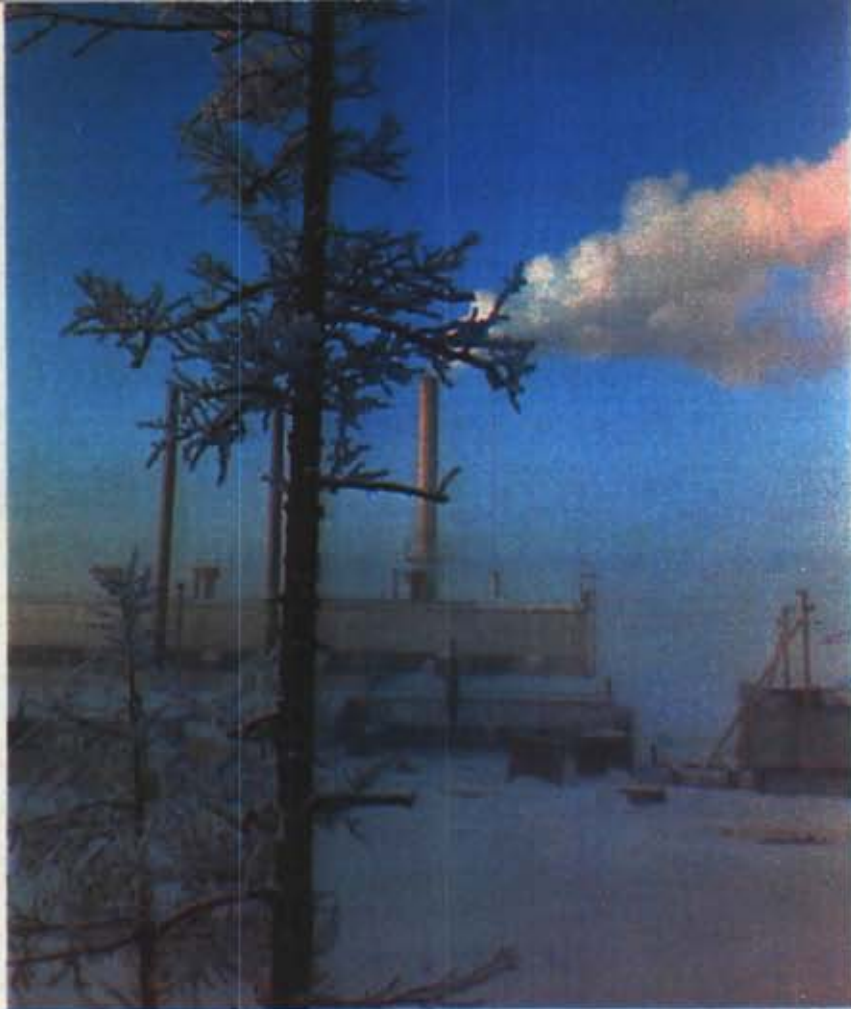
Должен сказать, самое сильное впечатление, которое испытал я при открытии новой библиотеки, — три закрытых для стороннего взгляда комнаты, до потолка забитые посылками и банделеролями с не разобранными пока еще книгами. Многие пакеты разобраны — читатели видят почти в каждом номере журнала длинные списки дарителей. Но еще больше посылки пока не распечатаны: рук не хватает. Так что вместо ожидаемых 25 000 книг Новый Уренгой уже теперь, когда пишутся эти строки, в начале марта, получил не меньше 50 000

телей объединений и трестов говорит нам: библиотеки не хватает, в городе много заочников-студентов, они сидят в читальном зале, и дети — а их все прибывает! — остаются как бы на обочине. Нельзя ли, мол, чтобы «Смена» сделала еще одну библиотеку — детскую?

Дети Севера! Ребятя из дальних, но дорогих уголков Отечества! Представьте себе: клуб в Новом Уренгое на 200 мест, фильмы, к сожалению, приходят не первой свежести, фрукты — они растут гораздо южнее, а мороженое только по ночам снится. И все же нельзя думать, что ребячья жизнь тут какая-то неполноценная, этот народец, он везде и всегда кипучий, веселый, заводной, даже если ничего вокруг нет, он не унывает, живет бойко хотя бы потому, что не знает о том, что

Скорей всего недостает развлечений, веселой жизни, а из дел серьезных — не только веселых, но и полезных, важных — не хватает книг. Уточним: не хватало.

Итак, город обратился к журналу, в журнале собрались на заседание партийное бюро и редколлегия. Решали: братья — не братья? Решили: взялся за гуж, не говори, что не дюж. Построили библиотеку для взрослых, как же уж детям-то не помочь? И закурилось, как в первый раз. Переговоры с Министерством строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности, встречи с первым зам. министра Юрием Петровичем Баталиным, выделение фондов, оформление нарядов, разговор с министром культуры РСФСР Юрием Серафимовичем Мелентьевым, переговоры с Нововятским комбинатом древесных

им теперь. Когда человек растет, ему важен каждый день. Поэтому мы шлем свои книги. Пусть библиотека откроется поскорее!

Еще одна важная мысль. Много слышим о Новом Уренгое, о необыкновенном месторождении газа. Следим за жизнью там, но сами участвовать не можем — народ ведь нужен везде. Так что пусть хоть наши книги для новой библиотеки станут скромным вкладом в замечательное строительство.

«Я пенсионерка, мне 60 лет, 10 лет на пенсии. Сейчас временно по приглашению администрации работаю в межколхозстрое секретарем-машинисткой, откуда уходила на пенсию.

У меня пятеро взрослых детей, семеро внучат. Знаю по своим внукам — любят хоро-

книг. А у меня на столе — новые сообщения. Ребята из одного только Черемушкинского Дома пионеров Москвы собрали 10 000 книг. Рапортует одна школа — 2000 книг, другая, из Вильнюса, — 250⁰.

И тут самое время разобраться с письмами, которые вложены в каждую посылку, в каждый пакет.

О чем они? От кого? Можно ли выявить главные мысли?

Можно. И главная среди главных — это тысячекратно повторяемая мысль: страна возводит на Уренгойском месторождении опорный комплекс газовой индустрии страны, но дети не могут ждать завтра, книги нужны

ТАКОЙ ОН, «ГОРОД С КОМСОМОЛЬСКИМ БИЛЕТОМ», НОВЫЙ УРЕНГОЙ... СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ РИТМ ГИГАНТСКОЙ СТРОЙКИ. ДАЛЕКО ЕЩЕ НЕ ПРОСТАЯ СИТУАЦИЯ С ЖИЛЬЕМ. УВЕРЕННОСТЬ, ОПТИМИЗМ, ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ ЛЮДЕЙ — ОТ МАЛА ДО ВЕЛИКА.

шие книжки. И всем высылаю их, как только появляются новые в магазине, особенно внукам-северянам. Одна из дочерей больше года как уехала с мужем и двумя детьми на работу в Тюменскую область: Сургутский район, пос. Усть-Юган. Он шофер, работает на «Магирусе» — мощной машине, она секретарь-машинистка. Прошлой зимой была у них, видела своими глазами, в каких трудных условиях там работают люди: неустроенность в быту, суровый климат, но приятно было видеть и хорошую дисциплину, подтянутость, целеустремленность. И это радовало. А наряду со взрослыми делают все трудности и они, маленькие дети-северяне.

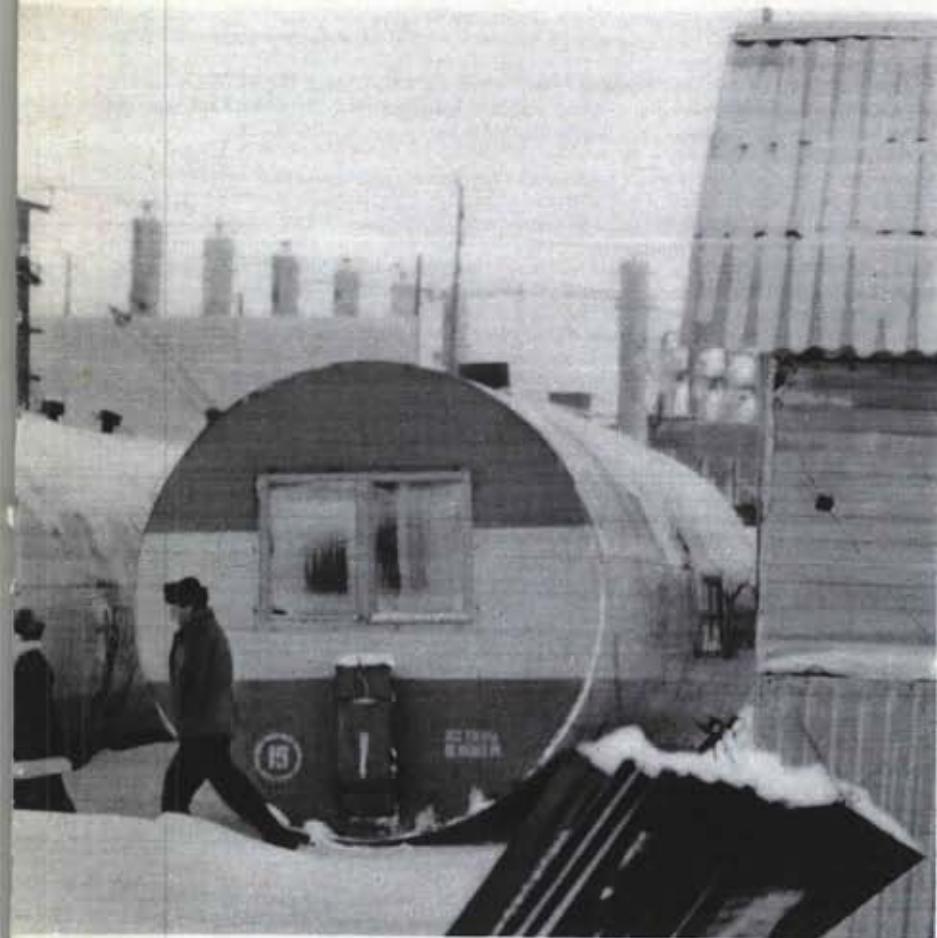
Об этом увиденном я и раньше рассказывала женщинам конторы межколхозстроя, с которыми не теряла связь, и теперь, прочтя эту заметку, не могла не поделиться с ними, и

они в ответ сердечно откликнулись, ибо сами уже матери, а некоторые и бабушки. И буквально на второй день стали приносить книжечки с просьбой отправить детям Уренгоя. Среди них есть и для дошкольного возраста, но у школьников наверняка есть младшие и братишки и сестренки, пусть и им почитают. Да, некоторые книжечки на украинском языке. Пусть не забывают свой украинский язык. Примите этот скромный дар от младшей сестры России — Украины, украинцев. И пусть он будет частичкой всеобщего дела.

Желаем детям Нового Уренгоя, как и всем детям нашей многонациональной страны, расти здоровыми и крепкими, бодрыми и добрыми, человечными. Пусть будут все счастливы. Пусть над ними всегда будет безоблачное, мирное небо.

Вам же, взрослым, находящимся на перед-

нем крае,—крепкого здоровья, личного счастья, благополучия, также больших успехов в вашем самоотверженном труде при освоении Севера, в приумножении богатства и мощи нашей Отчизны-матери. Низкий вам поклон от всех нас. Г. М. Федичук».

И дальше еще девять подписей хороших, добрых людей.

Это, так сказать, один тип участников создания библиотеки, я бы сказал, главный тип. И хочется поразмышлять о Г. М. Федичук — простите, не знаем Вашего имени-отчества — и о ее знакомых и товарищах из конторы межколхозстроя с Украины.

Когда человек, считай, жизнь прожил, он или озлобленный, или добрый. Равнодушной середины нет. Даже если кто-то норовит выглядеть равнодушным, в это не веришь: маска. Злой человек испуган неудачной судьбой, но мне почему-то верится, что даже озлобленность если не угасает вовсе, то притухает, когда сталкивается с бескорыстным добром. Человек же добрый всегда активен, качество душевное подводит его к поступку и отталкивает от бездействия. Такое письмо, какое прислала Г. М. Федичук с товарищами, не может написать человек неблагодарный. И отношение к далекому, казалось бы, чужому делу выходит у нее нашинским, человеческим. Даже краску какую-то обретает женскую, материнскую, не правда ли?

Сердечность, отзывчивость, действенное желание откликнуться делом на заботу человека знакомого, родного или вовсе не известного — это душевное равенство дорогого стоит, потому что это достоинство благородного человека и достоинство, воспитанное нашим строем.

Мне кажется, создание библиотек стало делом, похожим на коммунистические субботники с их ленинскими качествами — бескорыстием, самоотверженностью, отношением к чужому, как к своему, личному, дорогому. И если это так, если хотя бы сотне, тысяче людей (а речь идет о многих тысячах) был подан повод раскрыть добрую сущность личности, поступком — пусть малым! — приобрести к государственному делу, то уже только за одно это стоило, стоило, стоило взывать: давайте сообща сделаем библиотеку в Уренгое.

Еще одна значительная и по массе и по смыслу группа писем. Сознательно, а порой и бессознательно, от доброго сердца — но урок от этого не менее важен! — многие родители воспользовались призывом журнала подарить книги детям-северянам как своеобразным педагогическим поступком.

Вот одно из таких в качестве примера:

«Я и мой сын, третьеклассник Владик, решили внести свою лепту в создание книжного фонда новой библиотеки. Книга в нашем доме — большая ценность. Мне было приятно видеть, как мой Владик выбирал книги для отправки. Он выбрал книги, которые любит. Они прочитаны не только им, но и многими мальчишками нашего двора. Кстати, Владик в своем 3 «Г» организовал библиотеку и сам ею «заведует». Желаем больших успехов в Вашей работе, большого от нее удовлетворения. С уважением, Яна и Владик Бабицкие, Гомель».

Многие сотни писем подписаны родителями и детьми. Пишут, что посылают любимые книги. Желают успеха. Обещают прислать еще. Спасибо им, детям и взрослым. Спасибо, что воспользовались сбором книг, чтобы скрепить свои семьи добрым отношением к тем, кому нужно помочь.

Естественно, что школа, учительство наше славное — низкий ему поклон! — не пропустили хорошего повода. Сотни, сотни писем от малышей, написанных крепкой рукой взрослого, от ребят постарше с благодарным упоминанием имени-отчества учителя, рассказавшего о библиотеке, подсказавшего, что неплохо бы собрать книги да и отправить их в далекий край. Так что вроде как получился во многих школах еще один незапланированный урок — урок товарищества, человеческой солидарности, отзывчивости и серьезности. А вот одна трогательная сердцем, крохотная записочка: «Очень рада, что еще одну малую малость сделала для детей. Учитель-пенсционер Вобликова Зинаида Егоровна, п. Заречный Свердловской области». И книги.

Не сразу осознаешь, что книги эти — новые и потрепанные — не просто формальный акт, а проявление людской душевности. Тысячи вкладчиков у нашей копилки, и ведь каждый, прежде чем послать бандероль или посылку, а то и десятки посылок — один-то человек! — о чем-то думал, как-то сопереживал далеким детям; с этими книгами связаны чувства, память, душевное движение — есть ли цена такому?

Многие дети действовали, похоже, сами. Вот письмецо:

«Эти книги посылаем вам в вашу библиотеку. Мы учимся в 4-м классе. Класс у нас маленький, всего 7 человек, но дружный. Желаем вам хорошо учиться, быть активными в общественных делах. Пионеры Каменской восьмилетней школы».

Маленькие ребята, а слова про общественные дела выбрали верно. Маленькое дело в масштабах-то страны, всего-навсего библиотека, а вот общественный характер детей

наших выявила, можно сказать, в массовом порядке. Это ли не радость наша общая, не гордость, не повод для того, чтобы подчеркнуть это простое, но важное завоевание страны.

Общественный характер народа воспитывается в детстве. И не покидает человека всю жизнь. Это, в сущности, кровь народа — его отношение к другим — и к близким и к далеким. Директор школы из Лучегорска Н. Боев (только один инициал, извините!) по решению молодых рабочих послал уренгойской библиотеке ленточку, которую разрезали при пуске пятого энергоблока Приморской ГРЭС, и написал:

«У лучегорцев добрые традиции: помогать тем, кто ждет твоей помощи. Лучегорцы сдавали кровь бойцам сражающегося Вьетнама, каждый взрослый житель города считает своим долгом сдавать трудовые сбережения в Фонд мира, а теперь мы будем гордиться, что наши книги читают дети Уренгоя».

Вот в какой высокий ряд ставят люди создание новоуренгойской библиотеки для детей и юношества.

Сердечное всем вам спасибо, люди добрые! Спасибо и низкий, в пояс, поклон. От уренгойцев — больших и малых. От нас, работников «Смены». От комсомола.

Когда за дело берется народ, то и малое становится большим. От прикосновения многих рук и многих сердец. Спасибо.

Помните, Ленин говорил об интересе и сознательном отношении миллионов к глубоким преобразованиям — эту важную мысль приводил на съезде партии Леонид Ильич Брежнев. Нам кажется, строительство двух библиотек в Новом Уренгое проявило и интерес и сознательное отношение многих тысяч людей. Их волнует преобразование нашего Севера. Их волнуют судьбы молодых рабочих, приехавших туда. Их волнуют судьбы детей Нового Уренгоя.

Волнуют не вообще, не благобно-слезливо, а вполне конкретно и вполне по-деловому.

Их волнует, чем они живут, как учатся, что читают.

Всю страну волнует Север. И последнее. Секретарь Тюменского обкома партии Геннадий Дмитриевич Лутошкин сказал мне:

— Мы рассматриваем ваши библиотеки как применение метода комплектно-блочного строительства в сфере соцкультбыта.

Об этом же мы слышали от первого секретаря Новоуренгойского горкома КПСС Евгения Федоровича Козлова, от директора объединения «Уренгойгаздобыча» Ивана Спиридоновича Никоенко, от управляющего трестом «Уренгойгазстрой» Юрия Александровича Струбунова, от других товарищей из Нового Уренгоя.

Тяжеленькое это словечко — соцкультбыт. И дело тяжеленькое, что и говорить. Но соцкультбыт — это ведь то, чем живет человек после работы. В сущности, полжизни. А если иметь в виду инерцию, которую разгоняет в человеке хорошая книга, отличный фильм, прекрасный спектакль, если иметь в виду время, которое он думает потом над ними, живет ими, если исследовать чувства, какими жива душа человеческая под влиянием доброго слова, — кто измерит, какими такими приборами обчисляет великую, неповторимую, единственно возможную пользу, принесенную работнику творчеством?

Мы рады, что секретарь обкома подсказал технический термин, означивший наше дело, и тут есть над чем подумать: вслед за библиотеками уренгойцы просят построить музыкальную школу, дискотек, Дворец бракосочетаний и кафе, как говорится, аппетит приходит во время еды. Но прежде всего мы рады общественному характеру нашего дела. Оно подарило нам добрые уроки. В жизни бывают уроки горькие и добрые. Горькие могут ударить по рукам. Добрые возвышают душу. Делают тебя счастливым.

Земной поклон всем, кто сделал счастливей детей Нового Уренгоя и себя!

ДИРЕКТОР ЦЕНТРАЛЬНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПРИ МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ВАЛЕНТИН БЕЛЬЧЕНКО ЗАЯВИЛ О ГОТОВНОСТИ ЦМШ ВЗЯТЬ ШЕФСТВО НАД МУЗЫКАЛЬНЫМ ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ НОВОГО УРЕНГОЯ.

СВОИ НОВЫЕ СТИХИ ПРОЧИТАЛ ПОЭТ ВАЛЕНТИН БЕРЕСТОВ.

В ГОСТЯХ У РЕБЯТ — ГЕРОИНЯ ЛЕДОВОЙ ДОРОЖКИ МАРИЯ ИСАКОВА...

...И ГЕРОЙ КОСМОСА ЛЕВ ДЕМИН.

ТАМ, ШЕ ТОРЕЛ ОЧАТ

РАССКАЗ

Аймуиз перед самым отелом исчезла. Старый Мука искал ее поначалу рядом с аулом. Обрыскал все овраги, расщелины, ложбины — нет коровы. Ну, коли сам отец директора совхоза облазил окрестности в поисках коровы, то и соседи, ясное дело, не сидели сложа руки. Понеслись кто туда, дабы помочь представителю старцу. Два дня прошло. Три дня прошло. Нет коровы.

Всем в доме давно была известна привычка Аймуиз исчезать в тот самый момент, когда ей следовало разрешаться теленком. Поэтому, как только замечали, что у коровы наливается вымя, ее держали на привязи у дома. И нынче домочадцы поступили так. Две недели уже старый Мука не выпускал корову со двора, вовремя снабжал ее и сеном и водой. Но... осерчала молодая жена. «Бог ты мой! — вскричала она. — Мало мы за ней зимой ходим, а тут еще и летом. Может, и себя под нее подстелишь? Дом-то во что превратили! Пройти нельзя — вонища, грязь! А ну, гони ее со двора! Пусть проваливает на все четыре стороны!» На этом возмущение хозяйки не кончилось. Решительно пройдя к Аймуиз, она сорвала аркан с крупного рога, освобождая ее от привязей. Мука не решился даже возразить, только бородку погладил раз-другой. Нечего делать — взял хвостину и отогнал корову к пастбищу.

А Аймуиз не вернулась потом домой. Четые года назад корова исчезла точно так же. И тогда соседи из желания помочь именованному старику исходили все овраги окрест, пока Шашубай не обнаружил ее вместе с новорожденным теленком на старом становище аула по ту сторону Шырагданского перевала. Коня до пены загнал Шашубай, а нашел. Услышав про это, люди говорили: «Надо же — животное, а родные места знает. Чует, где родилась. День ходьбы, а видите — ушла...»

Мука предположил, что и на сей раз Аймуиз не изменила себе. На четвертый день хозяин оседлал гнедого иноходца. Жена, порядком избалованная им, пробовала было отговорить мужа от этой затеи: не стыдно, мол, тебе, отцу «директоров», по степи блуждать в поисках какой-то коровы, будто и послать некого... И он, послушав ее, собрался было снарядить в дорогу того же Шашубая, но потом, прикинув так и эдак, решил поехать сам. Может, захотелось взглянуть на старое становище Талтоган, куда он не поворачивал коня вот уже более десяти лет?

Детство и юность старого Муки прошли в Талтогане. Отец его, Курак, говорил, бывало: «Все шесть поколений наших предков прожили здесь, и наши кости останутся здесь. А вы... один бог знает...» Тогда Мука думал про себя: «Куда мы пойдем, бросив эту землю? Отчего у отца такие мрачные мысли? Откуда такие предчувствия?»

Умер отец. Нежданно-негаданно грянула война. Мука, как и многие другие, отправился на фронт. Тогда он и подумал: «Ах, вот о чем говорил отец! Не суждено, значит, вернуться мне на родину». Нет, вернулся. Живой и невредимый вернулся.

Трое его сыновей выросли. Всех троих выучил. На глазах оперялись птенцы. Кто уж тут скажешь, если два сына — директора совхозов, а третий — директор школы. «Эка их куда занесло! — думал он с гордостью в минуты уединения. — Не велел же я всем троим так прямо директорами и быть. Ну, коли получилось... Эге, они у меня еще далеко пойдут...» И, поглаживая рукой бороденку, посмеивался про себя Мука. Уж больно радостно ему было за сыновей. А через четыре года, когда старший сын Ержигит поднялся вдруг до председательства в районном исполнительном комитете, он сказал озадаченно самому себе: «Вот-те на! И куда ж это он? Да где он с эдаким рвением лет через пяток будет?.. Нет! Надо бы его предостеречь: приостановись, дескать. Чужая зависть хуже любой напасти. Чем выше скала, тем больнее падать». Своими опасениями поделился со старухой. Та на этот счет была настроена более оптимистично. Да и он-то, признаться, больше для виду беспокоился. Какого отца не радуют успехи собственных детей?

Не предполагал никогда Мука, что может уехать из Талтогана. Даже когда народ с мест поднялся — все в новый совхоз переезжали, он остался в своем доме. Кто знает, может, и жил бы он там по сию пору? Но, как на грех, заболела старушка Данекер. И в постели-то недолго пролежала, за две недели отошла. С тех пор и потерял себя Мука. Средний сын Белжигит надумал увезти старика. А ему ничего и не оставалось, как согласиться. После годовых поминок по матери сыновья стали присматривать для отца женщину, которая могла бы «и воду ему разогреть для омовения, и ушедшую в мир иной мать заменить, хозяйкой в доме быть». Старик не был против. Так и приискали ему эту самую Торгын. Как сказали ей: «Дети у старика сплошь начальники. Будешь павой ходить, руки в теплой воде держать, сама — судья, сама — ханша», — так она и согласилась сразу. Но передала будущему супругу условие: «Женишься на мне — передеешь в совхозный центр. Не могу среди голых камней жить, хочу в просторном доме, среди народа». Старик принял ее условие. Да и как не принять, если высокогрудая молодуха, щедро расточавшая аромат духов, с первой встречи увлекла Муку, которому уже шел шестой десяток.

С появлением Торгын Мука скоро уехал из Талтогана. С тех пор прошло десять лет. Поначалу он утешал себя тем, что будет навещать землю предков, покидать которую, по советам говоря, ему не очень-то и хотелось. Дело на первый взгляд и не хлопотное вовсе. Но постепенно он свылся с новой обстановкой, новыми людьми, неизменно окружавшими его почетом и вниманием. Так и не побывал старый Мука на прежнем становище.

Гнедой иноходец одолел изрядную часть пути. Летнее солнце поднялось к зениту и палило вовсю. Старик, который утром поверх костюма накинул на себя бархатный чапан¹, стало жарко. Но снимать его он не стал.

Навстречу, прямо в лицо, после того, как он перевалил через Шырагдан, приятными напыльями задул самал². Мука взбодрился. Гнедой пока что не сбавлял темпа. «Передохну у подножия, там, где родник. Глядишь, с заходом солнца в Талтогане буду».

Мука знал, что в этих местах уже никто не живет. Одна-единственная ферма была, да и ту перебазировали в прошлом году. Про это он слышал от Белжигита, ферма была в его ведении. Но если бы даже и встретились старику жилища, вряд ли он заглянул бы туда: жена перед дорогой положила достаточно провизии в старую черную сумку, к тому же и предостерегла, надо полагать, не зря: «Не суйся в каждый дом со своим «ассаламагалейкум». Еще заболешь — мало ли чего тебе подадут?..» Мука и наметил для себя: отыщу Аймуиз — и назад. Если бы, скажем, Аймуиз вывернулась навстречу сейчас, как знать, он, возможно, и повернул бы обратно, не доезжая до Талтогана.

Глаза его внимательно прощупывали окрестность. Впереди замаячило что-то, оказалось — косяк лошадей...

К закату солнца он добрался, наконец, до Талтогана. Показались садовые деревья и дома, а затем и узенькая речка, змейкой петлявшая рядом с аулом, небольшой косогор, заросший польнью... Тепло стало старику на душе от этих картин. Он почувствовал расслабленность в теле, стал подгонять коня, замедлившего ход. «О господи, все на месте, как было», — пробормотал он, не сводя глаз со старого становища. Иноходец переправился через речку, которая заметно помелела — вода доходила лишь до щиколоток. «Течет», — проговорил вслух старик, и в голосе его смешались тоска и радость.

А вот и дома. Стены уже рушились, вместо окон и дверей — зияющие дыры. Пустые сараи для скотины выглядели сиротливо. Плодовые деревья в садах погнулись, на многих из них обломаны сучья. Что и говорить, картина для постороннего человека весьма унылая. А ведь был аул, был...

Вот и его дом. Пока что упала одна стена. На других — осыпалась штукатурка, появились расщелины, в некоторых местах зияли дыры. После двух-трех хороших дождей обвалится и оставшиеся стены. Старик спешился у самого порога. Ведя коня под уздцы, обошел дом. Он в нем родился. В нем вырос. В нем состарился. Люди поначалу называли этот дом «домом Шидебека», потом — «домом Курака», потом — «домом Муки». Теперь он должен был бы называться домом Ержигита, или Белжигита, или младшего сына — Сайранбека. Но так не случилось. Корявыми старческими пальцами он погладил притолоку двери.

Недолго задержался здесь Мука. Вспомнив, зачем приехал, заторопился, собираясь снова влезть на лошадь. Все тело было разбито — возможно, оттого, что давно уже не совершал такой долгой поездки на коне.

На польном косогоре почувствовал себя вдвое. В нос ударило горьковатым запахом польни. Густая она нынче выросла. Видно, богатой на дожди была весна в этих краях. «Да, земля не меняется. — Старик вздохнул. — Такая, какая была. И земля и польня... Все по-прежнему...»

Мука подгонял и подгонял уставшего коня и жадно всматривался в окрестности. Нет коровы. Пусто. Это не на шутку встревожило старика: «Или глаза мои ослепли?»

Долго еще изучал он близлежащие гребни гор. Повернул снова иноходца к собственному дому. Решил заночевать, другого выхода не было. Лошадь привязал к дереву, а сам, взяв в одну руку камчу, в другую — черную сумку со снадью, которой снабдила жена, расположился на такыре³ рядом с разрушенным очагом. Хотел было чапан расстелить на земле, да раздумал, вытащил из сумки газету, развернул ее и сел на нее. Еды в сумке оказалось много: вяленая конина, айран⁴, хлеб, лук... Старик, повеселев, рассмеялся: «Господи, да ведь этого мне не на день — на целую неделю хватит». Он с удовольствием съел жирного мяса с хлебом, запил айраном. Проголодался, видно, — давно не ел с таким аппетитом. Остатки трапезы сложил обратно в сумку. Обогнув дом, направился к саду у речки. Устал он от езды. Ноги дрожат, сил нет переступить.

Просторный, огороженный частокотом из колочего камыша двор некогда утопал в урючном цветении. Но оттого, что за деревьями ухаживали непостоянно, многие из них еще в бытность здесь Муки не плодоносили и в конце концов засохли. «А теперь, должно быть, и нет сада — порубили на дрова», — с горечью подумал Мука. Доводилось ему слышать, что тот или иной пастух загонял сюда свое стадо или отару.

Сад оказался попорченным, но не настолько, как предполагал старик. Рубили, видно; разборчиво — только совсем высохшие ветви и деревья.

Мука неспешно обошел сад. Каждое дерево он рассматривал внимательно, ведь все они были ему знакомы. Вот этот урюк он посадил вместе с Данекер в первый год, когда поженились. Тонюсенький был прутик, прогибался до корня на ветру. Мука срезал его на реке, принес домой, и вдвоем с Данекер, выдолбив кетменем лунку в земле, посадили его. Десять дней прутик не подавал признаков жизни. Данекер даже посмеивалась над ним стала: дескать, может ли вырасти дерево, если его посадил Мука?.. Саженец ожил, выбросил сразу несколько почек. «Ну, хороший из меня садовник?» — спросил тогда жену Мука, и та лишь улынулась смущенно.

До осени деревце окрепло и вытянулось в рост человеческий...

«Прутик» теперь тоже состарился. Ствол — в обхват. Много засохших ветвей. Еще одно дерево... Его он посадил за год до рождения младшего сына Сайранбека. В тот год, помнится, из сада соседа Акикиа он привез два мешка, набитых доверху урюком. Данекер страсть как любила урюк или, может, в то лето это у нее было связано с беременностью? Короче, долго лакомилась она тем урюком и в один день вдруг протянула ему узелок с горсточкой косточек и сказала: «Никогда не ела такого вкусного урюка. Давай посадим их во дворе». Осенью того года поковырялся Мука в земле и бросил в нее шесть косточек. Весной появился один росток. Не зря нахваливала урюк Данекер, очень он сладким уродился, к тому же и дерево выросло необыкновенно плодоносным. Каждый год до тех самых пор, пока они не покинули этого места, наслаждались супруги сочными плодами. «Может, и сейчас оно плодоносит?» — подумал Мука, глядясь в верхушку дерева, но в потемках не различил ничего. Подойдя поближе, тряхнул одну из ближних веток, на землю посыпалось что-то. «О, создатель, плодоносит еще!» Мука на ощупь стал собирать рассыпавшиеся плоды. Набрал две полные горсти. Хотел было попробовать один на вкус, да, поднеся ко рту, раздумал: «Пыльный, поди, помою — тогда и съем». Вспомнилась молодая жена Торгын. Она в таких случаях вскидывалась зло: «Ты, старик,

¹ Чапан — национальный халат.

² Самал — прохладный ветерок.

³ Такыр — место старого кострища.

⁴ Айран — простокваша.

эдаким манером болезнь себе заработаешь...» Сняв кушак, которым был подпоясан, Мука развернул его и сложил туда урюк.

«Сколько лет Данекер разводила огонь в этом очаге! Эх, жизнь! Проходишь и остаешься в памяти, как сон! В летние дни, ставя на очаг молоко, Данекер терпеливо ждала, пока оно закипит. А бывали минуты, когда они садились рядышком у очага — о чем только не вспоминали! Беседа такая задушевная, теплая, а огонь в костре потрескивал звонко, точно одобрял эти часы их уединения... Но такой тишины, как сейчас, не было тогда, помнится. Мычали коровы, фыркали овцы, заливались лаем собаки, а из домов, ближних и дальних, доносились возбужденные голоса соседней. Только в ауде бывает такое...»

В год, когда, закончив учебу, вернулся их младший сын Сайранбек, Мука с Данекер опять же сидели у этого очага и вели сокровенный разговор о детях. То была пора, когда их старшие сыновья — Ержигит и Белжигит — гремели, как говорится, на всю округу: оба стали директорами совхозов. Да и не только Мука с Данекер, весь аул говорил о них. Мука тогда сказал ей шутя: «Не сыновей ты мне родила, а сплошь директоров. Как бы и Сайранбек в директора не угодил!»

Через два года Сайранбек стал директором школы. Вот уж повеселились тогда Мука с Данекер, вспомнив про тот свой разговор у очага.

Теперь, думая обо всем этом, Мука сидел один. Если бы сейчас рядом была Данекер, они опять бы посмеялись... Но Данекер — в могиле, в двух километрах отсюда, рядышком со свекром и свекровью. «О мир! — Мука вздохнул тяжело. — Если бы не забрал сюда, на старое становище, то... Жизнь берет свое, за будничными хлопотами забываешь о том, что было. А довелось вернуться в родные места — вспомнил. Завтра и на могилки, даст бог, схожу, молитву по усопшим прочитаю».

Огонь в очаге стал затухать. Глядя на слабеющее пламя, стал подремывать и Мука.

Короткая ночь пронеслась быстро. Когда он проснулся, солнце уже встало и все вокруг было залито торжествующим сиянием пробуждающегося дня. Он спешно начал собираться. Приведа лошадь, оседлал ее. Сполоснул лицо прохладной речной водой, выпил до дна бутылку с айраном и, отбросив ее в сторону, сел на лошадь. На сей раз он поехал вдоль реки. В теле он все еще ощущал разбитость. Под коленями ныло. Лошадь, чувствовалось, отдохнула: шла привычной для нее иноходью. «Хорошо, если найду до полудня, — подумал старик. — Тогда до вечера и домой добрался бы. Ну, а если не найду, что тогда? Земля ее, что ли, поглотила?»

Досада, скопившаяся со вчерашнего дня, прорвалась наружу. Даже река сегодня показалась старику малопривлекательной. Бывало, глаза радовались густым зарослям камыша и ивняка по берегам. А теперь и зелень не та, что раньше. Поблекла, точно припорошена пылью. «Ушел человек, так и на реке жизнь худая пошла», — подумал старик, не забывая всматриваться во все, что темнело в стороне. И лошадь туда-сюда поворачивал — нет коровы. Уже и речка осталась позади, уже и на гребнях он побывал, разглядывая все вокруг из-под ладони, — ничего и никого. Попробовал и покричать: «Аймуйиз, ау-аху!» Напрасно. Только эхо вторило в ответ.

Настал полдень. Знойным он выдался. Вон как солнце палит, растопить может! Старик потемнел в лице, злость разобрала его не на шутку. «Надо же — до чего бродячая оказалась эта скотина! Можно подумать, золотого тельца она выродит, если далеко заберется. У, чтоб тебя оспа съела! Покажись только мне на глаза! Уж я тебя проучу, забудешь, как по долинам шастать!»

Еще через некоторое время старик подумал с сомнением: «А может, и не забрела сюда корова? Может, отирается где-нибудь у аула?»

Он решил проехать еще до сада Балькты и вернуться, если коровы там не окажутся.

Время перевалило за полдень. Стало и вовсе душно. Мука устал. Неожиданно за ивняком у реки будто что-то мелькнуло. Мука подстегнул лошадь кнутом. Теленок! Откинув назад голову, он с любопытством и страхом уставился на путника и повернул назад, покачиваясь на слабых еще ножках. Неподалеку беспечно паслась сама Аймуйиз. «Ишь, и не торопится, а?» — подумал в сердцах Мука. — Как будто в гостях здесь у родственников. Ну, я сейчас с тобой поговорю!»

Пока он не подъехал вплотную, Аймуйиз щипала траву, не обращая на него никакого внимания. Только когда старик с возгласом: «У, чтоб тебя оспа съела!» — замахнулся на нее камчой, она оторвала от земли голову и глянула на Муку. Тот полоснул ее раза два-три по боку. Корова с ревом понеслась вперед. Мука и тут не оставил ее в покое, огрел камчой еще раз.

Теленок беспомощно ковылял за ними. Мука оглянулся на него, лишь когда умерил свой гнев. Тот отстал порядочно. Пытался вроде бы и бежать, да не по силам ему это было. Старик внимательно оглядел его. Какой, интересно, день ему? Второй, третий? С такой скоростью, с какой передвигается сейчас теленок, они до аула не то что за день, за три не доберутся. Он стал подгонять теленка, хотя и знал заранее, что это не выход из положения. А что, если взвалит теленка на лошадь впереди себя? Тогда и Аймуйиз волей-неволей последует за ними.

Мука сошел с коня, чтобы поймать теленка. Но животное, никогда еще не видевшее человека, припустило в сторону. Старик, спотыкаясь о полы чапана, бежал за теленком, пока тот не упал, споткнувшись о большой камень. Гнев разом сошел с Муки, он пожалел малыша. Аймуйиз, ушедшая далеко вперед, вернулась и стала облизывать дрожащее тельце детеныша, предпринимавшего отчаянные попытки подняться. Встав, наконец, на ноги, он спрятался под брюхо матери, продолжавшей облизывать его. «Ишь, любвеобильные какие! — подумал старик, выхватывая теленка из-под коровы, но, когда подошел к лошади, та вдруг начала брыкаться, не подпуская к себе телка. «Что же теперь делать?!» Лицо старика и вовсе почернело. Оставалось одно — гнать животных впереди себя.

Продвигались они крайне медленно. Замучил зной, в висках стучало от жара. Кроме айрана, который Мука выпил утром, он и не попробовал ничего. В сумке, помнится, была еще бутылка. Глянул на луку седла — сумки нет. «О бог ты мой!» В отчаянии старик глядел то на седло, то на дорогу позади. Поискал кушак с урюком на поясе. Тот оказался на месте. Пропажа сумки огорчила старика. Остановив лошадь, он постоял некоторое время на дороге: наверное, там, в ивняке, оставил, когда корову увидел, но возвращаться не было смысла. А ехать вперед в таком состоянии тоже небезопасно — может и вовсе не добраться до аула, вон как мельтешит в глазах! Старик сник. Заклочив, наконец, что целесообразнее все же продвигаться вперед, чего бы это ему ни стоило, погнав коня следом за удалявшимися от него животными.

Теленок стал отставать. Ноги заплетались одна о другую. Мука концом кнута подталкивал его, но это не помогало. В конце концов теленок остановился совсем и повалился, как подкошенный, на обочину дороги.

Извелся Мука. Слез с коня, долго глядел на тяжело, с присвистом дышавшего телка. Аймуйиз суетливо кружилась рядом. Издавая стонущие надрывные звуки, она облизывала его. Наконец, теленок, дрожа всем телом, встал. Пососав

Рисунок Валерия БОДРОВА

мать, набрался сил. Сняв волосяной аркан с лошади, Мука пошел к нему, задумав вести его в поводу. Хотя и устал телок, но, когда жесткие пальцы Муки коснулись его шеи, забрылся отчаянно. Раз даже вырвался из рук, и старику стоило больших трудов снова поймать его. Грубый волосяной аркан сдавил шею малыша, и он покорно последовал за матерью.

Старик задыхался от жажды, а поблизости и родника не видно. В горле пересохло, пот залил глаза. Теленок опять выбился из сил. Но старик теперь не жалел его. Волок следом за собой на аркане. Жажда и голод сделали его жестоким. Он не думал о том, что теленок может погибнуть. Он не хотел об этом думать. И потому нежное тельце новорожденного младенца продолжало тащиться чуть ли не волоком по старой, заросшей польной тропе. Но если старику эта картина была безразлична, то не могла быть к ней безразлична Аймуйиз. Рев, которым она оглушила старика, заставил его остановиться. Приставив ладонь козырьком ко лбу, Мука огляделся по сторонам. Из-за марева не смог разглядеть ничего. Но ведь то были места, где он вырос, он мог хотя бы предположить, где находится. Во-он за тем гребнем, в стороне, в позапрошлом году была молочная ферма. Конечно, людей там, возможно, и не окажется. Все, наверное, переехали. Но там есть родник. В том состоянии, в каком пребывал сейчас Мука, один глоток ледяной воды представлялся великим счастьем.

Подгоняя вперед чуть ожившего телка, старик направился к гребню. Когда они поднялись на него, показалась ферма, вернее, то, что осталось от нее. — длинные коровники, цементные астау-поилки. Семь или восемь домов. С некоторых сорваны крыши, окна без стекол зияют неприятно. «Уехали все. Бросили и уехали», — обессиленно заключил старик. Но неожиданно-негаданно из тени старого астау вывернулась вдруг навстречу собака. Одно название что собака. Волчище! От быстроты, с которой несся пес, и от лая, который он издавал, Муке стало жутко. И в это время распахнулась дверь крайнего дома, и из него показалась старушка в белом жаульке. Громким возгласом она отозвала назад собаку. «Господи, дом есть. Спасибо тебе, о боже, за милость твою!» — проговорил старик, радуясь, как ребенок. Он и про корову с теленком позабыл, поскакал прыжком к дому. Подъехав ближе, подумал: «Мерещится мне, что ли? — протер ладонью глаза. — Она... Бог ты мой, да это Шынаркуль! Так, значит, она здесь... до сих пор...» Изумленный и обрадованный, спешил Мука у дома.

¹ Жаулык — национальный женский головной убор.

Шынаркуль долго всматривалась в него. Не признавала, наверное. Все то время, пока Мука привязывал коня, она молчала, и лишь когда тот направился к дому, что-то дрогнуло у нее в лице, а потом, путаясь в собственном подоле, побежала ему навстречу. В глубоко запавших старческих глазах залучилась радость.

— Мука, ты ли это?! Бог ты мой, сон это или явь?!— Шынаркуль схватила его за руку.

— Здравствуй, Шынаркуль! Как ты тут?— устало проговорил Мука.

— Приехал—таки наконец!— продолжала старушка.— Вспомнил, значит, вспомнил все же... А я думала, все про меня позабыли... Тысячу раз спасибо! Ты разыскал меня!

Они прошли в дом. Мука расположился на торе¹. Шынаркуль присела почти вплотную к нему, точно боялась, что потеряет его, если сядет дальше.

Лет шесть назад Мука слышал, что единственный сын Шынаркуль погиб — перевернулся трактор.

— Пусть земля ему будет пухом, твоему Кайыпбеку! Разделяю с тобой твою горе.

Шынаркуль ответила ему долгим взглядом. Глаза ее были влажны.

— Мука, ты это про Кайыпбека никак? Несчастливая я теперь ведь, Мука. Потеряла я его.— Схватив старика за руку, она разрыдалась в голос.— Не слышу я тебя. Заложило наглухо уши. Последние слова, которые я услышала, это: «Нет теперь твоего Кайыпбека». После этих слов мир лишил меня слуха. Мир не говорит со мной. Тихо-тихо. Но нет! Это я сама не стала ничего слушать. Мне не хотелось больше слушать шум этого мира. Зачем мне слушать? Зачем мне его шум? Все равно ведь в этом шуме я не слышу больше голоса моего Кайыпбека. Его смеха. Шороха его шагов. Не хочу слышать!

Шынаркуль плакала долго. Мука пробовал ее утешить. Утешая, и сам проследился.

Потом Шынаркуль принесла куман² и таз, полила воды на руки Муки, дала ему полотенце. Расстелила дастархан³.

Мука начал раздеваться. Сняв борик⁴ с головы, положил у стены. Хотел было и чапан стянуть, но, когда развязал пояс, из кушака, выпавшего из-под него, выпал урюк. Некоторые плоды подавились. «Жаль, одеяло запачкают»,— подумал Мука и начал было собирать их, но тут с радостным возгласом подскочила Шынаркуль.

— Бог ты мой, да ведь это из вашего сада урюк! Все еще плодоносит, а? Как несочнаема щедрость твоя, природа! Все еще сочные! Каждый — с детский кулачок. Желтые-прежелтые... Ну прямо золотые!

Шынаркуль с удовольствием жевала урюк. Лицо ее просветлело, даже глаза, в которых как бы навечно затаилась печаль, оживились. Мука, взяв один урюк, начал вытирать его о край дастархана, и Шынаркуль одернула его:

— Ты к чему вытираешь-то? Бывало, мы с Данекер так и ели — боялись, что вкус испортим, если мыть будем.

Мука положил урюк в рот. Особенного вкуса он не почувствовал — чуть даже отдавало водой,— но виду не подал.

— Помнишь, Мука, в молодости-то, бывало, мы с Данекер сживали эдак в тени тальника и целыми часами напролет раскалывали орешки. А вы с Кауленом еще шикали на нас, дескать, не для того мы вас брали, чтобы вы тут орешками шелкали. Ругались вы, а нам это милее вашей ласки было. Мы в ответ только смеялись. О господи, какие мы тогда счастливые были!

Шынаркуль, говоря это, смаковала урюк, словно желала сохранить в памяти его вкус. Взяв еще один, сказала:

— Мука-ау, остальные ты уж прибереги. Детям отвезешь. Пусть отведают. Слышала я, что женился ты. Поздравляю! И от нее, говорят, дитяtko народилось... Да-да, завяжи в узел, привезешь им, все же с землей дедов.— Пройдя в смежную комнату, вынесла оттуда белый платок, который, видно, не надевала еще. Оставшегося урюка не очень-то и много было. Старик подумал: «К чему их везти в аул?» Но обижать Шынаркуль не захотел. Собрал урюк в платок, он положил его в карман чапана.

Еще через некоторое время Шынаркуль подала чай. Измученный жаждой Мука пил чай долго, истекая потом. Поел в охотку и мягкой лепешки со сливочным маслом. Почувствовал себя веселее. Хотел было порасспросить Шынаркуль о том о сем и продолжить таким образом беседу, но, вспомнив, что та не слышит, замолчал в раздумье. Зато разговорилась сама Шынаркуль:

— Одним-единственным домом я здесь живу, Мука-ау. В позапрошлом году твой Белжитит перевез отсюда всю ферму. Вот в этой стороне за двумя холмами есть участок соседнего совхоза. Поле у них там. Вот туда и хожу. Сахар и чай там прикупаю.

Мука кивнул головой: дескать, слушаю тебя.

— После годовых поминок по Кайыпбеку невестка уехала к своим родственникам. Что же мне делать, не могла же я ее оставить, погоди, мол. От Кайыпбека детей она не понесла. А если бы понесла, как знать, может, и осталась бы со мной в доме?.. На роду, видно, написано мне одиночество. Вот и осталась одна со своими слезами. Не проклинала я ее, что уходит, дала ей свое доброе благословение. Сказала только: «Это первый твой порог, который ты переступила за мужем,— не забывай про него». И она при прощании расплакалась, что же ей делать? Хотела она уходить, что ли? Не осталось, значит, для нее интереса в доме. Пусть ей повезет в жизни. Пусть счастье улыбнется ей!

Глотнув чаю, она продолжила:

— И вот сторожим мы с Алпсоком целый аул. Ты его уже видел. Не пес это, не могу я его псом назвать. Человек это... Как же мне не называть его человеком? Он ведь добро мне делает, какого и человек не делает. Что бы я сказала, если бы и Алпсок меня бросил и ушел? Что бы я сказала? Расплакалась бы, как всегда, и осталась бы со своими причитаниями. Со всем бы смирилась. Но нет... Он не должен бросить меня.

Мука безмолвно слушал Шынаркуль, скатывая и разгибая край дастархана. После чая Мука вышел наружу. Солнце склонилось к закату, зной спал.

— Сегодня передохнешь, а завтра по утренней прохладе и поедешь, а? Постелю тебе в тени, отлежись. Старые кости не молодые, покоя просят,— сказала Шынаркуль, унося опустевший самовар.

Мука кивнул головой.

Проснулся Мука, когда тени заметно удлинились. Почувствовал, что отдохнул. А у Шынаркуль уже был готов ужин.

Помыв руки, они сели за дастархан. Много мяса наварила хлебосольная хозяйка.

— Надо бы скотину в твою честь прирезать, Мука, но вот только перед твоим

приездом отогнала всю живность в соседний аул, про который я тебе говорила. Ноги, сам понимаешь, старые, не одолеть мне второй раз за день такого пути. А то для кого еще свежевать барашка, как не для тебя? О господи, сколько же я ждала твоего приезда — месяцами, годами... Думала, прожили столько рядышком, ровесник как-никак, заглянет... И вот, слава богу, заглянул... Бери, Мука, угощайся. В молодые-то годы, бывало, блюдо мяса для вас с Кауленом — что?

После мяса они снова пили чай. Потом Шынаркуль приготовила ему постель на настиле под деревьями во дворе. Ночь вступила в свои права. Лечь-то лег Мука, а заснуть не смог. Все кругом: и звезды, проткнувшие дно неба, и птицы, задремавшие в свои гнезда, и дома без хозяев, сиротливо темневшие в ночном воздухе,— как бы преисполнилось жизни. Они говорили с ним как одушевленные.

Шынаркуль все еще хлопотала по хозяйству, то входя, то выходя из дома. Принесла воды. Перемыла посуду, обрызгала водой двор, подмела его. Аккуратная она хозяйка. И сама опрятная, и дом опрятный.

Управившись с делами, она подошла к настилу, где лежал Мука, присела рядом.

— Не спишь, Мука?

Он шевельнулся, давая понять, что не спит.

— Воздух родной земли — успокоение для души, не так ли? У вас там жарко, и воздух душный. И мух, говорят, много.

Шынаркуль была права. Что там мухи, от которых покоя не было, когда вечером комары еще наседали!

— К Данекер ты, наверное, сходил уже, прочитал молитву за упокой души ее? Со свекром и со свекровью она там. Это хорошо... Показал, значит, духам предков, что жив ты, что не забыл о них.

Мука замер напряженно. Сколько уж лет подумывал он съездить на могилу подруги, с которой прожил много лет, на могилу своих родителей, но так и не сумел этого сделать. Все не представлялось случая. Сейчас ему стало стыдно. Благо, что темно было, и Шынаркуль, естественно, не могла заметить краски смущения на его щеках.

Шынаркуль, нагнувшись, поправила на нем одеяло и подвернула заботливо край.

Проснулся он от чириканья воробьев. Рассвело. Шынаркуль давно встала. Чай вскипел. Торопливо одевшись, Мука умылся.

На том же настиле Шынаркуль расстелила дастархан, принесла самовар.

— Аймуиз я подоила. На, поешь молозива,— сказала она, пододвигая тарелку, наполненную оранжевым лакомством.

Молозиво показалось Муке жиже обычного. «Наверное, третий день тому, как разрешилась Аймуиз»,— подумал он. Но вкусным было молозиво, необыкновенно вкусным. Жестом он предложил угоститься и Шынаркуль.

Пора было отправляться восвояси. Шынаркуль вынесла из дома чапан, камчу, вечерашний урюк, завернутый в белый платок. Мука оседлал лошадь. Шынаркуль хотела было натянуть недоуздок на мордочку теленку, но тот, живо увернувшись, юркнул под брюхо матери. Далеко он, правда, не посмел убежать... Пока Шынаркуль надевала на него недоуздок, он дрожал, не отрывая больших выразительных глаз от старушки.

Мука сел на коня. Аймуиз снова пошла впереди. Шынаркуль сама повела теленка в поводу. Только за холмом отпустила его. Попрощалась за руку с Мукой.

— Будь здоров, Мука! Завернешь ли сюда еще или не завернешь? Если найдутся такие, что поинтересуются мной, не говори, что одна я здесь. Скажи, жаль ей родного становища, не может оставить могил родных, потому и живет там. Так и скажи, Мука.

На сей раз Шынаркуль не расплакалась. Только голос задрожал, выдавая волнение.

— Прощай, Шынаркуль!— сказал и Мука дрогнувшим голосом. Произнести что-нибудь еще не хватило сил.

Удалившись порядочно, обернулся. Шынаркуль все еще стояла на холме. Белый жаулык ее трепетал на степном ветру.

Мука уже не рассчитывал, как вчера, время, когда доберется до аула. Он, кажется, и не спешил туда. Аймуиз шествовала в двух-трех шагах впереди, теленок, волочивший за собой хвост недоуздки, неотступно следовал за нею.

И они не спешат...

Мука думал, но не о том, что ждало его впереди, а о том, что было. Молодость вспоминалась. Талтоган, становище его предков, место, где прошла его молодость, Шынаркуль. «Надо поехать осенью в Талтоган, полить урюк,— размышлял он.— Фрукты ведь. Пусть зеленеют... Единственные живые существа на безлюдье. Нельзя допустить, чтобы они погибли. А Шынаркуль — надо про это somehow сказать — к зиме в район перевезу. Обязательное перевезу».

В полдень Мука добрался до родника у основания Шырагдана. Здесь он спешился. Из родника наполнились и он, и корова, и теленок. Старик не торопился. Снял узду с лошади, пустил ее поспастись на сухостое возле родника. Теленок мигом нырнул под брюхо матери. Старик вспоминалось, как он гнал вчера несчастных животных,— стало стыдно. А как он тащил волоком теленка! «Господи, как у меня хватило духу! Какой я все же жестокий! Не он бы, этот телок, так я бы в Талтоган и не заглянул бы никогда. Да, это он, он притащил меня сюда. У, озорник забавный!..»

Встав, старик хотел было приласкать теленка, который, напившись молока, блаженно вытягивал теперь спину на солнце, но тот метнулся к матери. Когда корявые пальцы старика прикоснулись к его спине, он весь так и замер на месте, напряжился, задрал высоко голову. Страха в глазах не было. Разве что удивление и чуточку высокомерия. «Ишь, гордец какой!» Старик ласково провел ладонью по щеке. Теленок выжидательно стриг ушами.

На подъеме Мука не стал садиться на лошадь. Пошел, ведя в поводу одной рукой лошадь, а второй — теленка. Солнце затмило тучи. Старик обрадовался. «В жару попробуй полезть на гору! Особенно с таким вот телком!» И действительно, подъем на гору оказался тяжелым. Уже с первых метров у теленка начали заплетаться ноги. И Аймуиз сбивалась с хода, бесконечно озираясь на него. Мука устроил небольшой привал. Ему и самому этот подъем был не под силу. Давно не ходил пешком. Сняв чапан, набросил его на лошадь, а сам присел на придорожный камень.

Спустя некоторое время встал. Теленок застыл рядом с матерью. Аймуиз яростно нализила ему спину, бока. Опьяненный такой любовью матери, телок стоял недвижно, широко расставив ножки и низко опустив голову. «До чего любвеобильна к чаду своему»,— подумал Мука, не отрывая глаз от коровы.

Снова пошли вперед. Отдыхали то и дело. У Муки свистело и першило в легких и руки дрожали, но он находил в себе силы подгонять теленка.

Тучи, заволочившие небо, стали постепенно сгущаться. Вскоре закапал дождь. Старик забеспокоился: «Как бы град не пошел. И укрыться-то поблизости

¹ Тор — почетное место для гостя.

² Куман — кувшин.

³ Дастархан — скатерть.

⁴ Борик — головной убор.

негде». Опасения старика оказались не напрасны. Полил шумный дождь. Да какой еще! Холодный-прехолодный! Каждая капля — точно молот по телу. Теленок, съевшись, спрятался под матерью.

И все-таки они продвигались вперед. Через какое-то время старик отпустил лошадь, занявшись одним лишь теленком. Одной рукой он держал его за недоузок, а второй подталкивал сзади. Они с великим трудом перебирались через потоки воды, несшиеся со склона. Идти стало еще тяжелее. Один раз теленок, поскользнувшись, упал и вдобавок перевернулся через голову. Мука, пытаясь удержать его, вместе с ним оступился в мутный поток.

Дождь усилился. Теленок превратился в жалкий комочек. И на Аймуиз было больно смотреть. Только ведь после родов. «Как бы не заболела, — подумал он. — А теленок...» Лихорадочно стянув с лошади чапан, он накрыл им Аймуиза, а на теленка набросил пиджак. Сам Мука вымок до нитки. Его начал бить озноб.

Мука облюбовал для привала подветренную сторону большой скалы. Бессмысленно было продолжать путь в такую непогоду. Следовало переждать дождь.

Наконец день прояснился. Мука снял чапан с коровы и пиджак с теленка, повесил их сушиться на скалу. Стянул рубашку и с себя.

С появлением солнца он стал согреваться. И теленок ожил, следуя снова за матерью, которая, встряхнувшись, подкармливалась уже влажной от прошедшего дождя полынью.

С вершины старик оглянулся на дорогу, по которой они только что прошли. Она сбегала далеко вниз, высветиваясь на солнце потоками дождевых вод, скатывавшихся по склону.

Он вспомнил, что именно этой дорогой они переезжали десять лет назад. Тогда Мука был необыкновенно счастлив. Рядом с ним в легковой машине сидела молодая жена в нарядном борике из меха выдры. Они тогда только поженились. На двух грузовых и двух легковых машинах преодолевали Шырагданский перевал. Все тогда с восхищением взирали на Муку. Сколько было разговоров всяких! Такого счастливого кочевья Мука не переживал раньше. Он беспечно высовывался из окошка легковой машины и более чем равнодушно думал о том, что забыл второпях на прежнем становище оконные рамы.

Теперь же он понимал, что в старом доме остались не только рамы. Старик разволновался. С вершины горы бросил взгляд туда, на Талтоган, на ущелье, где жила Шынаркуль, но глаза застала пелена, и он не увидел ничего. Когда-то он все различал отсюда: и Талтоган, и каждый дом в нем, и речку, извивающуюся круто, и свой дом с зеленым тенистым садом рядом...

На глаза старику навернулись слезы. Никогда в жизни он не испытывал подобного отчаяния.

Думы старика прервало мычание Аймуиза. Печальным показалось ему это мычание. Солнце отражалось на крутых рогах, корова — о боже! — тоже глядела назад, на старое становище.

— Мычи, мычи, Аймуиз! — забормотал старик. — Тоже задумалась о прошлом? За тобой вины нет, Аймуиз. Ты никогда не забывала о прежнем нашем становище. Вон и телка очередного принесла на землю, где сама родилась...

До дому Мука добрался к вечеру. Молодая жена с соседями встретили его далеко за аулом. Муку, всегда брившегося вовремя и одевавшегося аккуратно и тем скрывавшего свою старость, Муку, неизменно подтянутого и с гордой осанкой, сейчас невозможно было узнать.

— Бог ты мой, умирает этот старик, что ли? Поглядите! — заговорила Торгын, обращаясь к соседям.

Двое мужчин подбежали к Муке, хотели было помочь ему слезть с лошади, но старик отстранил их: дескать, сам сойду. Измученный и разбитый дорогой, он не слез, а скатился с лошади. Сгорбился. Морщины на лице умножились, обозначились глубже. Наконец-то он походил на семидесятилетнего. Сам прошел в большие, только что выкрашенные в зеленый цвет ворота, ведя за собой в поводу лошадь и теленка.

— Говорила же тебе — не ходи! Как будто бы потерял что, если бы эта корова и заплутала где-то со своим теленком. Кто только тебя не искал! Старший сын два раза приезжал и младший — три раза. Машину посылали на поиски. Разминулись, что ли?

— Нет.

Будто не доверяя другим, старик сам привязал лошадь, а корову с теленком провел в глубь двора. Теленок, копытца которого дробно застучали по асфальту, боязливо поглядел на хозяина, с которым ему пришлось разделить два дня долгого утомительного пути.

Мука вошел в дом.

— Один уважаемый человек в соседнем районе пригласил нас со старшим твоим сыном к себе в гости. Тебя не было, так мы отложили этот вечер, — сказала Торгын, подчеркивая свое недовольство запоздалым появлением мужа.

Мука, не проронив ни слова, прошел в угловую комнату. Начал раздеваться. Сняв костюм, подал его Торгын — та отшатнулась.

— Ойбай-ау, что с этим костюмом? Вода, грязь? Что это? Ты знаешь, что костюм этот стоит твоей коровы вместе с теленком в придачу? Я за двести рублей его покупала. За двести!

Старик не ответил ей. Неожиданно, словно вспомнив о чем-то, подался к чапану, только что сброшенному с плеч, начал рыться в его карманах. Из правого извлек урюк, обернутый в белый платок Шынаркуль.

— Где это ребятки бегают? — спросил он устало.

— Что, ребятки, думаешь, не видели дикий урюк? Тебе урюк нужен, да? Вон два ящика стоят. Вчера твой старший сын завез.

От резкого движения Торгын, отмахнувшись от свертка, протянутого ей стариком, тот развязался, и урюк рассыпался по полу. Торгын, рассердившись, понеслась к выходу. По пути раздавила несколько урючинок.

Мука подобрал уцелевшие три. Не глядя ни на кресла, ни на стулья рядом, присел на пол и положил один урюк в рот. Не стал ни мыть, ни протирать его. Как-то и не подумал про это. «И правда, есть в нем вкус пыли, — подумал старик, долго и старательно разжевывая урюк. — Только она, эта пыль, почище, пожалуй, грязь в моей душе. Пыль... Какая это пыль? Разве это не запах родной земли, который прилетел ко мне с ветром? Кто меня осудит, если я хоть раз на день буду пробовать родной урюк? Запах родного края — исцеление для души. А вкус каков, а? И как я раньше не замечал? Да, есть в нем привкус воды, ну и что же? Разве это не вкус воды из нашего Талтогана? Кто меня осудит, если я по глотку на день этой воды испивать буду? Вода родного края — тоже исцеление для души...»

Старик положил в рот второй урюк. Торопливо положил, как будто боялся, что кто-то вырвет его из рук, и тоже с удовольствием прожевал его.

Третий остался на ладони — желтый-желтый, прямо золотой, пришедший с ним со старого становища, где горел некогда очаг его дома.

Он и съест-то его не решился.

Перевод с казахского Л. КОСМУХАМЕДОВОЙ.

Владимир Виноградский Абрикосовый апрель

Цветенье абрикоса
И пенье соловья...
Ну, здравствуй, Братислава,
Желанная моя!
Ты столько раз мне снилась,
Не ведая о том —
Дунайская девчонка
В платочке голубом.
В Москве моей морозной,
Далеко-далеко,
Ты пела по-словацки,
Понятно и легко.
Я голос твой услышал —
И сразу, так и знай,
К тебе навстречу вышел
На синий на Дунай.
Весна в твоей улыбке,
И, видно, неспроста,
Ты даришь мне фиалки
У нового моста...

В рывке последнем
Он поднял знамя:
«Вперед, ребята!
И не робей...»
...Над Братиславой —
Гора молчанья,
Гора печалей,
Гора скорбей.
Апрелем дальним
Из русской дали
Сынок придет,
Придет мать.
Словаки с ними
Придут с цветами,
Придут герою
Салют отдасть.
Оживший в бронзе,
Он поднял знамя —
Звезда свободы,
Вовек живи!
Над Братиславой —
Гора признанья,
Гора бессмертья,
Гора любви.

Вспомнятся вдруг невзначай
В тихом лесу соловьи,
Серый весенний Дунай,
Серые очи твои.
Вспомнится давняя грусть.
Шепот бессонной воды.
Слезы.
Стихи наизусть.
Нежности прежней следы.

Почему так весело и просто
Смотришь ты мне вслед из-под руки?
Розовое чудо абрикоса
Уронило в песню лепестки...
Зеленеют, рожи в новой дали.
К ним, как птица, снова я умчусь.
Почему ты смотришь без печали?
Потому что знаешь — я вернусь!

Льет в небе птичья трель,
Манит музыка лесная —
Гиацинтовый апрель
У прекрасного Дуная.
Белый, красный, голубой,
Золотой, темно-лиловый,
Он волнует нас с тобой
Своей музыкаю новой.
В ней — другие соловьи
И весна другая даже,
Лишь волнения мои
И любовь моя — все та же.

Пушистый снег рассыпался по крышам.
Свет серебристый прилетел в окно.
Апрель смеется, нежно и неслышно.
Ему сюрпризы приносить дано.
Ему дано весной вершить и править.
Нарцисс душистый вечеру дарить.
И стрельчатые башни старой Праги
Вдруг теплым солнцем тихо ослепить.

Влтаву полонил рассветный сон.
Свет звезды мерцает бриллиантом.
Тишина.
Хрустальный перезвон
Старых, ночь измеривших курантов.
Рыцари уснули на коне.
Короли вздремнули на престоле...
Прага! Улыбаешься ты мне,
Как актриса в позабытой роли.

Как светло в этом царстве весны,
Как волнует меня птичье пенье!
И хрустальное это мгновенье —
Первозданный глоток тишины...

И душистая почка пурга,
Маргариток глаза озорные...
Может, будут минуты иные,
Только эта мне так дорога!

Братислава — Прага — Москва.

Рисунок Юрия КОСМИНИНА

Словно предупреждая о своем коварном намерении, «Великан» выплюнул из грифона небольшую порцию воды, чуть помедлил и явил всю свою мощь... С салютным грохотом взвился на несколько десятков метров ввысь столб из кипятка. И, будто расходясь во гневе, следом вырвался бешено ревущий факел из пара. Когда белая пелена рассеялась, стали видны горячие струи воды, бьющие в поднебесье. Буквально за пару минут «Великан» затопил всю окружающую площадку. Густым потоком вода спешила к речке. А «Великан» все надрывался. Феерия длилась минут десять. И наконец устав, гейзер затих, чтобы после «передышки» вновь разразиться залпом...

Это чудо происходило в знаменитой Долине Гейзеров, что находится в Кроноцком заповеднике, в 180 километрах от Петропавловска-Камчатского.

И было чему удивиться. И было о чем задуматься... Какую же колоссальную энергию хранит в своих кладовых Плутон?

Но не будем уподобляться «герою» Райкина, перемножавшего «двадцать два бугая на полтора часа...». Долина Гейзеров — явление уникальное. Недаром этот уголок природы объявлен заповедным. Сюда едут со всех концов страны, чтобы полюбоваться «Камчатским Петергофом» — чудесным творением матери-природы.

Тем более, что и на Камчатке, и на Кавказе, и в Карпатах, и в Сибири, словом, в самых разных районах страны, есть выходы термальных вод. Мало того, ученые считают, что в любой точке земной поверхности, на определенной глубине залегают пласты горных пород, содержащие термальные воды. Правда, эта «определенная глубина» может быть и очень близка и весьма далека. На «молодых» формированиях (Кавказ, Гималаи, Альпы, Карпаты) «кладовые» Плутона могут лежать на глубине от нескольких десятков до сотен метров. На древних платформах, сложенных из осадочных пород, они упрятаны на тысячу и более метров, а на кристаллических щитах и того глубже — на несколько километров. В вулканических районах гидротермальная оболочка порой являет и свое лицо. Здесь могут быть не только горячие источники, кипящие грифоны и гейзеры, но и парогазовые струи с температурой 200 градусов и даже выше.

А велики ли запасы глубинной энергии? Ученые считают, что поистине безграничны. На пятикилометровой глубине, утверждают они, количество тепла в тысячи раз превышает потенциальную энергию всех существующих запасов угля, нефти, газа и горючих сланцев. Подсчитано, что если охладить подкорковую часть Земли всего на один градус, то выделенное тепло будет эквивалентно выработке энергии всех электростанций мира в течение 40 миллионов лет! Правда, есть одно маленькое «но». Пока мы еще не в состоянии добраться до мантии Земли. Эта задача — для наших потомков. Обратим же свои взоры на то, что сегодня в наших силах.

...В семидесятых годах нынешнего века заголовки многих изданий мира буквально бросали читателей в дрожь: «Топливный голод», «Энергетический кризис», «Земля на грани истощения», «Голод...», «Холод...», «Мрак...», «Жуть...».

Конечно, у страха глаза велики. Но, отсеяв словесную шелуху, следует

признать: да, запасы горючих ископаемых на Земле небеспредельны. И если мы сейчас не станем рачительными хозяевами и не начнем искать пути использования природных источников энергии, то потомки вряд ли помянут нас добрым словом.

Итак, что же сулит нам Плутон? Мы уже знаем, что кладовые его полны, но где ключ? Если строго придерживаться хронологии, то первыми нашли его еще древние римляне, устроившие бани на теплых подземных водах. От них не отстали и на Кавказе — вспомним знаменитые серные бани в Тифлисе.

Потомки легендарных римлян сделали и первую попытку использовать природный пар для получения электроэнергии. В 1904 году инженер Д. Конти «запряг» геотермальную скважину в 40-сильную паровую машину. Она-то и считается прародительницей всех современных геотермальных электростанций.

Но долгое время на эту «диковину» никто всерьез внимания не обращал. Виною тому и относительная редкость выхода термальных вод с достаточно высокой (более 100 градусов) температурой, и отдаленность подобных феноменов от промышленных центров. Кроме того, поисками и специальной разведкой термальных вод практически занялись только совсем недавно. И то не без нажима со стороны «топливного голода».

Геологам удалось обнаружить достаточно много термальных источников. Но тут же стало ясно, что пар с температурой намного выше 100 градусов встречается на доступных глубинах лишь в районах современного вулканизма. Большинство же месторождений термальных вод в других районах имеют воды с температурой не более 60—100 градусов.

СКВАЖИНА В УПРЯЖКЕ

В простейшем варианте, если из недр бьет под давлением пар с достаточно высокой температурой, то его можно направить в турбину, которая будет крутить электрогенератор. И по сей день в Италии работают несколько станций с агрегатами мощностью по 4 тысячи киловатт. Но для таких станций нужен достаточно чистый, без посторонних примесей, пар, иначе отложения солей забьют трубопроводы и выведут турбину из строя.

Каждая термальная «кухня» готовит «блюда» по своему рецепту. В подземной топке, проходя через раскаленные породы, вода уносит с собой газы, всевозможные соли и даже кислоты. И если для бальнеологического курорта это благо, то для промышленных установок — поистине беда. «Адская» смесь намертво закупоривает трубопроводы и арматуру, разъедает сталь. Кроме того, выбрасывать после турбины такой пар с примесями иногда опасно и для окружающей природы и для людей.

Именно поэтому конструкторы пошли на ухищрения. В одном случае пар из скважины направляют в паропреобразователь (теплообменник), где он нагревает во втором контуре чистый пар, который уже можно пускать на турбину. В другом варианте подземное «горючее» — смесь пара, воды и газа — идет прежде на сепаратор, где вода с солями отделяется, а пар и газ поступают на турбину.

Такой принцип и использован на первой в нашей стране Паужетской опытно-промышленной геотермальной электростанции. Долина реки Паужетки на юге Камчатки, в 35 километрах от побережья Охотского моря, выбрана не случайно. Ведь на этом полуострове известно более сотни естественных выходов термальных вод. Запас тепла, выносимого только десятком наиболее крупны-

Энергетика —
вчера, сегодня, завтра

А.А.А.

ДРА

**ГЛУБИННОЕ ТЕПЛО ПЛАНЕТЫ,
ДАВНО ОБОГРЕВАЮЩЕЕ
ПРЕДПРИЯТИЯ, ДОМА И ТЕПЛИЦЫ,
СТАНОВИТСЯ ИСТОЧНИКОМ
ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ.**

ми группами источников, эквивалентен количеству тепла, получаемого от сжигания 200 тысяч тонн каменного угля. А этого вполне достаточно для получения более 150 тысяч киловатт электроэнергии. Если же пробурить в этих районах скважины глубиной 300—500 метров, то эта величина может вырасти в несколько раз.

Разведочное бурение началось в 1957 году. Дело было совсем новое, необычное, и геологи столкнулись с немалыми трудностями. Главная из них — бешеное сопротивление недр: из скважины мощным фонтаном били струи воды и пара. Утихомирить их было совсем нелегко. Но все же удалось перебороть стихию и добраться до глубин 200—500 метров, откуда из двух десятков скважин пошла пароводяная смесь с температурой 150—200 градусов.

В канун 50-летия Великого Октября Паужетская геотермальная станция мощностью 5 тысяч киловатт вступила в строй. На ней были установлены две турбины типа «МК-2,5» Калужского турбинного завода мощностью по 2,5 тысячи киловатт каждая. Станция дает ток Озерновскому поселку, рыбокомбинату и близлежащим населенным пунктам. В канун 1981 года пущена вторая очередь, и теперь общая мощность Паужетской — 11 тысяч киловатт.

Тринадцатилетний опыт работы первенца отечественной геотермальной энергетики доказал: станция работоспособна, рентабельна, проста и надежна. Правда, и здесь было не все равно и гладко. Но нужно учесть, что это первый «блин», да к тому же экспериментальный. Немало хлопот доставили все те же соли, кислоты, газы. Если от растворенных в воде примесей удаётся избавиться довольно легко (в сепараторе отделяют всю воду и сбрасывают в реку), то газовые агрессивные «спутники» пара проникают в турбину и далее во все системы. Но и здесь, что называется, «повезло»: в этой же агрессивной среде оказались стимуляторы и ингибиторы. Вступая в контакт со сталью, они образуют на поверхности защитную пленку, предохраняющую от прожорливой коррозии.

Простота же схемы позволила полностью автоматизировать все технологические процессы, и вот уже почти 10 лет станцию обслуживает дежурный, сидя дома.

КТО «СОГРЕЕТ» КАМЧАТКУ?

Ныне Камчатка переживает второе рождение: бурно развивается промышленность, растет население. И, естественно, требуется все больше электроэнергии. Где взять ее? Не будем торопиться с ответом: «конечно, из термальных источников». Недаром Новосибирскому Теплоэлектропроекту было предложено просчитать три варианта: гидроэлектростанция, атомная и геотермальная электростанция. Причем учитывалось, что мощности в перспективе должны составлять 140—180 тысяч киловатт.

Единственно реальный источник гидроресурсов — Кроноцкое озеро, расположенное на высоте 372 метра над уровнем океана, отпал сразу. Во-первых, оно находится в труднодоступном, удаленном и сейсмоопасном районе. А главное, озеро — уникальное и лежит в заповедной зоне.

АЭС по расчетным затратам получается вдвое дороже, чем ГЭС. Так что самое реальное — геотермальная станция, по стоимости близкая к гидроэлектростанции.

— В семидесяти километрах от Петропавловска-Камчатского, — рассказывает кандидат технических наук Александр Передерий, — обнаружено богатейшее термальное месторожде-

ние — Мутновское. Места там, конечно, глаз не радуют: пейзаж просто лунный. Сопки, кратеры. Ни деревца, ни кустика. Все запылено слоем вулканического пепла. Но на глубине около 800 метров есть подземный «котел», который исправно подает пар под давлением 6 атмосфер с температурой порядка 180 градусов. Причем запасы его вполне достаточны, чтобы возвести станцию мощностью 200 тысяч киловатт. Пока же мы думаем о первой очереди — мощностью 50 тысяч киловатт, которая должна быть введена в строй к 1985 году.

Сейчас проводятся технические проработки различных вариантов будущей электростанции. Конкретная конструкция определится после бурения скважин на глубину до двух километров. Но уже сегодня можно сказать, что такая станция вполне реальна и имеет все перспективы для роста.

ЕСЛИ ВОДА НЕ КИПИТ

Высокотемпературные геотермальные источники встречаются лишь в вулканических районах. В основном же по всей необъятной территории нашей страны на доступных глубинах залегают воды с температурой лишь 60—80 градусов. Нельзя ли и их использовать для нужд энергетики? Оказывается, можно вполне.

Ученые Института теплофизики Сибирского отделения АН СССР совместно со специалистами ВНИИХолодмаша и других организаций разработали схему геотермальной фреоновой электростанции. Построена она была на Паратунском месторождении с температурой воды 80 градусов. Горячая вода из скважины проходит через теплообменник и отдает часть энергии на испарение фреона-12, кипящего при температуре около 30 градусов. Пары фреона поступают на турбину, вращающую электрогенератор. Затем отработанный пар идет в холодильник, где конденсируется, и фреон, уже жидкий, насосом закачивается в теплообменник. Это и есть замкнутая непрерывная циркуляция промежуточного теплоносителя с низкой температурой кипения. Так стала реальностью первая в мире низкотемпературная фреоновая геотермальная электростанция — лаборатория мощностью 760 киловатт.

Препятствием для использования термальных вод может быть не только невысокая температура, но и слишком большое количество минеральных и газовых примесей. Именно для таких источников в США разработан паротурбинный цикл, где в качестве теплоносителя служит изобутан. Пароводную смесь с температурой 163 градуса из скважины направляют в теплообменник, где она нагревает изобутан, который вскипает и приводит в действие турбогенератор. Причем смесь все время держат под давлением — не дают ей вскипать. В противном случае из воды выделилось бы много растворенных газов. А чтобы не загрязнять окружающую атмосферу и пополнить гидроресурсы в толще земли, воду закачивают вглубь через другую скважину.

И все-таки во многих случаях не стоит открещиваться от «спутников» термальных вод. Ведь и соли, и кислоты, и газы — ценное сырье для химической промышленности. Именно так рачительно подошли к проблеме использования термальных вод в Италии. Например, район Лардорелло — центр высокопродуктивной химической промышленности, специализирующейся на извлечении из пара аммиака, углекислого газа, борной кислоты. Интересно и использование геотермальной электроэнергии: в часы «пик» она идет на нужды железнодорожного транспорта, а ночью ее избы-

ток переключается на химическую технологию. Продуктивно ли это? Достаточно сказать, что Тосканская геотермальная электростанция ежедневно вырабатывает более 200 вагонов борных и аммониевых продуктов.

В ближайшем будущем и у нас в стране на Паужетской станции минеральное сырье станут перерабатывать.

У КАЖДОГО СВОЙ НОРОВ

Мы уже говорили, что каждый геотермальный источник имеет свой норов: глубину залегания, состав парагазовой смеси, производительность, температуру. Все это неизбежно накладывает отпечаток и на тип станции и на ее мощность. Кроме того, целесообразность сооружения станции диктуется экономическими, экологическими и многими другими причинами. Поэтому не может быть и речи о какой-то конкуренции станций по мощности, конструкции, экономичности и прочим параметрам.

Одна из мощных геотермальных станций сооружена в штате Калифорния на месторождении Большие Гейзеры и потому так и называется — «Гейзеры». Она находится на высоте 450 метров над уровнем моря в узком ущелье, на береговом горном хребте. По прогнозам специалистов, запасы термальных вод здесь настолько обширны, что можно построить каскад электростанций мощностью несколько миллионов киловатт. Во всяком случае, в конце минувшего 1980 года мощность «Гейзеров» должна была выйти на проектную отметку 900 тысяч киловатт.

В Америке намереваются проделать один интересный эксперимент. На Гавайях есть феномен природы — лавовое озеро. Под тонкой твердой коркой скрывается магма с температурой более тысячи градусов. Если удастся опустить туда теплообменник и прокачивать по нему теплоноситель, то можно будет создать достаточно мощную энергосистему.

Особенно остро дефицит топливных запасов сказывается в Японии. Более 80 процентов энергоресурсов страна вынуждена импортировать. Недаром с начала 1977 года здесь осуществляется программа с поэтическим названием «Солнечный Свет». Она предусматривает и разработку технологии освоения геотермальной энергии и отработку оптимальных технологических схем производства электроэнергии. Ныне общая мощность действующих геотермальных электростанций Японии составляет 170 тысяч киловатт. Но уже к 1985 году планируется выйти на уровень 2100 мегаватт. А это не много не мало, как 20 процентов от общей выработки электроэнергии в Японии.

В связи с широкими поисками подземных «котельных» фирма «Мицубиси Хэви Индастриз» освоила выпуск передвижных геотермальных станций, которые способны снабдить энергией геологов и строителей в период разведки скважин или строительства большой станции. Например, установка мощностью в тысячу киловатт способна работать на геотермальном источнике с температурой около 50 градусов и при давлении 5 атмосфер. Сравнительно небольшие габариты: высота — 2,7, ширина — 2,5, длина — 9,5 метра и масса 20 тонн — позволяют перевозить ее на автомобиле. Если это невозможно из-за отсутствия дорог, то доставляют ее по частям, где на месте за 30 дней производится полная сборка.

Использование тепла недр Земли ныне занимают в Исландии и Мексике, Индонезии и Турции, Новой Зеландии и Индии... Словом, идет самое широкое наступление на царство Плутона. Причем ученые не устают выдвигать все более дерзкие проекты.

СДЕЛАЕМ ОЧАГ САМИ

Скажем, бывает так, что подземный очаг есть, а грунтовых вод там нет. Как быть? Ученые Лос-Аламосской научной лаборатории затеяли оригинальный эксперимент. Для извлечения тепла горячих пород они пробурили на расстоянии 10 метров друг от друга скважины глубиной около 3 тысяч метров. С помощью гидроразрыва соединили эти скважины сетью вертикальных трещин. Теперь закачивают в одну скважину холодную воду, а из другой она, уже нагретая до 130 градусов, исправно поступает на поверхность. И пусть пока не велика мощность установки: всего 5 мегаватт. Главное, что доказана принципиальная возможность использовать и «сухое» тепло Земли.

Ну, а если близко к поверхности нет тепла? «Тогда мы его сделаем сами», — отвечают ученые. — Призовем на помощь ядерный взрыв».

На эту мысль исследователей натолкнули эксперименты на одном из нефтяных месторождений США. Здесь для увеличения выхода нефти необходимо было «встрянуть» глубинные слои — проделать в них трещины, по которым нефть смогла бы выбраться наружу. Три взрыва (два мощностью по 2,5 и один — 8 килотонн) не причинили никакого вреда наземным сооружениям. А «встряска» помогла увеличить дебит отдельных скважин на 60 процентов.

Подземные взрывы обладают поистине титанической мощностью, они создают в недрах сверхвысокую температуру в миллионы градусов. Заряд мощностью в 100 килотонн способен расплавить десятки миллионов тонн горных пород и создать искусственный магматический очаг. Недаром американские специалисты планировали реализовать проект под названием «Глоушерская геотермальная программа». Цель ее — получить электроэнергию из подземных топок за счет аккумуляции тепла горячих сухих горных пород и извлечения тепла ядерного взрыва. Предусматривалось провести ядерный взрыв мощностью в тысячу килотонн в твердых гранитных породах на большой глубине.

Эффективность подземного атомного котла весьма солидна. Подсчитано, что одна кубическая миля горных пород с температурой 350 градусов при охлаждении до 150 градусов может дать полезную энергию, эквивалентную сжиганию 40 миллионов тонн нефти.

ТОПКА ПОД ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТОЙ

Тепло Плутона необходимо не только для производства электроэнергии. Оно нужно и в первозданном виде, особенно в Западной Сибири, где идет интенсивное освоение нефтяных и газовых месторождений. Тем более, что при поисках нефти и газа обнаружены огромные запасы термальных вод. Недра Тюменской области уже сейчас способны выдавать в сутки 200 тысяч кубических метров горячей (40—80 градусов) воды, которая может обогревать поселки, теплицы, оттаивать мерзлый грунт.

Наконец, горячие воды могут найти применение даже... в обогреве дорог. Пример тому — все та же Паужетская станция. Обильные снегопады здесь весьма часты, и, чтобы избавиться от трудоемкой работы по расчистке заносов, было решено проложить под бетонной дорогой, соединяющей поселок с электростанцией, трубопроводы с горячей водой. Теперь шоссе не грозит никакие снежные завалы.

Практическое использование кладовых Плутона только начинается свою летопись. Но нет сомнений, что «подземелье» все больше и больше будет согревать Землю.

Древняя Греция с ее мифами и легендами живет в нашем воображении со школьных лет. Но существует еще другая Греция, современная, с ее народом, удивительно добрым и жизнелюбивым, судьба которого сложилась так нелегко.

Сначала на землю Эллады пришли итальянские фашисты, потом немецкие, затем англичане, которых сменили американцы. Борцы сопротивления, его герои подвергались жесточайшим репрессиям, многие были казнены, десятки тысяч томились в тюрьмах и концлагерях. Долгие годы... А некоторые так и не успели выйти на свободу — к власти пришли «черные полковники». И новое сопротивление против диктаторского режима 1967—1974 годов явилось прямым продолжением сопротивления против немецкого и итальянского фашизма.

Эта тема, тема сопротивления, живет в современной греческой литературе. Эта тема коснулась многих сторон жизни Греции, важнейших социальных и моральных проблем, глубоко проникла в психологию нового поколения — детей, молодежи.

А каким оно будет, новое поколение, — от этого зависит очень многое...

Костас ВАРНАЛИС,
лауреат

международной Ленинской премии
«За укрепление мира между народами»

ПЕНИЕ ДРОЗДА

Дроздом прозвали Аннулу в деревне. Дроздом она прожила свою жизнь и умерла, как дрозд.

Она была крохотным человечком. Худенькая, с длинными ногами, невесомая, вот-вот взлетит в воздух, как птица. Она не ходила — прыгала и бежала.

Однако о какой деревне идет речь? Об одной из тех горных деревушек, которые примостились на склоне горы, — они все одинаковые. Красивые, но бедные и несчастные, брошенные на волю судьбы и богом и людьми.

Речушка, горный склон, заросший красными олеандрами, и тропинка, которая через сосновый бор ведет на вершину горы. Такая одинокая, забытая деревня, которая и сама-то забыла свое имя.

Ей не было в нем нужды, оно было бы для нее лишней обузой.

Чем меньше у таких деревушек достатка, тем богаче они наделены душой. Душой народа!

Шел последний год оккупации. Деревня, о которой идет речь, находилась на границе двух Греций: свободной и той, сотрудничающей с оккупантами. Но была ближе к той.

Немецкий гарнизон со своими и «нашими» нацистами старался помешать Свободе спуститься с горной вершины вниз, в долину. На вершине горы находились партизаны, готовя врагам «хорошее рождество».

Они поддерживали постоянную связь с освободительным комитетом деревни. Но как? Через Цихлу¹. Она была дочкой бедной вдовы, мужа которой убили в Албании². Восьми — десяти лет отроду была она. Звонкий голос, смелость — и ненависть к врагам. И ловкость, и жизненный опыт, как будто бы она уже была взрослой, и бесстрашия.

Великолепная погода стояла в декабре. Солнечно и сухо, но стужа лютая.

Цихла вместе с другими детьми (школы были закрыты) выходила из деревни на площадку к речке и играла на глазах у немцев и «наших», сотрудничающих с ними.

Играли в мяч. В самый разгар игры Цихла бросала мяч как можно дальше и бежала изо всех сил, чтобы его поймать.

Мяч катился все дальше по руслу высохшей речушки, и Цихла бежала за ним.

Недалеко, в чаще леса, каждый день в полдень ее ждали двое партизан. Она передавала им письменное или устное сообщение комитета и возвращалась обратно с мячом в руках.

Однако это частое исчезновение Цихлы в лесу насторожило врагов, иностранных и «наших».

— Нужно осторожно проследить, что там происходит, потому что это очень хитрый ребенок...

Но осторожности не потребовалось.

Староста деревни, правая рука нацистов, сослужил свою последнюю службу «на благо отечества».

Когда перед самым рождеством Христовым Цихла продолжала свою игру, за мячом побежали нацисты — их и «наши», — остановили мяч, остановили и ее. И обыскали.

Они нашли спрятанный в волосах маленький клочок бумаги.

— Иди сюда, мой цыпленок, — позвал ее староста. — Кто тебе это дал?

— Я сама это написала.

— Но что ты понимаешь в таких вещах?

— Мы все понимаем.

— А какие игры ты еще знаешь?

¹ Цихла — по-гречески дрозд. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Речь идет о начале II мировой войны, когда Греция боролась против фашистской Италии.

ПИАЦА ПРОМОНЕ

Литературный глобус «Смены»

Перевод с новогреческого Анны КОЗЛОВСКОЙ
РАССКАЗЫ ПИСАТЕЛЕЙ ГРЕЦИИ

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

— Все. И бегать. И прыгать. И петь. И влезать на деревья, разорять гнезда и вытаскивать оттуда птенцов.

— А ну-ка, заберись на это оливковое дерево, а мы посмотрим.

Через одну секунду Цихла была на верхушке дерева.

— Ты сказала, что умеешь петь... Ну-ка, напой нам какой-нибудь мотив, а мы послушаем.

И Цихла запела чистым детским голосом:

— Черная ночь в горах...

Эта песня была тогда очень популярна среди поработанных греков.

Бам!.. Бам!.. Бам!..

Немцы и «наши» взяли ее на прицел и подстрелили, как птицу.

И птица упала на землю.

Горсточка тела и большая душа. Душа Греции.

После полуночи, когда колокол возвестил о рождении Христа-спасителя, в деревню ворвались партизаны — их нацисты и «наши» и староста поплатился жизнью за малодушное убийство.

А затем?

Затем, через год, Свобода была изгнана из всей Греции — с суши и с моря¹. И каждое рождество после полуночи радостные звуки колокола не могут заглушить печальную песню Цихлы и плач Родины...

Никос ПАПАЕРИКЛИС

УСЫНОВЛЕННЫЙ

У госпожи, которая меня тогда взяла, умер ребенок. В первую же ночь она провела меня в его комнату, усадила в кресло, сама села напротив и сказала:

— Теперь ты мой ребенок.

Комната пахла ладаном, и у меня мурашки пошли по коже.

— Теперь ты мой ребенок, как раньше. Ты теперь Харис. Мой ребенок...

Она сняла черный тюль с портрета, который висел на стене.

— Вот. Мой Харис. Так он улыбался. Так был причесан. На проборчик. Вот тут на кончике носа у него была родинка. Она ему очень шла. У тебя ее нет. Ну, ничего. А проборчик мы сделаем. Да?

Все мои мысли давно уже летели к моему дому, к двум высоким эвкалиптам, которые шумели в нашем дворе, как будто бы разговаривали между собой. Я думал о сестренке, которая в последнюю минуту вцепилась в меня своими слабыми ручонками и кричала: «Не уходи!» О моей маме, которая вдруг бросилась к машине с криком: «Сыночек, рожденьский мой!»

Здесь, в комнате умершего, я чувствовал себя, как птица, попавшая в западню. Ребенок на фотографии был очень худой. На нем была матроска. И ножки у него были как палочки. Он смотрел на меня ревниво и даже зло, как будто бы спрашивал: «Кто ты? Уходи отсюда, из моей комнаты!»

Госпожа начала одевать на меня его белье.

— Вот маечка моего Хариса. Вот его штанишки. Вот его пижамка.

Посмотрела на меня и улыбнулась.

— Теперь ты мой Харис. Запомни! У тебя никогда не было другой мамы и другого дома.

Она уложила меня в постель своего умершего ребенка, погладила по голове, потушила свет и ушла, ступая осторожными шагами, как кошка в темноте.

Я закрыл глаза, но сон не шел. И опять я стал думать о моих эвкалиптах, о моем доме.

...Соседские дети начали прыгать вокруг машины, на которой приехала госпожа, так что шофер-немец рассердился и стал на них кричать. Госпожа привезла с собой галеты, сахар, кишмиш. «Дай бог вам счастья», — услышал я голос матери, которая плакала на кухне. — Мальчик мой! Я не отдала бы тебя за все золото мира!..»

Потом я услышал голос госпожи:

— Вы должны знать, что обратно взять его вы не можете. Он должен забыть, кто он и откуда. Мы постараемся, чтобы он не смог запомнить дорогу.

Моя мать рассердилась на эти ее слова.

— Послушайте, госпожа, он не собака, не кошка, чтобы засунуть его в мешок. Он ребенок. Хороший, послушный мальчик. Я бы не отдала его вам ни за что на свете... Если бы не это проклятое время, если бы не оккупация. Будь прокляты эти разбойники, которые топчут нашу землю.

В голосе госпожи послышалось раздражение:

— Не говорите так. Вы не разбираетесь в политике. Что вы о них знаете? Они культурные люди. Европейцы... А война есть война. При чем они тут?

Уже за несколько дней до этого моя мать смотрела на меня с такой тоской в глазах, с такой ужасной печалью, что мне хотелось плакать. И, прижимая меня к себе, однажды сказала:

— Надо выжить, мое солнышко. Сейчас трудное время. Мы найдем тебе хороший дом... У тебя будет еда. А потом кончится война. Немцы уйдут. И придет твой отец...

Я не помнил своего отца. Мать часто показывала нам с сестрой его фотографии.

— Это ваш отец, — говорила она. — Он большой и сильный. Он строил фабрики, делал машины. Он помогал бедным. Любил детей. Он никого не боялся.

И мы грустно спрашивали:

— Почему же его забрали?

— Потому, мои маленькие, что он хотел сделать мир лучше, чтобы не голодали детишки, чтобы не убивали детей. Он был справедливым, ваш отец...

Тень нашего отца жила в нашем доме, несмотря на то, что без него прошли уже годы.

Из тюрьмы приходили его письма. И мать читала их, как евангелие: «Ставроосу исполнилось пять лет. Поцелуй его и скажи, чтобы он был здоровым и прилежным мальчиком. Находи время по вечерам что-нибудь им читать, какую-нибудь сказку, стихотворение, какой-нибудь эпизод из истории нашей Родины. Учи, чтобы они одевались, мылись, причесывались сами, чтобы любили других детей, работу, книги...»

Однако письма внезапно перестали приходить. Вот уже целый год их не было. Последние сведения, которые мы получили об отце, были таковы: «Его передали немцам». И перевели из одной тюрьмы в другую. Наше детское воображение рисовало такую картину: человек, огромный, как гора, закованный в цепи, медленно спускается по бесконечным ступеням мраморной лестницы. Он впереди! Немцы с автоматами наперевес следуют за ним. В наших ушах гремел звон цепей и слышался стук кованых немецких сапог по мрамору лестницы.

...С тех пор, как я поселился у госпожи, мне ни разу не пришлось, как раньше, почувствовать землю босыми ногами. И я тосковал по нашему двору, по моим эвкалиптам. Я узнал от «фройляйн», дочери госпожи, что над нами — еще пять этажей, и мне казалось, что они давят мне на грудь. Однажды в большой комнате дома я увидел немца и с тех пор старался туда не ходить. Но он все-таки как-то заметил меня.

— Вас ист дас? — спросил он фройляйн. — Что это такое?

— А! Никс, герр командант, — покраснела девушка и, глядя меня по голове, сказала с улыбкой: — Это любовь моей матери.

Немец наклонил ко мне свое пухлое лицо с толстыми стеклами очков и мягкой рукой потрепал по щеке. Потом встал, щелкнул каблуками и, сказав «хайль», зашагал к выходу. Тук, тук, тук — застучали сапоги. И я узнал этот звук. Это были те же самые сапоги, которые стучали кованым железом вслед за моим отцом по бесконечным ступеням той мраморной лестницы.

Госпожа все время хотела меня изменить. Ей не нравилось, как я говорю, как причешиваюсь, как хожу, как ем.

— Нет, нет! Ты нехороший мальчик. О, мой Харис! Тот был другим.

У нее была мания перечислять достоинства своего умершего ребенка. И все его качества она как будто бы старалась вселить в меня, даже его болезни.

Мой новый отец смотрел на меня как на чужую кошку на кухне. Я редко его видел. Он все время путешествовал. А когда возвращался, дом наполнялся шумом и гамом. Зажигались все огни. Стол ломился от мяса, птицы и всяких сладостей. Открывали бутылки старого вина, и пробки летели в потолок. Это был очень толстый человек. На его красном лице красовалось множество бородавок. Он говорил с немцем на чужом для меня языке.

В один из званных вечеров госпожа пожелала представить меня иностранцам. На меня надели матроску того ребенка. Причесали на пробор, дали в руки его ракетку и привели в большую комнату.

— Скажи «бонжур», мое золото, Хараки мой.

Я внимательно осматривал их всех, не говоря ни слова.

— Ты не скажешь «бонжур», цыпленок мой?

— Забери его отсюда, — сказал мой новый отец. — Разве ты не видишь? Это волчонок, который точит на нас зубы.

Затем он что-то сказал немцу, и они вместе стали смеяться. А потом велел фройляйн — своей дочери:

— Иди к пианино! Сыграй нам Шуберта! Ну! Чего ты сидишь, как мадонна?

В этот вечер мой новый отец был очень весел. Все его бородавки сияли на розовом блестящем лице, как хрусталики на лостре.

— Иди сюда. — Он привлек меня к себе и обнял. — Сейчас мы посмотрим, что за сынок у моей жены.

— Скажи, мой цыпленок, «бонжур». — Госпожа пришла в радостное оживление. — Скажи: «Бонжур, папа»...

— Оставь его в покое, — оборвал ее муж. — Ребенок сам знает, что ему говорить.

И все обернулось ко мне. Никто не ожидал столько нежности от моего нового папы. Немец тоже смотрел мне в глаза. И потом сказал, улыбаясь:

— Скажи нам, наконец, как тебя зовут?

— Ставрос, — ответил я. — Ставрос Димитриу.

— Вот именно! — воскликнул мой новый отец, и хохот стал сотрясать его толстое тело.

Госпожа побледнела. А фройляйн с силой притянула меня к себе.

— Неблагодарное существо, — сказала она. — Змея.

Моя новая мама постепенно пришла в себя. В глазах ее появились холод и твердость. А мой новый отец, продолжая смеяться, повернулся к ней.

— Прекрасно, мадам. Ходите и собираете бездомных собак. Помните притчу о том, как волк прикинулся монахом и сожрал все монастырское стадо?

И опять привлек меня к себе.

— И снова мне улыбнулся.

— У тебя есть отец, Ставракис? Скажи мне. Ну, давай!

— Есть. Он большой и сильный. Он строил машины. Он никого не боится.

— А где твой папа сейчас? Где, Ставрико?

— В тюрьме... У немцев. Он в цепях.

Моего нового отца снова одолел приступ смеха. Кресло, на котором он сидел, содрогалось от его хохота.

Госпожа подошла ко мне и взяла за руку. Ее рука была, как щипцы. Она отвела меня в комнату и, дав мне пощечину, удалилась.

Той ночью я бежал. Оказавшись на улице, я тут же сбросил с себя матроску того ребенка. И побежал. Как безумный. В ночь. Все дальше и дальше от их дома.

¹ После того, как народная армия ЭЛАС освободила Грецию от немецко-фашистской оккупации, страну захватили английские империалисты.

АПРЕЛЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ОБЕЗУМЕВ ОТ СТРАХА

Большинство из них удовлетворяется домом-бункером со стальными щитами на дверях и окнах, с подвалами, набитыми консервами, лекарствами, оружием и боеприпасами, которых должно хватить на трехмесячную осаду. А другим этого кажется недостаточно, и около своих домов они создают сложные оборонительные системы: рвы с едкими жидкостями, смертоносные ямы-ловушки, пояса мин и фосфорных бомб, приводимых в действие с помощью радиосигналов. В семье даже дети должны уметь пользоваться оружием — карабинами, пистолетами, гранатами, безуками.

Таких ошарашенных от ужаса американцев, причисляющих себя к движению «желающих уцелеть», становится все больше. Их главная цель — спасти себя в день, когда наступит «всеобщий хаос», уцелеть во что бы то ни стало. Четкого представления о том, почему таковой хаос должен наступить, у них нет, но они убеждены, что этот день недалек. «Разрушение американского и западного общества будет вызвано гигантским валютным кризисом», — утверждает в своей книге «После краха» публицист Джеффри Альберт. Он описывает закрытые заводы, банки и магазины, парализованные общественные учреждения, орды голодных безработных, беспорядки и неизбежное массо-

вое насилие, которое рано или поздно хлынет в США и другие страны западного мира. Впрочем, другие прорицатели называют, помимо войны, иные причины вероятных бедствий — взрыв атомной электростанции, загрязнение в планетарном масштабе окружающей среды, страшные эпидемии, вызванные вырвавшимися из стен лабораторий вирусами, «пронски коммунистов» или даже инопланетян.

Естественно, что в новом мире, который возникнет после окончания вселенских бедствий, лучше всего будут жить те, у которых найдется чем торговать. Специалисты-консультанты считают, что наиболее ценными благами в этом смысле будут консервы, шерстяные изделия, свечи, дрова, ацетиллен, золото, лекарства и — огнестрельное оружие.

Зародившееся в секте мормонов, традиционной цитадели американского консерватизма, движение «желающих уцелеть» постепенно распространилось и на другие группы общества, которые по тем или иным причинам ощущают неуверенность в завтрашнем дне. Издающийся в Калифорнии еженедельник «Нью уэст» писал: «Это еще один признак растущего дефицита доверия людей к американской системе».

«ПАНОРАМА»,
ИТАЛИЯ

На кофейной гуще можно не только гадать...

Это доказали японские специалисты, разработав эффективный процесс превращения этого ранее нигде не использовавшегося сырья в органические удобрения. С этой целью было построено несколько специализированных предприятий. Кофейная гуща поступает на них из городских кафе-териза и переме-

шивается с древесными опилками, корой и пивом. Смесью заполняют огромный резервуар длиной 100 метров, шириной 3 и глубиной 2 метра. В ходе естественной ферментации получается высококачественное удобрение для овощеводства.

«МАГАЗИН», РУМЫНИЯ

ПУСТО НА МЫСЕ КЕННЕДИ

Большая часть мыса Кеннеди (ранее он назывался мысом Канаверал) напоминает сейчас призрачную страну из научно-фантастического фильма. Пустые гигантские ramпы, поросшие бурьяном железнодорожные пути, покрытые ржавчиной металлоконструкции, заколоченные здания. Всюду заброшенность и запустение.

Этот огромный кусок земли, омываемой океаном, некогда был заболоченной прибрежной лугошью. Перемены начались в 1947 году, когда вначале здесь решили организовать ракетный полигон, а позже главный американский центр космических исследований. Своим апрель развития центра достигло в шестидесятые годы, и шло оно тогда во всевозрастающем темпе. Пустынная равнина, унылая местность без питьевой воды и с редкой растительностью менялась буквально на глазах. Целая армия — 35 тысяч инженеров и техников — была направлена сюда. Под землей строились массивные бункеры, огромная территория перекрещивалась подъездными путями, бетонными полосами, пестрела стартовыми площадками. Тяжелые грузовики непрерывно доставляли оборудование и технику.

Непосредственно на космодроме никто не жил, но на соседнем городке, где вырос новый поселок и где обитало большинство сотрудников и рабочих, каждое утро на мыс направлялся поток автомобилей и автобусов, поток, который вполне мог сравниться с транспортной толпой в часы «пик» в больших американских городах.

Полеты американских астронавтов к Луне и высадка там первого человека дали начало новому буму. Сколько последовало победных реляций, оптимистических прогнозов и пророчеств! Западные газеты писали, что к 1981 году на Луне войдет в строй ряд американских иссле-

довательских станций и что американские ракеты будут доставлять туда не только научных работников, но и туристов. Уже распространялись туристские буклеты и принимались заявки от желающих. Однако действительность оказалась совсем иной.

Довольно скоро стало ясно, что американские власти рассматривают посадку на Луне в первую очередь не как научный, а как конъюнктурный политический успех, и что в США вовсе не намерены продолжать космические исследования в тех же масштабах. И хотя в последующие годы американские ученые добились успехов в запуске космических станций к Венере, Марсу, Юпитеру и другим планетам, от намеченного в 60-е годы широкого плана изучения космоса мало что осталось. Ассигнования на реализацию этого плана из года в год сокращались (но зато бурно рос военный бюджет).

И вот теперь на мысе Кеннеди работы в основном свернуты. Многие лаборатории и контрольные станции закрыты, опустели подземные сооружения. Работы по испытаниям и запуску ракет ведут сейчас только на одном участке — на комплексе 5/8. Это последняя зона, где еще проводятся исследования. Остальная территория обезлюдела, лишь кое-где бодрит группы любопытных туристов. Ничто не говорит о том, что это временная пауза, что вот-вот снова подымется интерес к мирному космосу. Правящие круги США — особенно в последние годы — имеют иные устремления, и металлоконструкция на мысе Кеннеди, видимо, будет ржаветь и дальше. Ракеты для мирных исследований «не вписываются» в планы американской администрации.

«СВЕТ В ОБРАЗАХ»,
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

ЛЕТАЮЩИЕ КОРОВЫ

Да, такое бывает не только в кинокомедиях... Сильный снегопад, отрезавший в Швейцарских Альпах стадо коров, заставил вызвать вертолеты и прибегнуть к столь необычному способу транспортировки животных.

«ЮМАНТЕ», ФРАНЦИЯ

РАСТЕНИЕ В ГЛАЗУ

Это случилось в городе Ворчестер (ЮАР). Во время игры 8-летний Юлиан Фабрициус упал. Ничего необычного. Но спустя некоторое время мальчик стал жаловаться на боли в левом глазу. Врач, проводивший обследование, не нашел чего-либо подозрительного. Однако в последующие дни болевые ощущения в глазу продолжали нарастать, и родители мальчика вынуждены были обратиться к более опытному окулисту. Используя новейшие приборы, врач определил, что в роговице левого глаза находится... семя, проросшее ростки. Маленький Юлиан был доставлен в Кейптаун, где врач глазной клиники С. Абаль сделал хирургическую операцию. Иностранное тело было извлечено, и через некоторое время мальчик вернулся домой к своим родителям.

«Я впервые встречал в своей практике подобный случай», — заявил врач, — вероятно, когда мальчик упал, семя попало в глаз и, встретив благоприятную среду (влага, свет и тепло), начало прорастать».

«ПАРАЛЛЕЛИ», БОЛГАРИЯ

Знаменитый колокол «Ллойда». Он звонит каждый раз, когда получено известие о гибели застрахованного судна.

СКАНДАЛ У ЛЛОЙДА

Беспрецедентный случай потряс лондонское Сити. Крупнейшая в капиталистическом мире страховая компания «Ллойдс оф Лондон» впервые за свою почти 300-летнюю историю стала предметом пересудов и сплетен.

Обычно у «Ллойда» после неудач принято молчать да считать убытки. А на этот раз несколько членов этой компании явились в суд, чтобы возбудить дело против своей же фирмы.

«Ллойдс оф Лондон» была основана Эдвардом Ллойдом в 1688 году как частный клуб. Ныне «Ллойдс» скорее страховой рынок, чем компания. Это корпорация, под прикрытием которой на лондонской Лимитри-стрит заключают страховые договоры частные лица. В настоящее время в 100-метровом здании компании «Ллойд» действует 403 различных по специализации страховых синдиката, за которыми стоят 18550 «имен», то есть состоятельных людей со всем своим имуществом. Чтобы быть одним из 18550, нужно располагать состоянием по меньшей мере в 100000 фунтов стерлингов и надежными поручителями. Совершенно не обязательно при этом знать страховое дело, поскольку само дело ведут профессионалы — работники синдикатов. «Имя», остающееся обычно неизвестным, обязано лишь при каком-либо несчастье, например, кораблекрушении, землетрясении и т. д., на случай чего был заключен страховой договор, обеспечить своим состоянием возмещение потерь. При благоприятном течении событий владельцы синдикатов получают ежегодный доход до 10 процентов и выше. Есть синдикаты, за которыми стоят 400 и более «имен», а есть такие, за которыми их только 20—30.

Нынешний скандал возник в синдикате 762, за которым в числе других кроются «имена» лорда Нэйпира, личного секретаря принцессы Маргарет, и опёрной певицы Найгелы Дуглас. Синдикат потерпел крах из-за неудачного договора, взяв под страхование американскую прокатную фирму компьютеров и комплексы старинных зданий в Нью-Йорке и в Нью-Джерси. И прокатная фирма и старинные здания стали жертвой «необъяснимых» пожаров. Следовательно, синдикату 762 надо было платить «погорельцам» страховку в размере 21,5 млн фунтов стерлингов. Вот тут-то и разразился скан-

дал. «Имена» — члены синдиката 762 — отказались участвовать в платежах. Вместо этого они подали иск на свою же фирму «Ллойд», обвиняя ее в том, что она не выполняет обязанности по надзору и допускает мошенничество. Фактов и аргументов оказалось более чем достаточно: гангстеризм в страховом деле давно уже стал притчей во языцех. Глава «Ллойда» вздыхает: «В международном страховом деле слишком много таких, кто с большим риском для состояния и жизни охотится за добычей, а ее стало слишком мало...»

«НБИ», ГДР

Страховая биржа «Ллойда» в Лондоне: крах привел к скандалу.

Деньги и правосудие

Года полтора тому назад Кристина фон Опель, наследница знаменитой автомобильной империи Опеля, была арестована французской полицией за контрабандные операции с наркотиками. Скандал разразился, когда на ее вилле в Сан-Тропе было обнаружено большое количество гашиша и других наркотиков. Вмешательство двоюродного брата, известного миллионера и светского бездельника Гунтера Закса, предлагавшего отпустить Кристину под огромный залог, оказалось безуспешным, и суд приговорил ее к десяти годам тюрьмы.

Но деньги все же сыграли свою роль — именитая преступница отбывает срок наказания не где-нибудь, а в «домашнем заключении», то есть на своей вилле, несмотря на протест прокурора, требующего посадить ее в настоящую тюрьму, где не будет особого комфорта. А такового на вилле предостаточно. Кристину ежедневно посещает именитый психолог, поддерживающий у нее хорошее настроение. Богатая «узница» в чем себе не отказывает — соседи нередко бывают свидетелями шумных вечеров и праздников на вилле. Прокурору же остается только делать заявления, что «такой образ жизни в заключении является скандальным и представляет оскорбление для правосудия».

«ПТЕРН», ФРГ

КЛАДБИЩЕНСКАЯ РЕКЛАМА

Известно, что на Западе в делах футбольных торговая реклама играет все большую роль. Крупные фирмы и компании заключают договоры с футбольными командами на «живую рекламу» иследним фирмы. За соответствующий гонорар на стадионах ФРГ, к примеру, появляются игроки с рекламой освежающих напитков на футболках, другие рекламируют холодильники, пылесосы, косметику... А игроки команды из Аугсбурга недавно выбежали на поле в футболках с рекламой... крупного похоронного бюро Пакс! Публика восприняла эту рекламу со смешанным чувством: одни лишь потешались при виде «футболистов-погребальщиков», но многие возмутились. Дело довели до суда. Земельный суд в Мюнхене (Бавария) вынес решение: реклама похоронного бюро в спорте «оскорбляет чувство порядочности» и потому запрещается. Однако футбольная команда Аугсбурга и похоронное бюро Пакс обжаловали решение суда в высшей инстанции. Пока суды спорят, аугсбургские футболисты продолжают играть в футболках, украшенных рекламой, прославляющей кладбищенских дел мастеров...

«МАДЬЯР ИФЪКШАГ», ВЕНГРИЯ

Мир на роликовых коньках?

Вначале это казалось преходящей модой, а некоторые даже стали утверждать, что это своеобразная дань энергетическому кризису: цены на бензин продолжают расти и нужно, мол, экономить. Но... Вот уже по всей Швейцарии — и в городах и в деревнях — стало все больше появляться людей, раскатывающих на роликовых коньках. На них ездят в школу, на работу, посещают магазины или же просто катаются по улицам, не говоря уже о специальных площадках, где желающие могут отвести душу.

Когда появились роликовые коньки?

Первые сведения о них идут из Голландии, которая издавна известна как страна конькобежцев. К обычным ледовым конькам приделывались колеса. В 1881 году в Париже Жан Гарсен продемонстрировал на роликовых коньках высший класс фигурного катания. Увидевший это американец Джеймс Пломтен сразу оценил новинку и уже в 1886 году открыл у себя на родине первую в мире площадку для катания на роликовых коньках. Известный композитор XIX века Мейербер включил в свою оперу «Пророк» танцы, исполнявшиеся на роликовых коньках. Начали устраиваться состязания на роликах: перед второй мировой

войной рекорд прыжка в длину составлял 684 сантиметра, а в высоту — 110 сантиметров. В 1910 году итальянец Марио Борда занял первое место в 24-часовом забеге, пройдя за это время 476 километров.

Но вернемся в Швейцарию. Местные роликобежцы могут гордиться тем, что в 1975 году чемпионом мира по фигурному катанию на роликовых коньках стал их соотечественник, житель Цюриха Леонардо Линхард. В Швейцарии в настоящее время имеется семь специальных площадок для катания на роликах, а в Базеле строится целый стадион — с горками, понижениями и возвышениями и даже трамплинами.

В наши дни хорошие роликовые

коньки стоят недешево: они имеют высококачественные подшипники, надежное универсальное крепление и почти бесшумны при езде. Но даже самые дорогие коньки не предохраняют, естественно, от случайных падений, поэтому травмы, особенно у начинающих, — дело нередкое. Впрочем, врачи настоятельно рекомендуют ролики как одно из действенных средств борьбы с болезнью века — гиподинамией. В некоторых густонаселенных городах в наши дни можно увидеть любопытные сцены: легко обгоняя ползущие по проезжей части автомобили, скачуют по тротуарам люди на роликовых коньках...

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ», ШВЕЙЦАРИЯ

Фотор. зарубежные печати. Материалы печатаются в иллюстрики.

Когда поздно вечером Игорь Васильевич в очередной раз просматривал записи бесед сотрудников с клиентами Барабанщикова, он обратил внимание на то, что в трех из них речь шла о помощи, которую оказывал Олег Анатольевич в автомобильных делах. Устраивал машину без очереди на ремонт, на техосмотр, помогал достать шипованную резину и запчасти. «Ну, запчасти и резину он мог доставать в магазине,— подумал Корнилов.— А остальное делается на станции обслуживания. И на след Аристарха Антоновича Бугаева навели на станции обслуживания. Там ведь тоже мастера есть. А Новорусский мог ошибиться, сказав, что слышал о мастере из ателье».

Корнилов снял трубку, набрал домашний номер Бугаева. Длинные гудки свидетельствовали, что капитан по вечерам дома не засиживался.

«Жаль,— подосадовал Игорь Васильевич.— Сейчас бы мы с Семеном пораскинули пасьянс». Подполковник не любил, когда непредвиденные обстоятельства заставляли его бездействовать. Он посмотрел на часы—было половина девятого. Корнилов встал,

— Ты что, брал отпечатки протекторов?— насторожился подполковник.

— Нет, Игорь Васильевич. Я законы знаю. Только взглянул издали—протекторы старые, изношенные, а в Парголове отпечатки совсем как от новых. Но если человек на станции техобслуживания работает, поменять резину для него—раз плюнуть.

— Я всегда тебя сообразительным считал.

20

Последние год-два Игорь Васильевич вдруг почувствовал, что здоровье у него стало никудашным. Первым звоночком была бессонница. Долгие годы находящаяся в состоянии наивысшего напряжения нервная система предъявила ему свой счет. Раньше, даже после сложного розыска, после опасной операции по задержанию, Корнилов приходил домой, ужиная и, отдохнув полчаса, мог засесть за разработку нового дела, за доклад, с которым предстояло выступать. Теперь он ловил себя на том, что иногда по

вечера. Мать оставила ему в термосе кофе. Быстро умывшись, Игорь Васильевич сделал бутерброд, налил в чашку кофе. Кофе, простояв ночь в термосе, сделался безвкусным, немного остыл, а Корнилов любил горячий. И он, предчувствуя, что все эти два дня его ждут сплошные неудобства, еще раз пожалел о том, что затеял эту поездку на охоту. Но уж очень соблазнительно звучало: охота на медведя!

Три дня назад Корнилову позвонил его приятель Василий Плотников.

— Игорь, ты когда-нибудь ходил на медведя?—спросил он.

— С рогастиной?

— Будешь острить, так и умрешь, ни разу не поохотившись,— оборвал Игоря Васильевича Плотников.— Тут мы собрались небольшой компанией... Есть одно место в «газике».

— И далеко?—спросил Корнилов.

— Далеко. За Бокситогорск. Всего километров триста.—Почувствовав, что его приятель весь в сомнениях, Плотников сказал:— Дело стоящее. Есть

Сергей ВЫСОЦКИЙ

РОМАН

ОБВИЖАНИЯ

подошел к открытому окну. На улице уже темно, но фонари еще не зажгли. Город утонул в густой сиреневой полутьме. Воздух был теплым и сухим, что редко бывает в сентябрьские дни в Ленинграде. Игорь Васильевич позвонил жене, спросил:

— Может, пройдемся?

— И я хотела тебя пригласить,—весело отозвалась Оля.—Такая погода чудная.

— Хорошо! Я выхожу.—Он положил трубку.

У них была традиция—если Корнилов заканчивал работу не слишком поздно и Оля не дежурила в поликлинике, то он выходил с Литейного пешком. Всегда по одному и тому же маршруту—по Кутузовской набережной, к Кировскому мосту. Жена шла навстречу, с Петроградской. Чаще всего они встречались у Летнего сада. Иногда даже спорили, где встретятся сегодня. Игорь Васильевич хитрил—вышагивал побыстрее и поджидал Олю недалеко от горбатого мостика через Фонтанку...

Корнилов шел по набережной и думал о бригадире Платонове со станции обслуживания. «Что же получается? В разговоре с Бугаевым он даже не смог вспомнить фамилию Барабанщикова. Направил Семена к Аристарху. А ведь Барабанщикова ему должен быть хорошо знаком. «Хаусмайор» на эту станцию машины своих клиентов пристраивал, не мог он миновать Платонова. Может быть, когда приехал Бугаев, Платонов испугался, что все эти «пристройки» обнаружатся? И среди них—левая работа?—Подполковник поморщился, словно раздавил во рту клюквину.—Как это я раньше об этом не задумывался? Но почему Платонов назвал Аристарха Антоновича? Догадывался, что рано или поздно все обнаружится, и решил отделаться полуправдой? И оттянуть время? На что? Чтобы пошарить на даче у «хаусмайора»? Или он был уверен, что от Аристарха мы ничего о «хаусмайоре» не узнаем? Откуда такая уверенность? Хорошее знание психологии? Или он о связях Аристарха с Барабанщиковым такое знает, что нам и не снилось?» В этой цепочке все складывалось логично и слишком гладко, а такая гладкость подполковника всегда настораживала.

Они встретились с Олей у Летнего сада.

— Ты, Игорь, совсем рассеянным стал,—сказала жена.—Иду навстречу, улыбаюсь, а он смотрит в упор и не видит! Какие заботы одолели?

Корнилов виновато улыбнулся.

Когда они пришли домой, он снова позвонил Бугаеву. На этот раз капитан отозвался.

— Семен, у бригадира Платонова есть «Волга»?

— Есть, Игорь Васильевич!—радостно отозвался Бугаев.—Я об этом сегодня тоже подумал.

— Поздно подумал.

— Ездил на станцию. Взглянул одним глазком на нее. Серого цвета, почти новая, но вот протекторы...

часу, по полтора сидит перед телевизором, который еще недавно считал общественным злом. Сидит, плохо вникая в происходящее на экране. Прежнему он хорошо засыпал—едва коснувшись головой подушки. Но после двух—обязательно после двух, даже если он ложился в час,—Игорь Васильевич просыпался и по несколько часов лежал с открытыми глазами. Часто по ночам Корнилова мучили сомнения в том, правильно ли он поступил, закручивая очередной розыск, не взял ли он на подозрение ни в чем не повинных людей, не повредят ли этим людям его подозрения.

Обладая такими редкими качествами, как дар предвидения, обостренная интуиция, Корнилов не то чтобы не доверял своим способностям, но постоянно держал их в узде, осаживал сам себя. Старался никогда не отрываться от полученных в ходе розыска фактов. Наверное, эта раздвоенность тоже не лучшим образом сказывалась и на его здоровье и на его характере, но поступать иначе он не мог.

Игорь Васильевич не мог похвастаться, что за всю свою долгую работу в уголовном розыске не делал ошибок. Первые годы ошибки делал чаще, но так как он был молодым работником, занимал невысокие должности, то люди, работавшие рядом, его более опытные товарищи, его руководители помогали ошибки исправлять. Даже просто не позволяли некоторые из них совершать. С годами, с опытом ошибок у Корнилова стало мало. Но уж если он их допускал, то исправлять их было значительно труднее: теперь и к опыту и к должности подполковника доверие неизмеримо выросло. Его слова, его действия пользовались в Управлении непререкаемым авторитетом. Но в характере Корнилова имелась счастливая—счастливая для людей, с которыми ему приходилось соприкасаться,—особенность: чем большей властью обладал, его закон, тем более трудным делом для него было каждый раз принимать решение. Но особенно мучительными были для него терзания в часы бессонницы, когда он вспоминал одно, казалось бы, из самых простых своих дел, обернувшееся трагедией.

Было это лет десять тому назад. Старший инспектор уголовного розыска Корнилов недавно получил звание капитана...

Игорь Васильевич проснулся за минуту до того, как должен был зазвонить будильник. Протянул руку, привычно щелкнул выключателем настольной лампы и зажмурился. Подумал: «Зря я согласился ехать на охоту. Спал бы в теплой постели. Впереди два выходных». Он не успел помечтать о том, чем занялся бы в свободное время,—в этот момент будильник тихо звякнул, предупреджая, что сейчас последует громкое простуженное дребезжание. Корнилов вскочил с кровати и нажал кнопку будильника, чтобы предупредить это дребезжание и не разбудить мать.

Вещевой мешок, ружье и патронташ он собрал с

лицензия. Егерь еще с осени взял берлогу на контроль...

— А что?!—оживился Игорь Васильевич, представив вдруг заснеженный лес, огромный костер и темную тушу зверя на снегу.—А что!—повторил он.—Почему бы и не поехать? Что за народ собирает-ся?

— Колю Евсикова ты знаешь.—сказал Плотников.—Да еще один его приятель. Инженер с «Электросилы».

Евсикова Игорь Васильевич встречал несколько раз у Плотникова и не очень жаловал. Он произвел впечатление человека, когда-то давшего клятву быть обязательно остроумным и свято эту клятву выполнявшего, несмотря на то, что все остроты у него были заезженные, анекдоты или старые, или совсем не смешные.

Так и не допив кофе, Игорь Васильевич надел старенький короткий тулупчик, волчьего мохнатую шапку, подхватил рюкзак и ружье и тихонько притворил за собой дверь. В лифте он взглянул на часы—было половина пятого. «Ну, товарищ Корнилов, вы делаете успехи!»—усмехнувшись, подумал Игорь Васильевич. Он мог засидеться за работой далеко за полночь, но утром в выходной любил поспать.

«Газик» уже стоял перед подъездом, окутанный белыми клубами морозного воздуха. Плотников, сидевший за рулем, распахнул дверцу. Игорь Васильевич устроился рядом, обернулся, поздоровался с Колей Евсиковым.

— А это Владислав Сергеевич,—сказал Плотников, кивнув на третьего мужчину в новеньком ватнике, подпоясанном патронташем.

— Он у нас главный медвежатник!—засмеялся Евсиков.—Завидев Славу, все медведи медвежьей болезнью болеют.

— Ну, с богом!—сказал Плотников, и они покатили по пустынному белому городу.

Что-то в этом Владиславе Сергеевиче показалось Корнилову знакомым. «Может быть, у Евсикова встречались?—думал он.—Нет, не встречались. Я хорошо помню всех его гавриков». Раза два Игорь Васильевич оборачивался назад, о чем-то спрашивал Плотникова, а сам ненароком взглядывал на Владислава Сергеевича, но в машине было темно. Рассмотреть черты лица не удавалось. У него возникло ощущение, словно не сам человек был ему знаком, а только глаза, о которые он будто споткнулся, когда пожимал Владиславу Сергеевичу руку.

«А-а, впереди еще два дня, успеем разглядеть друг друга»,—решил он и попытался задремать. Но сидеть было неудобно, мешал вещевой мешок, стоящий в ногах. Да и дорога, как только выехали за город, оказалась скользкой, плохо почищенной. Машину трясло, заносило на поворотах. То и дело приходилось хвататься за железный поручень над дверцей.

Продолжение. Начало в №№ 1, 2, 5, 6, 7.

«Лихая голова,—подумал Игорь Васильевич о Плотникове.—Загонит он нас в канаву». Но говорить ему ничего не стал. Василий мог спокойно выслушать любые замечания, кроме замечаний в адрес его умения водить автомобиль.

Часа через три Корнилов уже так устал—и от неудобного положения, в котором сидел, и от тряски, и, главное, от того состояния полудремоты, полубодствования, когда ежесекундно засыпаешь и ежесекундно же просыпаешься,—что перестал обращать внимание на то, как ведет машину Плотников.

— Николай,—попросил Игорь Васильевич Евсикова,—ты бы хоть рассказал чего... Пару анекдотов поновее.

Но Евсиков не отозвался.

— Он уже третий сон видит,—тихо сказал Владислав Сергеевич.—Сил набирается.

«И голос этот я уже слышал»,—подумал Игорь Васильевич.

Часов в девять посветлело. Но декабрьский рассвет был тусклым, больным—не то позднее утро, не то ранний вечер. Евсиков проснулся, когда они подъезжали к какому-то поселку. Заметив скопление грузовиков около унылого, из белого кирпича построенного домика, он скомандовал:

— Вася! Тормози. Что-то стало холодать...

— Нет, братец, до тех пор, пока не уложим мишку,—сухой закон!—сказал Плотников.

Первый этаж здания и впрямь оказался столовой. Плотников поставил Владислава Сергеевича в очередь на раздачу, сам нашел свободный столик, сложил на поднос и отнес в посудомойку грязную посуду. Игорь Васильевич выбивал в кассе чеки. Один Евсиков сидел за столиком без дела, меланхолически разглядывая новые, разрисованные чашками и ложками занавески на окнах. Через считанные минуты на столе уже стояли тарелки с пюре и котлетами, белесый кофе и бутерброды—на кусочке черного хлеба две кильки и кружок яйца.

— Ну, Вася!—восхитился Игорь Васильевич.—Ты у нас прирожденный организатор.

Еда, правда, оказалась из рук вон плохая—пюре синее, котлеты безвкусные, но зато кофе, хоть и был сварен не то из желудей, не то из овса, обжигал губы.

— Эх, такая закуска пропадает,—с сожалением сказал Евсиков, отправляя в рот бутерброд с килькой.

— Ничего, Коля,—ободрил Плотников.—Ты еще возьмешь свое. На медвежьем сале знаешь какая вкусная свежатинка будет!

— Сальце, мясцо...—начал Евсиков.

— ...витамин цэ. Это мы, Коля, знаем,—улыбнулся Владислав Сергеевич. Улыбка у него была добрая, словно чуткою виноватая. Будто бы он подшучивал над Евсиковым и тут же извинялся за это. «Нет, пожалуй, я его никогда не встречал»,—подумал Корнилов. Но тут Владислав Сергеевич снял шапку, и у Корнилова словно пелена с глаз спала. Он узнал этого человека, узнал продолговатую, огурцом, голову. Владислав Зайцев!

«Ну и дела. В хорошую компанию я попал! На медвежью охоту... Да как же это может быть? С тех пор, когда этого субчика судили, прошло не так много времени.—Он прикинул—выходило не больше четырех лет.—А ведь его приговорили к десяти. Неужели убийцу выпустили досрочно? За хорошую работу?!» Ошеломленный своим открытием, Корнилов никак не мог решить, что ему делать. Остаться здесь или на рейсовом автобусе возвращаться в Ленинград? А что сказать Плотникову? Как все объяснить? Ехать на охоту? С этим убийцей? С подонком, которого он четыре года тому назад целую неделю выслеживал по всей Ленинградской области? И Василий тоже хорош! Не знает, с кем имеет дело! А если... В этот момент Плотников озобаченно посмотрел на часы и быстро поднялся из-за стола:

— По коням, братцы, по коням!

Он бесцеремонно нахлобучил Евсикову шапку на голову, поднял Игоря Васильевича, потянул за рукав.

— В поход, в поход, медведь не ждет!—пропел Евсиков.

Они гурьбой тронулись на выход, увлекая за собой Корнилова, не давая ему сосредоточиться, принять решение. Еще несколько минут, и «газик» уже мчался по белой, укатанной дороге, среди припорошенного снегом елового леса. Ветер чуть расклевывал огромные ели, и сверху то и дело сыпались снежные комья, разбиваясь о ветви в пыль. Ветер нес снежные облака прямо на дорогу, под колеса «газика».

Игорь Васильевич сидел словно в оцепенении, спиной ощущая взгляд Зайцева. Конечно, он его тоже узнал. Никаких сомнений не может быть! «Нет уж, нет! Увольте! Что это за охота? На охоту ходят с друзьями! Как я с ним сяду рядом у костра? Как буду есть из одного котелка?»—твердил себе Игорь Васильевич.—Нет! В Бокситогорске сяду на поезд. Скажу: заболел, сердце жмет...» Но он понимал: скажи так—подумают, что испугался медведя. Ходить на берлогу—дело непростое, вот и сдрейфил старший инспектор угрозыска. Это ему не домушников брать. Первый Плотников так подумает. Не

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

скажет, но подумает. А Евсиков растреплет на весь город.

Так и не решился Игорь Васильевич уехать. Но охота была испорчена. С какой-то тягостной апатией Корнилов выполнял—именно выполнял!—все, что положено на охоте: продирался вслед за егерем к берлоге по глубокому, по пояс, снегу, стоял с ружьем наизготовку там, где велел егерь, без тревоги и без любопытства приглядываясь к небольшой дыре в снегу, над которой время от времени возникало легкое облачко морозного пара. Когда растревоженный шестом егерь мишка с ревом вылетел из берлоги, Корнилов выстрелил нехотя и спокойно, почувствовав, что попал в светло-бурое пятно на груди мишки. Ему даже почудилось, что он услышал глухой шлепок своей пули. И тут же он подумал о Зайцеве. Как, с какой мыслью взрослый мужчина стрелял из ружья в забравшегося в сад мальчишку?

Когда дело было сделано, все столпились вокруг уткнувшегося мордой в снег зверя.

Егерь достал большую финку и опустил ее перед тушей на колени.

— Дайте мне,—попросил Зайцев.

Егерь обернулся и посмотрел на Плотникова, словно спрашивая у него разрешения.

— Да не испорчу я шкуру,—усмехнулся Зайцев.—Если что не так буду делать, скажите.—Он стал на корточки рядом с егерем, взял у него из рук финку и застыл на несколько секунд над тушей, словно примериваясь и рассчитывая, с чего начать. Потом провел рукой по шкуре, разводя шерсть, и осторожно ее надрезал...

Игорь Васильевич смотрел, как ловко орудует Зайцев финкой, и чувствовал, что у него по спине бегают мурашки, словно это ему приложили к телу холодную сталь.

— Ловко,—с одобрением сказал егерь.—Приходилось свежевать?

— А чего тут особенного?—не отрываясь от дела, откликнулся Зайцев.—Барашков резал, кроликов. Когда хозяйство ведешь—чем только не приходится заниматься...

— Правда твоя,—согласился егерь.—Хозяин все должен уметь.—И, обернувшись к Плотникову, сказал:—Уважаю. Если человек к какому делу приспособлен—не зря живет.

Неожиданно низко над лесом пронеслась тетеревиная стая. Сделав большой круг, птицы с шумом расселись на березы метрах в пятистах от охотников. С деревьев посыпались хлопья снега.

— Эх, была не была!—азартно воскликнул Плотников, схватил ружье и пошел прямо по целине в сторону тетеревов.

— Не догони, так хоть согреюсь!—хотел ему вдогонку Евсиков, но Плотников только отмахнулся.

— Если вы пойдете в обход,—сказал Игорю Васильевичу егерь,—он может на вас их выгнать.

— Попробовать?—Корнилов с сомнением смотрел, как медленно продвигается Плотников, утопая в снегу по пояс.

— А вы по дороге,—махнул рукой егерь.—По санному следу. Только к медвежьей печенке не опоздайте.

Игорь Васильевич вынул из патронташа два патрона с «тройкой», зарядил ружье и пошел не торопясь по дороге. Он не прошел и ста метров, как услышал, что его кто-то нагоняет. Обернулся и увидел спешащего Зайцева с ружьем.

«Интересно,—подумал Корнилов.—Уж не поквитаться ли он собрался со мной? Только так не бывает, на глазах у всех. Теперь уже не свалить на неудачный выстрел». Но неприятное чувство все же осталось. И спину холодило, как утром.

— Я тоже решил попробовать!—сказал Зайцев.—Не возражаете? А то, знаете, еще неизвестно, попал я в медведя или нет. А тут все-таки проверю себя. Не разучился ли стрелять...

Им не повезло. Они подошли к березам, на которых расселись тетерева, раньше, чем Плотников. Птицы снова с шумом снялись с деревьев и полетели на Василия, гулким эхом прокатился по лесу выстрел...

— Попал,—сказал Зайцев и посмотрел на Игоря Васильевича, ожидая, наверное, что тот спросит, почему он так решил. Но Корнилов не спросил. Очистив от снега ствол поваленной сосны, он сел, разрядил ружье. Зайцев сел рядом. Несколько минут молчали.

— Вы меня узнали?—наконец спросил Игорь Васильевич.

Зайцев усмехнулся и посмотрел в сторону, на белое, словно отороченное елями поле—не то большую поляну, не то озеро, скрытое подо льдом и сугробами.

Корнилову стало неловко. Смешно даже подумать, что можно забыть человека, который тебя арестовал.

— Мне как Евсиков сказал, что товарищ из милиции с нами поедет, так я сразу почему-то про вас подумал,—сказал Владислав Сергеевич.—Спрашиваю фамилию—оказывается, так оно и есть—Корнилов. Ну как чувствуете!—Он крутанул головой и непонятно усмехнулся.

— А когда же вас...—Игорь Васильевич замешкался, подбирая необидное слово.—Когда же вы на свободу вышли?

— Давно. Три года назад. А вы что? Ничего не знаете?—спросил как-то простоудушно.

— Да нет,—ответил Корнилов.—На суде я хоть и не был, но слышал, что вам серьезный срок дали.—Сейчас он вдруг вспомнил: кто-то говорил ему, что адвокат Зайцева собирается подать апелляцию. Потом Корнилова, как всегда, захлестнули другие дела, он уже не думал о Зайцеве.

Зайцев, глядя на Игоря Васильевича в упор своими пронзительными глазами, сказал:

— Городской суд отменил приговор... За отсутствием доказательств.

«Как же так?—подумал Корнилов.—Все доказательства были налицо. Ружье, из которого убили мальчонку в саду Зайцевых, принадлежало Владиславу Сергеевичу. Жена показала, что вечером Зайцев взял ружье с собой в маленький домик-временку, где часто ночевал, явившись домой пьяным. После убийства Зайцев скрылся. Прятался по лесам. Соседи по даче показали, что Зайцев давно грозил мальчишкам расправой за то, что они воровали яблоки из его сада. Как же так?»

— Не великий подарок — отсутствие доказательств,— продолжал Зайцев.— Но все-таки на свободе лучше.

Зайцев хотел еще что-то сказать, но в это время совсем недалеко раздался выстрел, потом ударил дуплет. Игорь Васильевич вскочил, стараясь рассмотреть, что происходит. Огромная стая тетеревов с шумом пронеслась у них над головами. С елок посыпался снег. Зайцев выстрелил навскидку, но опоздал, птицы были уже далеко. А к ним шел румяный, веселый Плотников, держа в поднятой руке огромного косача...

Больше они с Зайцевым на эту тему не разговаривали. А вернувшись с охоты, Корнилов узнал, что история с убийством мальчишки имела продолжение. Через три месяца после того, как Зайцев вышел на свободу, в прокуратуру пришла его жена и призналась в том, что из ружья стреляла она. Пока муж спал пьяный во времянке, в сад залезли мальчишки. Она решила их погугать, взяла ружье и в полной уверенности, что патроны заряжены только, как не раз говорил Зайцев, выстрелила на шум...

21

— На одних подозрениях далеко не уедешь.— Корнилов оглядел собравшихся на очередную оперативку сотрудников группы майора Белянчикова.— Все эти логичные построения, которыми мы сейчас занимались, логичны только в нашем воображении. Мы ищем владельца «Волги», приехавшего за несколько часов до пожара в Парголово и перелезшего через забор рядом с дачей Барабанщикова... И на этом основании подозреваем и Платонова со станции обслуживания, и кандидата филологических наук Озерова.— Он усмехнулся.— И кое-кого еще. Почему только не взяли на заметку жену актера Солодовникова? У них ведь тоже «Волга»! А если владельца «Волги» — какой-нибудь пока неизвестный нам человек, на поиски которого мы потратим уйму времени и сил, — никакого отношения к пожару не имеет? Мы окажемся на пустом месте.

— Вот если бы та тетка номер автомашины запомнила! — сказал Бугаев.

— И этого было бы мало.— Корнилов стоял на своем непреклонно.— Много у нас косвенных...— Он замолчал, подбирая слово.— Нет, не улики. Подозрительный много, а это не улики. Если мы только с этим к прокурору выйдем — донос получится, дорогие товарищи. Так анонимки стряпают, а не серьезные обвинения.

— Товарищ подполковник,— тихо сказал Белянчиков.— Но мы же не только из-за «Волги» вышли на Платонова и Озерова. Бригадир Платонов вместо того, чтобы дать нам адрес «хаусмайора», которого он, конечно, хорошо знал, направил нас к своему однофамильцу Аристарху...

— Испугался, что поймают на левых работах,— ответил подполковник.— Надо, кстати, попросить ОБХСС провести там проверку.

— А с Озеровым вообще все сложнее,— продолжал майор.— Работал вместе с убитым Рожкиным, имеет «Волгу»...

— И это древнее Евангелие, что мы нашли в «дипломате» у Аристарха, наводит на некоторые мысли,— вставил Бугаев.— Озеров-то постоянно со старинными книгами и рукописями дело имеет. С Аристархом знаком. Почему Аристарх, как попугай, твердит, что видит эту книгу впервые?

— Вы же знаете, что книга не институтская,— сказал Корнилов. Он посмотрел на Лебедева. Старший лейтенант сидел грустный. За время совещания не проронил ни слова.— Лебедев, ты чего сегодня отмалчиваешься?

— Как это я, товарищ подполковник, упустил из виду, что Озеров и Рожкин были сослуживцами! — с огорчением ответил старший лейтенант.— Тогда да беседе с Озеровым по-иному нужно было вести.

— Упускать этого не следовало. Но, может быть, все получилось и к лучшему.

Лебедев посмотрел на шефа с недоумением.
— Вспомни ты про Рожкина, ты бы уж наверняка его фамилию в разговоре упомянул. Спросил, например, не обслуживал ли Барабанщиков и Рожкина? Или еще чего спросил. А этого пока делать не следует. Если Озеров никак в деле не замешан, его и пугать незачем. А если замешан — тем более. Ты

напрасно не сказал ему, что Барабанщиков погубил. Напрасно! Вот тут он может задуматься. Всем остальным клиентам ведь говорил?

Лебедев кивнул.

— Думаешь, они после наших бесед не обмениваются впечатлениями?

Старший лейтенант вдруг хлопнул ладонью по лбу:

— Вспомнил! Знал Озеров, что Олега Анатольевича нет в живых. И проговорился. А спохватившись, расстроился. А я-то гадал — почему такая перемена в настроении. То руку тряс пять минут, то вдруг: «Честь имею». Он, товарищ подполковник, все про экономию времени мне адалбливал. Вот, дескать, Барабанщиков берет мою машину и везет на техосмотр — день, видите ли, у него, у Озерова, для серьезной работы освобожден. А когда прощались, извинился, что разговор «на лету», между совещаниями. Все будущие дни расписаны: командировки, советы, а в субботу ремонтом машины заниматься придется. Ремонтом машин! Понимаете? Был бы Барабанщиков под рукой — не болела бы о машине голова!

— Любопытная деталь,— задумчиво сказал Корнилов.— Любопытная. Не совсем правдив с нами товарищ Озеров.

— А кто из всех этих клиентов с нами правдив? — проворчал Бугаев.— Все темнят. Никому не хочется признаваться, что с прохиндеем дело имели. Все хотят чистенькими выглядеть. А о том, что пользовались услугами преступника, сразу забыли.

— У «хаусмайора» соответствующая среда обитания была,— усмехнулся Корнилов.— Клиентов у него хватало. Но подозревать всех, искать улики против каждого мы не имеем права. Залезем в такие дебри! — Он помолчал немного, чувствуя скрытое несогласие участников оперативки.— Давайте посмотрим на дело пошире. С другой стороны. Зачем поджигают дома? Склады, магазины? Если отбросить ревность, злобу, зависть... Какая может быть зависть или ревность к мертвому?

— Правильно,— согласился Белянчиков.— Тут другим пахнет.

— Дымом тут пахнет,— не удержался и сострил Бугаев и понохал рукав пиджака.

— Дом поджигают, чтобы что-то скрыть. Следы преступления, недостачу — чтобы скрыть улики, если их нельзя унести или уничтожить! Тот, кто поджег дом Барабанщикова, скорее всего искал и не нашел какие-то улики, которые, как он знал, находятся там и могут его скомпрометировать. Скомпрометировать, если их найдем мы.— Корнилов встал, прошелся по кабинету.— После гибели хозяина из этого дома были вынесены Аристархом Антоновичем три иконы. Причем, как подтвердилось, принадлежащие ему. Старинное Евангелие...

— Вот-вот! — опять подал голос Бугаев.

— Старинное Евангелие и билет на «Стрелу» — продолжал подполковник.— И от того и от другого Платонов отрешивается. А мог бы, наверное, сказать, что и книга принадлежала ему.

— Да просто боится! А вдруг найдутся люди, которым известно, что книга принадлежала Барабанщикову,— заметил Белянчиков.

Корнилов, казалось, не услышал реплики.

— Считаю, что следует срочно перелопатить пожарнице в Парголово. Чтобы ни один гвоздь не остался незамеченным и неисследованным. Это раз. А второе...— Он посмотрел на Бугаева, потом на Лебедева.— Вам нужно внимательно проанализировать протокол обыска в доме Барабанщикова и постараться поточнее вспомнить все, что вы там видели.

После того, как Корнилов отпустил сотрудников, к нему заглянула Варвара, секретарь Управления.

— Игорь Васильевич, звонит Новицкий. Уже второй раз.

Подполковник взял трубку.

— Ну и чиниша ты, милиционер! — с укором сказал Николай Николаевич.— Ладно бы я от безделья звонил — узнать, решил ли ты кроссворд в «Вечерке»! Так ведь в кои веки раз выдался случай помочь милиции, а ты трубку не жалаешь брать.

— У меня, Николай Николаевич, такое срочное дело в этот момент решалось...

— Все дела у тебя срочные,— проворчал Новицкий.— А я тебе сюрприз приготовил.

— Вспомнил мужика на фотографии?

Новицкий немного помолчал. Потом сказал:

— Ты, брат, как болгарская ведунья. С тобой надо поосторожнее. И его вспомнил. Только сюрприз не в этом. Я встретился с Иваном Даниловичем Савиным, он заведует отделом древнерусского искусства в музее, показал ему фотографии иконостаса из Орлинской церкви. Догадайся, что он сказал, раз уж ты такой ясновидец?

— Не могу, Коля. Это уже не по моей части.

— То-то же,— удовлетворенно сказал Новицкий.— Савин подтвердил, что этот иконостас спасли во время пожара в Селище, в соборе. Для нового собора он оказался мал, и его передали в Орлино. Ему цены нет, этому иконостасу. Ты что, действительно ничего об этом не знал? Или морочил мне голову?

— Не знал. Подумал только: чего же человеку рисковать жизнью, лезть в церковь через разрушенный купол ради не имеющих ценности икон? Логично?

— Логично,— согласился Новицкий.— Иван Данилович собирается съездить в Орлино. Посмотреть. Как ты, не возражаешь?

— Я тут ни при чем. Пускай едет. Если иконы представляют большую ценность, так их в музей надо забрать.

— Ты что же, мне не поверил? — обиделся Николай Николаевич.— Я тебе сразу сказал — семнадцатый век.

— Ты лучше скажи про фотографию,— попросил Корнилов.

— Я из-за нее ночь не спал.

— Совесть замучила?

— С какой еще стати? Не совесть, а обида! Ведь всегда считал, что зрительная память у меня выдающаяся. Художник я или нет?! А тут... Когда ты мне его показал, я даже и не сомневался: лицо совсем незнакомое. А домой приехал, лег спать, а он у меня перед глазами. И что-то уже мерещится знакомое. Ну, думаю, значит, видел когда-нибудь. Смерть ведь так человека изменяет! К утру вспомнил. Приходил этот человек ко мне в мастерскую, когда я «Волгу» купил. Спрашивал, не нужна ли мне финская шипованная резина. И предложил, когда потребуется, помочь с профилактикой, с ремонтом. Адрес оставил. Продиктовать?

— Не надо,— сказал Корнилов.— Когда твой Савин в Орлино съездит, ты меня с ним сведи. Ладно? А адресок Барабанщикова ты, значит, записал? На всякий случай? — не удержался и съязвил Игорь Васильевич.

Новицкий сердито засопел в трубку и сказал:

— Ладно, Василич, до завтра.

22

Вечером в кабинет к подполковнику пришли Белянчиков и Бугаев. В руках у Семена был пакет, перевязанный толстой белой бечевкой. Капитан молча положил его на большой стол, за которым проводились совещания, и стал развязывать.

— Хороший сюрприз мы там разыскали,— сказал Белянчиков. Корнилов почувствовал, что в кабинете противно запахло мокрой золой.

Подполковник подошел к Бугаеву и с интересом стал следить за тем, как Семен осторожно разворачивал какую-то полосатую выгоревшую ткань.

— Старый чехол от машины использовали,— сказал Юрий Евгеньевич.— В сарае нашли.

Бугаев наконец развернул пакет, и Корнилов увидел раздавленный, полуобгоревший «дипломат». Такой же, как у Аристарха Антоновича, и три закопченные иконы в «дипломате».

— Просто двойник какой-то,— удивился подполковник.— А старинного Евангелия нет?

— Нет,— ответил Бугаев.— Зато вот здесь,— он осторожно отогнул оставшуюся целой часть крышки,— есть надпись...

На ткани четкими печатными буквами было выведено: «Платонов А. А. Зверинская улица, 33, 6».

...— Так получилось,— не выдержав молчания, развел руками Аристарх Антонович.— Когда я пришел и увидел, что Олег повесил мои иконы на стену, я разозлился. Тут и жуку ясно, что он их присвоил! В отместку я взял и его иконы. Три штуки. Подумал, что потом заплачу его родственникам. В мой «дипломат» шесть икон не влезли. И я стал искать, куда бы еще положить. Увидел такой же «дипломат».

— И где же вы его увидели? — поинтересовался Игорь Васильевич.

— Он был заперт в бюро.— Платонов виновато улыбнулся. Первый раз, с тех пор, как Корнилов его увидел. Правда, обстоятельства не располагали к улыбкам.— А где лежат ключи, я знал.

«И еще знал, где ключи от бара», — подумал Игорь Васильевич, вспомнив рассказ Бугаева о том, как Аристарх Антонович пробавлялся коньячком.

— Это был «дипломат» Барабанщикова?

— Не думаю. Он всегда со спортивной сумкой таскался. «Адидас», знаете? Очень вместительная.— Платонов подумал немного, пожал плечами.— А может, и его? Этот «дипломат» Барабанщиков мне доставал. И Озерову такой же...

— Какому Озерову?

— Филологу. Я вам называл его. Георгию Степановичу.

— А еще кому-нибудь из знакомых он доставал такие «дипломаты»?

— Если не врал, то мне и Озерову. Говорил, два последние у знакомого директора перекупил. Но мог и наврать. У него бывало. Чтб лишнюю пятерку получить.

— И что же было дальше? — спросил подполковник.

Продолжение следует.

Воспоминание

Двадцать с чем-то. Брови — ниткою.
В гордом сердце — никого.
Счастье — шоколадной плиткою
в ресторане ВТО.

А еще помада мажется
гуталином на уста.
Собеседник старцем кажется,
а ему всего полста.

Чтобы посчитали взрослою —
сигареты и коньяк.
«Старец» мучится вопросами,
он — интеллигент, добряк.

Необидным тоном матери,
найденным не без труда:
«Вы... должно быть, в парикмахерской
побывали утром?» «Да!»

Отрезаю ломтик торта я.
Прочь провинциальный страх!
Я сижу такая гордая
В шестимесячных кудрях.

А с чего мне быть печальною?
Ах, какой уютный зал!
— Я в журнале напечатаю
целый цикл, — «старик» сказал.

Он в отделе там работает,
в ресторан «талант» позвал.
Я, народ смущая ботами,
покидаю дивный зал.

Понимаю: дело двинется!
Ведь, хоть нам не по пути,
он поможет до гостиницы
чемодан мне довести.

Все я выверила, взвесила,
допустила к багажу.
Снисходительно и весело
на попутчика гляжу.

Той себе навек завидую,
что так честно горяча,
с этой меленькой завивкою,
в куртке с детского плеча.

...Мы в такси с ним долго ехали.
Память возвращает мне
что-то, будто бы с помехами,
как на радиоволне.

Слово «деточка»... Вся красная!
«Я успехам вашим рад...»
С пониманием и ласкою
добрый, добрый взрослый взгляд...

❁
Плохо ль это? Ради постоянства
приходилось многим поступаться.

Цельности святой и светлой ради
не прибегнуть даже к нужной трате.

За измену этим же не мстилось:
только б честь не ввергла нас в немилость!

Друг, твой друг, подножку вдруг подставил!
Что ж... А ты, как прежде, — честных правил.

Это надо было постараться —
душу отлучить от постоянства!

Рухнул мир и все его константы.
Дни непредсказуемы, как старты.

Но в той дали, где им простираться,
кто-то тронул клавиш постоянства.

И навстречу этим токам слабым,
словно клавиш, дрогнул сердца клапан.

Вытолкнуло сердце вон обиду.
Все вернулось на свою орбиту...

Матери
Мушни Ласуриа

Был накрыт в селе Кутол
в доме Мушни длинный стол
прямо на траве, у пацхи.
Перед тем, как есть и пить,
стали гости руки мыть
по обычаям абхазским.

Если руки и чисты,
все равно их тянешь ты
к голубой струе чудесной.
И нам Мушни поливал,
совершая ритуал
добрый и красивый местный.

Мать его была больна,
накрывала не она —
младший сын с женой пригожей.
Но и Мушни, старший сын,
с первым проблеском седин
помогал охотно тоже.

Горожанин и поэт,
что уже так много лет
рифмой, строчкой озабочен,
в отчий дом он нас привез
и, любя его до слез, —
гость почти что в доме отчем.

Строен — младший,
старший — толст...
Ну да ладно, первый тост —
за народ! — таков обычай.
Брат, что на селе живет,
брат сухумский, — все народ,
никаких и нет отличий.

Больше движутся в селе,
крепче держатся в седле
и темней от солнца кожа.
Что касается души,
оба брата хороши
и уж в этом, точно, схожи.

Добрым был застольный пир,
пили за любовь и мир
и за всех, кто пир украсил,
открывала нам уста
лишь любовь и доброта
в каждой самой малой фразе.

Младший брат служил нам сам,
и не верилось часам,
оборотам стрелки строгой.
И во славу всех дорог

лили изабеллу в рог
пред разлукой и дорогой.

Славно рог тот поднимать,
а еще когда — за мать!
И пошел за мамой Мушни,
и, хотя была больна,
к дорогим гостям она
вышла, как по воле мужней.

И, как принято, меня,
словно тоже я — родня,
обняла мать Мушни крепко
и, поцеловав в плечо,
по-родному, горячо,
тем завет почтила предка.

Да, прекрасным был завет:
нет чужих на свете,
нет!

Я ей тем же отвечала...
И, казалось, жизнь моя,
как росток, исток ручья,
началась совсем сначала.

Мушни о своей семье,
о Кутоле, о земле
говорил в Сухуми часто.
Что ж, Москва, Литинститут...
Но душой был Мушни тут,
потому что
мама — счастье!

Сколько тут во все года
в землю вложено труда,
а всего ли было в досталь?
Трудно сыновей растить,
а еще трудней сносить
женщине проклятье вдовства.

Перейму ли, научусь
материнству дел и чувств
на земле, где грех — иначе?
Мушни, названный мой брат,
как он памятен и свят,
поцелуй в плечо горячий!

И когда домой вернусь
я к себе в Москву, на Русь
из твоей кавказской сказки,
поклонюсь за тот завет:
нет чужих на свете,
нет! —
матери твоей — абхазке.

Кирпич

Я убрала кирпич
с дороги у машины.
Увидела глаза
красивого мужчины.

Баранку он крутил,
прекрасно улыбнулся.
(Какой-нибудь кретин
спокойно б отвернулся.)

И — сразу, на весу:
— Светло не зря нас с вами!
Хотите, подвезу?..
— Да что вы, в самосвале?..

Он коротко спросил,
хотя и то — немало.
Горел его бензин.
Колонна поджимала.

А если б поняла,
что он — не понарошку,
вскочила б, как была,
на скользкую подножку.

Уехал самосвал,
что всем вокруг мешал бы,
фырча, как самовар
гигантского масштаба.

Уволокла рука
в промасленной перчатке
железного конька
к строительной площадке.

И стало пусто мне
и как-то несогрето.
И стынул в стороне
кирпич — как знак запрета.

Н. К. СТАРШИНОВУ

«Пускай не толще волоса,
но — твой, и этим нов, —
не пой с чужого голоса!» —
сказал мне Старшинов.

«Пусть на крупницу малую,
на толику ее,
пускай не запеваю,
но, главное — свое...»

Похожий на ровесника,
до ужаса худой,
учил он добро, весело
наш выводок молодой.

К сочувствию и действию
сердца устремлены:
ведь душу эту детскую
он вынес из войны.

На поле боя горестном
постигнутая им,
взывала правда голосом
единственно своим.

И этою наукою,
в которой был силен,
как радостною мукою,
делился с нами он.

И стало просто совестно,
не зная, не любя,
молоть с чужого голоса
про жизнь и про себя.

Мы шли путями разными
так много долгих лет.
Звенели наши праздники,
тускнели дни от бед.

За что дрались,
что грезилось
на совесть, не за страх
трепещуще прорезалось
и в наших голосах.

И не дано отчаяться,
и дрогнуть не дано.
И хором получается,
и с кем-то заодно.

Когда ж в обнимку с лирою
в трансляции прямой,
коль есть нужда,
солирую,
мой голос — тоже мой.

Но чуть сфальшивлю, —
колется,

царапает, болит:
«Не пой с чужого голоса!» —
так Коля нам велит.

Будто что-то нам обещано —
весь — в небесной синеве
минарет стоит, как женщина,
с ношею на голове...

Май. Заграничное село.
И памятник — у церкви —
павшим...

Здесь много меньше полегло,
чем где-нибудь
в таком же нашем.

За это надо ли корить?
Но и греха в сравненьи нету,
коль кто-то может говорить
о нас,
забыв подробность эту.

Наталья КОЛОСОВА

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ

В одном из последних своих стихотворений, как бы подводящем итог творческой жизни, Алексей Константинович Толстой называет себя «певцом, державшим стяг во имя красоты». Об этом же говорит он в автобиографическом очерке: «...убеждение мое состоит в том, что назначение поэта — не приносить людям какую-нибудь непосредственную выгоду или пользу, но возвышать их моральный уровень, внушая им любовь к прекрасному, которая сама найдет себе применение безо всякой пропаганды».

Творчество А. К. Толстого пришлось на 60-е годы XIX века, когда в литературе все большее звучание приобретала тема гражданственности (в произведениях Салтыкова-Щедрина, Некрасова и др.), когда молодежь все более проникалась революционно-демократическими идеалами. Представители лагеря революционных демократов объявляли себя решительными противниками «чистого искусства».

Конечно, ни лучшие представители революционно-демократической критики не были столь ограничены, чтобы от художественного произведения требовать непременно «пользы», совершенно отмахиваясь от «красоты», ни А. К. Толстой не был исключительным приверженцем анакреонтизма, который, по справедливому замечанию И. Анненского, не привился в России с ее литературными традициями, уходящими в глубь византийского искусства, аскетического и проповеднического по своей сути.

В. Г. Белинский (кстати, одобрявший совсем ранее произведение Толстого «Упырь», в котором увидел «все признаки еще молодого, но, тем не менее, замечательного дарования») понимал, что «смешно требовать», чтобы поэт «за долг себе поставил подчинить свое свободное вдохновение разным «текущим потребностям», а Чернышевский в письме к Некрасову объяснял свои требования к художественным произведениям следующим образом: «тенденция может быть хороша, а талант слаб, я это знаю не хуже других, — притом же я вовсе не исключительный поклонник тенденции, это так кажется только потому, что я человек крайних мнений и нахожу иногда нужным защищать их против людей, не имеющих ровно никакого образа мыслей». И не отсутствие тенденции, то есть в то время — злободневности, вызывало неодобрение у ведущих революционных демократов, а отсутствие мировоззрения у автора. Алексей Константинович Толстой никоим образом не может быть отнесен к разряду безыдейных людей.

«Сущность искусства, — писал он, — есть высшая красота или высшая правда (что одно и то же)». Толстой придерживался того убеждения, что личность художника непременно должна отражаться в его произведениях, и искренне поражался, когда обнаруживал, что творец может быть ниже своего творения. «Направление, — считал он, — должно быть в жизни и тогда оно само собой выразится в литературе...»

Каким же было то направление, которого придерживался А. К. Тол-

стой в жизни, и как выражалось оно в его произведениях?

«Я родился художником, но все обстоятельства и вся моя жизнь до сих пор противились тому, чтобы я сделался вполне художником», — писал он в возрасте 34 лет. Вопреки обыкновению, это отнюдь не были неблагоприятные внешние причины, скорее, слишком счастливые: Алексей Константинович был очень богат; родственники, проявлявшие о нем большую заботу, занимали высокие государственные посты, были приближены ко двору; здоровье его смолоду было поистине богатырским; с детства его окружала атмосфера искусства; Италия — эта вторая родина русских художников — знакома поэту уже в отрочестве. Но в представлении матери поэта Анны Алексеевны Перовской и ее братьев счастье было неотделимо от успешного продвижения по служебной лестнице и делания карьеры. И вот вместо того, чтобы с юных лет полностью отдаться своему призванию, Алексей Константинович «насилывал себя из чувства долга, считаясь с моими родными, у которых на это были свои взгляды».

«У меня такое отвращение, именно отвращение к службе, какова бы она ни была в том виде, как она существует у нас, что даже если бы я хотел фокусом заставить себя подчиниться этому, я бы никогда не дошел до хороших результатов, и потом я ставлю искусство как пользу сто раз выше службы». Первой службой Толстого был Московский Архив Министерства Иностранных Дел, куда он вступил 17-летним студентом. Здесь, вероятно, вошла в душу поэта любовь к истории России, особенно к древнему ее периоду. Любовь к старине, к преданиям, к древнерусскому языку, уже к тому времени устаревшему и для многих непонятному, была органична не только для Толстого-художника, но и для Толстого-человека.

Алексей Константинович не раз предпринимал попытки оставить служебное поприще, чтобы целиком отдаться литературе, однако обычно вмешательство его родных приводило к тому, что от него попросту «откупались» длительными отпусками, и все шло по-старому. Вообще, если бы он не был поглощен всецело стремлением вырваться из служебной карусели, его, по всей вероятности, ждала бы блестящая придворная карьера: ведь Алексей Константинович был товарищем детских игр Александра II, и, когда тот вступил на престол, между ними сохранились дружеские отношения, так что Толстой мог входить к царю без доклада. Этим своим положением он пользовался, когда возникла необходимость помочь попавшему в беду или оказавшемуся в затруднительном положении достойному человеку. Так, Гоголь, объясняя в письме к А. О. Смирновой свою просьбу к властям, «выходящую из предела установленных порядков», просит ее посоветоваться с А. К. Толстым относительно формы, в какой эта просьба могла бы быть передана наследнику, и даже доверяет Толстому редакцию этой просьбы. Благодаря хлопотам А. К. Толстого в 1852 году был освобожден из ссылки И. С. Тургенев.

Алексей Константинович пытался употребить свое влияние на Александра II для проведения в России либеральных реформ. Но пределы возможностей Толстого в этой сфере были ограничены. Когда в 1864 году на вопрос царя, что делается в русской литературе, Толстой ответил, что она «надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского», Александр II холодно оборвал его: «Прошу тебя, Толстой, никогда не напоминать мне о Чернышевском».

Между тем служебные дела Алексея Константиновича продвигались таким образом, что на месте привычного отвращения пришло негодование: без согласования с Толстым царь назначает его делопроизводителем «Секретного комитета о раскольниках», на которых тогда были гонения. По своему гуманистическому складу Толстой испытывал инстинктивное отвращение к любого рода притеснениям. О настроении и состоянии его духа в период работы в комитете говорит такое его признание, сделанное в то время: «Если бы, например, меня употребили на дело освобождения крестьян, я бы шел своей дорогой с чистою и ясною совестью, даже если бы пришлось идти против всех».

В таких условиях, совершенно противных его склонностям, шла жизнь Алексея Константиновича. Он писал тем не менее стихи, баллады, давно уже был начат «Князь Серебряный», но «как работать для искусства, когда слышишь со всех сторон слова: служба, чин, видундир, начальство и тому подобное», а главное: «...вся наша администрация и общий строй — явный неприятель всему, что есть художество, — начиная с поэзии и до устройства улиц».

Судьба поэта, силою обстоятельств лишеного свободы творить по вдохновению, нашла отражение в поэме Толстого «Иоанн Дамаскин». Герой ее совершенно очевидно выражает сокровенные желания и стремления самого Алексея Константиновича:

*В толпе вельмож всегда один,
Мученья полон я и скуки;
Среди пиров, в главе дружин,
Иные слышатся мне звуки;
Неодолимый их призыв
К себе влечет меня все боле —
О, отпусти меня, калиф,
Дозволь дышать и петь на воле!*

Через три года примерно эти же чувства Толстой изложил уже в официальном письме Александру II, прося об отставке: «Служба и искусство несовместимы, одно вредит другому, и надо делать выбор. Больше похвалы заслуживало бы, конечно, непосредственное деятельное участие в государственных делах, но призвания у меня к этому нет, в то время, как другое призвание мне дано». Умоляя уволить его окончательно в отставку, Толстой делает такое предложение царю: «...у меня есть средство служить Вашей особе, и я счастлив, что могу предложить его Вам: это средство: **говорить во что бы то ни стало правду**, и это — единственная должность, возможная для меня и, к счастью, не требующая мундира». Наконец долгожданная отставка была дозволена.

Что касается благородного желания Алексея Константиновича «говорить во что бы то ни стало правду», то мы уже приводили выше его разговор с царем по поводу судьбы Чернышевского.

Надо сказать, что вообще дружескими отношениями с царем и с императрицей Алексей Константинович не обольщался. «Цепи — всегда цепи, даже цепи из цветов», — писал он, высказывая опасения, как бы доброта императрицы «не обернулась для него рабством».

Можно предположить, что интерес Толстого к русской истории, помимо юношеских занятий в Московском Архиве, в значительной мере подогревался именно длительной близостью ко двору, где, как он мог убедиться, невозможно было жить, не лавируя, не интригуя, не хитря, что особенно мучительно было для него, который чувствовал в себе лишь «одну возможность действовать — идти прямо к цели». Художественно исследовать проблему «власть и личность» на материале близкого к нему времени Алексей Константинович, естественно, не мог: «ходить бывает склизко по камешкам иным!». История представляла ему более широкие возможности. Еще до появления «Князя Серебряного» были написаны «Василий Шибанов», «Князь Михайло Репнин». В жестокой эпохе Ивана Грозного внимание художника привлекает противостояние прямых, честных одиночек общей системе зла и насилия.

Итак, прямой и правдивый характер, душевное благородство, находясь в прямом контакте с деспотической властью, осужденны на бездействие или на гибель. Но можно ли тем не менее действовать, имея в виду высокую цель, и в таких условиях? Какие качества необходимы для успешной борьбы? Ловкость! Ее-то как раз и не было у Толстого: «Хорош бы я был, если бы напялил на себя, к примеру, мундир III Отделения, дабы доказать его нелепость! Да разве есть у меня ловкость, необходимая для этого? Я бы только замарался, никому не принес пользы». В жизни Толстому приходилось задумываться над этой проблемой. В творчестве она нашла воплощение в образе Бориса Годунова, когда неожиданно для автора оказалось, что именно Годунов — герой трилогии. «Вы ведь думаете, что перевели трагедию в 5 действиях под названием «Смерть Иоанна»? Ничуть не бывало! — пишет Толстой известной русской поэтессе и переводчице Каролине Павловой. — Вы перевели только пролог к большой драматической поэме, которая будет называться «Борис Годунов». «Сознаюсь, — говорит он в другом письме, — что идея трилогии родилась во мне только во время создания «Федора Иоанновича», а что до того я не любил Бориса». Борис Годунов — одна из центральных фигур еще в «Князе Серебряном». И в романе и в «Смерти Иоанна Грозного» Борис предстает перед читателем (зрителем) ловким и искусным интриганом, который сумел снискать неизменное расположение и доверие подозрительного и жестокого тирана, ухитрился не запятнать свое имя и даже совершить ряд добрых дел. Жестокость, преда-

тельства, которые особенно характеризуют Годунова в «Царе Федоре Иоанновиче»; сменяются умиротворенностью и поначалу даже благородным великодушием в «Царе Борисе»: есть «царь Борис — нет боле Годунова!». Особенно импонирует Толстому намерение Бориса связать «древнюю расторгнутую цепь меж Западом и Русскою державой». Но Годунов «через неправду стал царем», а неправое дело, по мысли Толстого, не может быть оправдано. Борис пытается ублажить собственную совесть, прибегая

к весьма удобной и как будто бы резонной философии, по которой «неправ перед другими всяк, кто живет», и вся разница между людьми состоит в том, «кто для чего неправ бывает». А так как он «неправ» ради высокой цели, то и вина его будто бы умалывается.

От «Князя Серебряного» через три драмы провел Толстой Годунова, чтобы в конце последней его же устами вынести окончательный приговор:

*От зла лишь зло родится — все едино:
Себе ль мы им служить хотим иль
царству —
Оно ни нам, ни царству впрок нейдет!*

Так заканчивается художественное

исследование Толстым извечной проблемы: могут ли преступные средства быть оправданы высокой целью?

«Свобода и законность, — писал Толстой, — чтобы быть прочными, должны опираться на внутреннее сознание народа, а оно зависит не от законодательных или административных мер, но от тех духовных стремлений, которые вне всяких материальных побуждений». Ни в настоящем, ни в прошлом России Толстой не находит тех предпосылок в государственном устройстве, при которых свобода и законность могли бы считаться прочными. Но в его душе романтика живет такая неистребимая потребность, и хоть в полемическом задоре он и воскликнул, что он «слишком художник, чтобы нападать на монархию», однако политический идеал его все же находился в далеком прошлом страны — в новгородской республике, когда, как он полагал, «мы еще были честными». Политические свои настроения Толстой

сконцентрировал в своей любимой балладе «Змей Тугарин», в которой гнусный певец предрекает Руси неисчислимы бедствия, а главное, падение нравственности: «честь, государи, заменил вам кнут», «на честь вы поруху научитесь класть». Тем не менее Толстого не покидает уверенность в будущем родины:

*А если б над нею беда и потряслась,
Потомки беду перекозут!*

Даже разбившийся вечевой колокол не может означать конца славной истории, вот только «пусть звон его в сердце потомков живет!».

Любовь поэта к благородной старине, в которой, по его убеждению, царил древняя юридическая формула «Да будет мне стыдно!», была настолько органичной, что, когда он задумал чисто психологическую драму на сюжет: «человек, чтобы спасти город, берет на себя кажущуюся подлость», — то местом действия для нее избирает все тот же Новгород как «лучшую рамку».

В идеализации Толстым домонгольского периода русского государства, то есть Киевской и Новгородской Руси, заключалась причина его расхождения со славянофилами, идеализировавшими «московский» период — допетровскую Русь. Когда-то Алексей Константинович написал песню «Государь ты наш батюшка, государь Петр Алексеевич», в которой говорится о каше, «заваренной» Петром I из заморских круп, потому как своя «сор-

ДОБРО: ПРЕДЕЛЫ И БЕСПРЕДЕЛЬНОСТЬ

В пятом номере мы открыли дискуссию на тему «Далекие близкие». Первые отклики на письмо жительницы Подмосквы А. С. Квасовой, в которых говорится о том, что душевная черствость пронизывает души некоторых молодых людей, опубликованы в прошлом номере. Их авторы, как нам кажется, посмотрели на проблему родственных, дружеских отношений с несколько иной, по-своему тоже интересной точки зрения. Продолжаем разговор.

ВОЗРАСТ И ЧУТКОСТЬ

Уважаемая редакция!

Тема, которую поднял журнал, приобретает все более и более актуальный характер. Мы живем в эпоху бурного развития научно-технической революции. Но вопросы нравственности, личных взаимоотношений людей отнюдь не утратили своего значения. Некоторые молодые люди считают, что «в век атома, ЭВМ и космической медицины чувства теряют свою прежнюю суть» и т. д. и т. п. Столь рационально-техническое мышление я считаю полностью неправильным. Не буду ссылаться на цитаты великих, попытаюсь просто высказать свое личное мнение. Да, несомненно, отношения людей между собой немногим отстают от стремительного развития научно-технического прогресса. В самом деле, почему люди, ранее бывшие близкими друг другу, становятся вдруг далекими? Я несколько раз перечитал письмо А. Квасовой. Ее состояние мне понятно, ибо несколько лет назад я сам пережил нечто подобное. Мне кажется, что Сережа, о котором она пишет, не хватает одного из основных человеческих качеств — душевности. Действительно, можно родиться и вырасти красивым и здоровым, получить образование, стать образцовым специалистом... но в сфере нравственной остаться на уровне младенца. У Сережи не хватало времени для человека, который во многом заменял ему мать... И все же чаще нам приходится сталкиваться с хорошими людьми. Ведь доброта, сопереживание чужой боли, стремление помочь ближнему (а тем более человеку, с которым связан родственными узлами) — это же не просто моральный кодекс. Это лицо Человека, именно с большой буквы Человека как личности, как высшего создания природы. Душевных, отзывчивых людей много, они есть рядом, повсюду. В данном случае сужу по себе: когда я болел продолжительное время, каждый день перед окнами больницы (а езды к ней — 50 минут) были моя мама, отец, брат, двоюродная сестра и тетки. И если бы не их любовь, сочувствие, поддержка, мне кажется, я никогда бы не вышел оттуда... И еще я знаю: если кто-то пережил чужую боль, почувствовал ее на себе по-настоящему, тот никогда не будет глухим к другим людям, к их боли и горестям.

Я считаю, Сережа не просто обидел свою татю, он не выдержал нравственного экзамена, поставленного перед ним самой жизнью. Возможно, кто-то, прочтя это, упрекнет меня в чрезмерном суждении красок. Но ведь в жизни человеческой, особенно в сфере нравственных чувств, нет большего или меньшего — здесь все важно. Малейший нравственный компромисс, сделка с совестью неизбежно приводят к последующей сделке, и... возникает как бы цепная реакция. А Квасова резко задает вопрос: «А намного ли люди постарше душевнее молодых?» Да, возраст отнюдь не служит мерилom душевности. Имеют ли настоящие душевность, чуткость и доброта свои рамки и измерения? Нет, нет и нет! Истинная душев-

ность, доброта, как и настоящая любовь, безграничны...

Женщину из соседней палаты не навещал сын. Мне кажется, этому могут быть две причины: душевное убожество сына и... его жены. Ведь женщина, а тем более жена, должна, как никто, понимать боль близких, в данной ситуации боль матери мужа. Неужели кухонные скандалы, личная неприязнь могут настолько разъединить людей, что они становятся чужими? Мне, как мужчине, стыдно за сына той женщины. Я бы хотел, чтобы он, прочтя мое письмо, подумал... прежде всего о себе, о своем нравственном облике... **Ведь самое страшное в человеке — это глухота души.** У каждого из нас должны быть и есть святые: мать, Родина, честь. Я не знаю, был ли тот парень в армии. Когда солдат дает присягу, он не просто совершает акт, он присягает на верность. Так вот, в душе у каждого из нас должна быть присяга. Присяга Верности, Верности Матери. Ведь Родина начинается с мамы...

Александр СУХОМЛИН,
Херсон

ЕСЛИ ТЕБЯ ЖДУТ...

Дорогая редакция!

С удовольствием хочу принять участие в дискуссии «Далекие близкие». Не знаю, почему, но арезался в память один эпизод детских лет: в комнате за большим столом сидят прадедушка, бабушка и ее родной брат, мои родители, мамин сестра с мужем, еще кто-то из родственников. Весело, шумно. Не беда, что кто-то был у нас на прошлой неделе, — за это время в его жизни что-то произошло, и он с увлечением об этом рассказывает, как будто прошла не неделя, а по крайней мере полгода.

Такое было нередко в нашем доме. Я иногда задумывался: почему? Может быть, потому, что еще не было у каждого телевизора, или потому, что в городе имелся всего один кинотеатр и не было ресторанов, или потому, что не пришло время повального увлечения приемниками и магнитофонами? Да нет же! С тех пор прошла четверть века, но и сейчас в доме, где прошло мое детство, все по-прежнему. Просто бабушка умела создавать ту атмосферу жизнерадостности, душевности, теплоты общения, к которой мы все так стремимся и которой нам сейчас так не хватает.

Задумываться бы нам почаще: а все ли мы сделали для того, чтобы знакомым и родственникам понравилось у нас, чтобы они снова к нам пришли? Ведь это очень важно — дать человеку почувствовать, что он желанный гость. Я глубоко убежден, что ни цветной телевизор, ни самая современная стереоаппаратура никогда не заменят нам простого человеческого общения, если в доме, куда ты пришел, тебя ждут забота и щедрость души хозяев.

Александр ШАРЫГИН,
Енакиево

КАК ВЫРАСТАЮТ БЕЗДУШНЫЕ

Мне понятна обида А. С. Квасовой на невнимательное к ней отношение ее племянника, в воспитании которого она принимала участие как родная мать. Квасова возлагает вину за это на бурное течение жизни, на научно-техническую революцию и т. д. И делает вывод, что современные родственные отношения хиреют, губятся родовые корни.

Я не согласен с таким мнением А. С. Квасовой (я имею в виду время до революции и сразу после нее) соседи вели настоящую войну из-за межи между их огородами, из-за скотины, залезшей в чужой огород или двор. всю свою жизнь я прожил в сельской местности, в слободе на окраине городка Острогжского. Каждый селянин жил своими интересами. Зажиточные крестьяне старались прижать бедноту, отхватить лучшие наделы земли. О какой дружбе и близости могла идти речь? Да, тогда были большие семьи. Но были ли члены этой большой семьи близкими, родными? Разве мало было раздоров в таких семьях? Глава семьи заболел, дни его сочтены, но он еще жив. А братья и сестры, их мужья и жены уже перессорились из-за далека наследства. Тут уж не до родственных чувств, постараться бы отхватить пожиточное куш — вот о чем думал каждый.

Сейчас из восьми моих братьев и сестер осталось трое. Все мы благодаря Советской власти получили высшее образование. Живем хорошо, обеспеченно. И хотя живем в разных городах (брат Павел — в Донбассе, сестра Ольга — в Тамбове, а я — в Острогжске) и не можем часто быть вместе, полади кто-нибудь из нас в беду, сразу придем друг другу на помощь.

У нас с супругой два сына — Михаил и Павел. Оба работают в научно-исследовательских институтах. Михаил — в Москве, составляет программы для вычислительных машин. Павел — под Москвой, эксплуатирует эти машины. Мы с женой остались одни в Острогжске, но духовно живем с Пашей и Мишей, с их женами и нашими внуками. Мы знаем, что наши сыновья материально живут хорошо. Но если варим себе варенье, то обязательно сварим и для них. И они частенько присылают нам посылочку то с мандаринами, то с апельсинами. И дело тут вовсе не в том, что мы нуждаемся в их фруктах, а они в нашем варенье. Главное, мы постоянно думаем, заботимся друг о друге. А вот Квасовой не удалось воспитать родственных чувств в своем племяннике. К сожалению, есть такие, как Сергей, не только племянники, но и родные дети. Только винить в этом надо не их, а родителей, дедушек и бабушек. Это они не сумели воспитать своих детей чуткими, отзывчивыми, добропорядочными, внимательными к старшим. Чего греха таить, не все из нас знают, как правильно воспитывать детей. Нередко можно встретить такое явление: ребенку еще нет 13 лет, он только в пятом классе, а уже имеет часы на руках, дубленку — на плечах. А в шестнадцать ему подарили транзистор, мотоцикл, а двадцать — легковую машину. И некоторые папы и мамы дают: «Мы терпели нужду — раскурдючат они, пусть хоть наши дети живут и радуются!» Да, они радуются. Только до тех пор, пока мать и отец дают, а когда те давать уже не могут или, не дай бог, заболели, станут немощными, радость их исчезает. Тогда родители начинают удивляться: откуда выросли такие бездушные дети? А чему, собственно, удивляться? Сами воспитали злонца, сами приучили его к тому, что все лучшее ему. Он и привык к этому. Ему даже странно кажется, почему это он должен ходить к больной матери, а не наоборот.

Мне кажется, если я хочу, чтобы меня уважал мой сын, я должен быть не только отцом-кормильцем, но, главное, воспитателем, другом ему. Нет, не делать за него уроки, не нести за него рюкзаки в походе, но умно, незаметно приучать трудиться с детства, научить уважать товарищей, бороться с трудностями, любить Родину, живую природу. Дети должны знать, что блага в жизни даются только тому, кто честно трудится, и каждая копейка достается упорным трудом.

Вот я и думаю, что «Далекие близкие» — это тема для разговора не только о родственных связях, а, главное, о тех делах, которые мы совершаем ежедневно, ежедневно. Если ты сделал человеку добро, то кто бы он ни был тебе — сват или брат, — добром отзовется. Но если ты, отец, ничего не сделал для воспитания сына, кроме того, что накармлил его, — не близкий ты ему человек.

А. КОЛЕСНИКОВ,
Острогжск,
Воронежской обл.

Дискуссия «Далекие близкие» продолжается. Ждем ваших новых писем, дорогие читатели.

ГУЛЛИВЕРЫ НА КОРДОДРОМЕ

Станислав СЛАВИН. Фото автора

Рига, Всесоюзные соревнования юниоров по автомоделному спорту. Шум, гам, рев двигателей... С непривычки не разберешься, что к чему. И тут на глаза мне попался парнишка лет четырнадцать, веснушчатый, курносый, с охапкой лынных волос на голове, в общем, такой же, как большинство нынешних мальчишек. Он направился к ангару под полотняным навесом, где уже занимались своими делами человек тридцать—сорок моделистов. Одни расплаковывали огромные фанерные чемоданы-фуллары. Другие возились с вытасченными из этих чемоданов моделями: разбирали их, что-то проверяли, подкручивали и снова собирали. Третьи держали в руках ревушце, остро пахнущие эфиром и плюющисе смесью керосина и касторки микрочудовища с бешено вращающимися пропеллерами.

Ребята обращались с моделями по-своему и даже панибратски: переворачивали их так и этак, трясли, усиливали степень компрессии двигателя до такой степени, что его рев превращался в звенящий вой. Я подошел поближе и стал рассматривать модели внимательнее. Представьте себе металлическую планку-мотораму, к которой прикреплены двухтактный дизельный данжок и шасси. Мотор крутит пропеллер, пропеллер создает тягу, колеса крутятся, и модель бежит вперед, привязанная тонким поводком—кордой.

...Кордодром представляет собой бетонированный круг, в центре которого закреплена стойка с подставкой для ног. От стойки по радиусу протянулась корда. Круг окаймлен барьерчиком и сеткой, чтобы не мешали чересчур любопытные зрители.

Первыми стартовали кордовые модели-копии. От аэромобилей их отличает более сложная конструкция. Моторчик здесь помещается, как правило, под капотом! И вращает он не пропеллер, а одну из шестеренок редуктора. Редуктор, в свою очередь, передает тяговое усилие на колеса. Словом, здесь обнаруживалось большее сходство с настоящим автомобилем. Кузов моделей из жести или стеклопластика старательно копирует обводы известных марок машин.

...Соревнования между тем шли своим порядком. Конструктор модели брал в руки специальный держатель (похожий на швабру) и резво стартовал с места, толкая

модель перед собой. Прижатые к бетону колеса через редуктор приводили в движение мотор. И вот он, чихнув раз-другой, завелся. Модель, набирая скорость, уже сама побежала вдоль барьера. Первые круг-два ее как бы подгоняют, подталкивают с помощью корды, но вот двигатель достиг максимальных оборотов—и судейская коллегия начинает замер скорости.

Дистанция в 500 метров пройдена. Можно останавливать модель. Но как поймать маленький метеор, несущийся со скоростью более ста километров в час? Неужто ждать, пока кончится горючее? Тут в ход идет самый обыкновенный веник, который становится на пути модели. О веник цепляется рычажок, перекрывающий подачу топлива в двигатель. Через несколько метров модель останавливается.

Скорость модели зависит от ее класса и от мастерства того, кто ее делал. Аэромобили обычно развивают скорость 100—120 километров в час, кордовые модели-копии—150—180, а некоторые рекордисты могут достигать и почти 300!

...А как идут дела у того парнишки? Он крутанул ручку стартера, и двигатель подал первые признаки жизни. Еще десять секунд, и он взревел на полную мощь. Все, можно пускать. Энергичный взмах руки—и модель понеслась по бетону. Но что это?! Не пройдя и десяти метров, она опрокинулась. Мотор обижено хрюкнул напоследок и замолк. Авария! Парнишка со всех ног бросился к месту происшествя. Беглый осмотр—вроде все цело. Снова заработал стартер. Взыл еще не остывший движок. Взмах руки, и... снова неудача. Потом еще и еще...

—Время попытки истекло,—объявил громкоговорятель. И мой гид, опустив голову, ушел с круга. Вслед за ним кордодром покинул и я. Обидно стало. Человек трудился, готовился—и вот на тебе, «баранка» в судейской протоколе.

Но, к моему удивлению, неудачник вовсе не стал предаваться унынию. Он внимательно осмотрел модель, посоветовался с тренером, видимо, что-то уяснил для себя и, оставив машинку в чемодане до завтрашнего дня, до следующей попытки, пошел на соседнюю площадку.

Если уж человеку не везет, то, говорят, это надолго. Не успел он подойти к площадке, как в ноги ему врезался чей-то автомобиль. Парнишка наклонился, взял, словно сказочный Гулливер, автомобильчик в руки и аккуратно

АВТОМОДЕЛИЗМ... ЭТО—СПОРТ? КОНЕЧНО, И ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНЫЙ. ЭТО—ТЕХНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЕЖИ? РАЗУМЕЕТСЯ, И ПРИТОМ ТРЕБУЮЩЕЕ ЗНАНИЙ, ТЕРПЕНИЯ, ВЫДУМКИ. ЭТО—ЗРЕЛИЩЕ ДЛЯ ВОЗЛЕПЫШКОВ? НЕСОМНЕННО, И ВЕСЬМА ЯРКОЕ, УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ, АЗАРТНОЕ.

поставил на трассу. «Радиоуправляемые модели-копии»—так значатся автомобильчики подобного класса в судейских протоколах. Похоже, что они прибыли из страны Лилипутии. В моделях до мельчайших подробностей—зажигающихся подфарников и действующих стеклоочистителей—сохраняется сходство с большими автомобилями, хотя длиной модель всего сантиметров сорок да и весит от силы килограмма три-четыре.

Чтобы сделать такую модель, нужно знать и уметь многое. Разбираться в радиотехнике, знать слесарное, токарное, фрезерное дело (многие спортсмены делают сами даже моторы для своих моделей), освоить ремесло жестянщика, лудильщика, монтажника, быть чертежником, конструктором, химиком, художником-дизайнером... И, уж конечно, нужно виртуозно управлять моделью. Такая копия автомобиля по дистанционным командам оператора проходит стометровую фигурную трассу со «змейками», «восьмерками», «воротами» и другими сложными элементами за тридцать с лишним секунд. Спортсмен-моделист должен обладать реакцией не худшей, чем, скажем, мастер спорта по боксу. Он стоит на возвышении—отсюда удобнее наблюдать за движением модели,—неколебимый, будто статуя Командора. Живут только глаза и руки: они в непрерывном, хотя и малозаметном действии. Туда-сюда, вправо-влево чуть движутся рычажки на пульте. И, послушная приказам радиоволн, машина мчится по трассе.

Вы, возможно, ждете, что я назову имя моего невольного гида? Но стоит ли сообщать о неудаче дебиотанта в большом спорте миллионным тиражом... Лучше я назову вам другие фамилии. Запомните их, пожалуйста: Владимир Дорфман, Владимир Попов, Вячеслав Соловьев, Николай Тронева, Эдуард Черников, Сурен Чилиджян, Юрий Осипов, Владимир Якубович. Это члены сборной команды Советского Союза, которые недавно, выступая на первом чемпионате мира по автомоделному спорту, завоевали первые места—и личные и командные. Кто знает, быть может, когда-нибудь в таком же списке я увижу и фамилию моего гида?

9 вижущийся узкий обод металлического эллипса под ногами сестер Авдеевых. Закон его движения неумолим, и он диктует поведение исполнительниц. Нет на нем и той спасительной точки видимого конца пути, которая, приковывая взгляд, ориентирует идущих по канату. «Когда движешься по вращающейся ленте аппарата, перед глазами то вздымающиеся вверх, то уходящие вниз как бы размытые ряды амфитеатра,— говорит одна из участниц этого уникального циркового номера, Светлана Авдеева.— Такая меняющаяся перспектива еще более затрудняет балансировку».

Сестры Авдеевы. Они связаны не только одной фамилией, одной семьей, но и общей профессией. Сестры готовятся к вечернему выступлению. На лицо накладывается яркий, сильный грим, иначе с огромной высоты, куда их поднимает аппарат, лицо будет казаться просто бледным пятном.

Их номер обычно идет в начале или в конце отделения. Не только потому, что это очень эффектное и красивое зрелище. Аппарат, на котором они выступают, довольно сложной конструкции, его установка требует времени, а в цирковом представлении всегда стараются обойтись без лишних пауз.

Вращающийся под куполом эллипс — и на его тонком ободе артистки. «Высший пилотаж» балансировки, изящество и мужество. Они скользят и на кончиках пуантов и даже... едут на велосипеде. По неверной, колеблющейся ленте несет одна из сестер другую — «Арабеск на голове». Авдеевы первые исполнили эту поддержку. Даже знаменитые сестры Кох, которые передали номер Авдеевым, не выполняли этот трюк в своей программе. А ведь их номер считался в свое время вершиной эквилибристики. Не ошиблась Зоя Болеславовна Кох, выбрав после долгих поисков именно сестер Авдеевых своими преемницами. Долго шла подготовка номера на канате — целых два года. Когда появилась твердая уверенность, что номер получится, им передали аппарат сестер Кох. Еще год Авдеевы репетировали на металлической конструкции.

Бытовало мнение среди профессионалов, что идти по металлическому ободу легче, чем по канату, — он ведь «чуть шире». Но даже опытные цирковые артисты-канатоходцы не подозревали о тех трудностях, которые создает для эквилибристики вращающийся эллипс. Ведь от исполнительниц требуется не только смелость, решительность, но и особое, безукоризненное чувство баланса, без которого и нечего мечтать о выполнении тех сложных трюков, которые проделывают сестры Авдеевы на движущемся узком ребре, поднятом на четырнадцатиметровую высоту. Видимо, мало обладать общей подготовкой циркового эквилибриста, чтобы даже просто прошагать по вращающейся ленте аппарата.

Награда за труд, мужество и мастерство — успех у зрителей. За прошедшие годы Авдеевы побывали во многих городах страны, их искусству аплодировали зрители за рубежом.

...Артист цирка обычно начинается в раннем детстве. Недаром первыми их учителями часто бывают родители. Дети сестер Авдеевых уже осваивают азы циркового искусства. Пока только азы.

Наталья ДРЫКОВА.
Фото Юрия УСТИНОВА

СТЕПЕНЬ РИСКА

ОТ АЗОВ РЕМЕЛА ДО ВЕРШИН МАСТЕРСТВА ПРОХОДИТ ПУТЬ ВИРТУОЗОВ ЦИРКА, ПРОЧНО ЗАВОЕВАВШИХ ПОПУЛЯРНОСТЬ У ЗРИТЕЛЕЙ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ

Нина ТОЛЧЕНОВА.
Фото Сергея ВЕТРОВА

Возможно, на первый взгляд покажется странным, что не все артисты — я имею в виду артистов настоящих, в искусстве уже прочно состоявшихся, выявивших свое собственное лицо, а не просто людей, которые выходят на сцену и лишь поэтому именуется актерами, — так вот, если говорить об артистах настоящих, то далеко не все они стремятся с самого детства стать (как это принято думать) артистами.

Поэтому не будем удивляться, что Татьяна Глухова — актриса настоящая, лауреат премии Ленинского комсомола, человек не слишком словоохотливый и, пожалуй, скорее замкнутый, несмотря на пленительную детскость и кажущуюся открытость облика, доступность внутреннего мира, — вдруг делает неожиданное признание: будучи ребенком, она не о сцене мечтала, а хотела быть доктором. Врачевать человеческие жизни.

В первый момент это Танино воспоминание вызывает нечто вроде недоверия: ведь она прямо-таки рождена для сцены! И притом именно для интереснейшего творческого коллектива — Детского музыкального театра в Москве, которым руководит народная артистка СССР Наталия Ильинична Сац, руководит, сперва искусно выявляя, а затем формируя и оттачивая необходимые этому театру таланты истинные, давая им рост, указывая направление. Заставляя их состояться.

БОЛЬШИЕ ЧУВСТВА МАЛЕНЬКИХ ГЕРОЕВ

ОБРАЗЫ МНОГИХ ЛЮБИМЫХ ДЕТЬМИ ГЕРОЕВ СОЗДАЛА НА СЦЕНЕ ТАТЬЯНА ГЛУХОВА: СУОК, БЕЛОСНЕЖКА, НЕГРИТЕНОК МАКСИМКА, КРАСНАЯ ШАПОЧКА. И ВОТ НОВАЯ РОЛЬ — МАДАМ БАТТЕРФЛЯЙ В «ЧИО-ЧИО-САН». КАК ВСТРЕТИТ ЭТУ РАБОТУ ЮНЫЙ ЗРИТЕЛЬ?

Подобное выращивание талантов порою сравнивают с чем угодно, но далеко не всегда с тем, чем оно на самом-то деле является: трудом изнурительным, повелительным к человеку и очень нелегким.

Увидев впервые и прослушав Таню двенадцать лет назад, Наталия Ильинична сразу, с первого же взгляда принялась рассматривать в ней, пристально и взыскательно, что называется, со всех сторон, не кого-нибудь, не дебютантку, не участницу массовой сцены, а завтрашнюю же, да нет — уже сегодняшнюю, вот сейчас, сию минуту необходимую музыкальному театру — главную героиню детской оперы Раухвергера Красную Шапочку.

Ну, что ж, жизнь показала, как была права Н. И. Сац.

Однако ее мудрое, зоркое решение было еще неведомо в те мгновения Тани Глуховой; она только что окончила десятилетку, а потом школу имени Ипполитова-Иванова. Для нее наступили дни выбора. Встреча с Наталией Ильиничной, встреча незапланированная — Таня в общем-то случайно оказалась на улице 25-го Октября, где тогда ютился музыкальный театр для детей, — определила ее жизнь и ее судьбу. Определила несомненно — раз и навсегда. И все-таки она доверительно, очень серьезно говорит мне сейчас — вот сегодня, двенадцать лет спустя, блиста-

тельно сыграв уже не только Красную Шапочку, но исполнив одну из самых сложных и трудных ролей мировой оперной классики, роль Мадам Баттерфляй в «Чио-Чио-Сан» Пуччини, — говорит негромко, спокойно, без улыбки:

— Если вдруг что-то случится, ну, например, голос пропадет, я хотела бы в больнице работать.

— Пусть лучше ничего не случается, — говорю я.

И тут вспоминаю — и сразу же рассказываю об этом Тани, — как Вера Николаевна Пашенная, будучи уже знаменитой и всем известной, молодой актрисой, тоже повторяла, обращаясь к прошлому: «Не была бы актрисой, стала бы врачом». И, помолчав, обязательно добавляла: «Детским».

Таня согласно кивает.

— Что-то общее есть в этих профессиях. Наверное, можно по-своему поддержать человека — особенно маленького, — помочь. Вместе с ним порадоваться...

Да, примерно так и говорил великий Павлов: «Радость, делая человека все чувствительнее к каждому биению жизни, укрепляет тело».

Радость, чувствительность, ощущение жизни в ее биении, в самом ее движении: тут и отгадка. Артист, как и врач, призван к такому вот духовному исцелению людей. Призван сам быть чувствительным и дарить людям эту особую, всем нам необходимую отзывчивость, «чувствительность» ко всему происходящему в жизни — к той ее пульсации, к тому постоянному напряженному биению, которое человек должен ощущать душой, испытывая при этом особую радость сочувствия, сопереживания. Вот тогда и появляется Театр. Возникает его волшебная, очищающая сила. Так мы вместе с Таней наконец устанавливаем сокровенную общность жизненных целей Врача и Актера, которые, порою мучаясь сами, несут людям радость духовной взаимовыручки, исцеления, просветления.

Актеру над всеми этими же проблемами приходится думать и по-своему их решать — даже в маленьких ролях. Впрочем, для Тани они никогда не были да и теперь не будут — даже после «Чио-Чио-Сан»! — маленькими.

— В каждой что-то есть важное, нужное, — говорит Таня.

Я знаю, что она говорит правду. Я видела, как обращается она с этими «маленькими» ролями. Она умеет делать и делает их большими. Театр Н. И. Сац — художника, режиссера серьезнейшего, сильного, научил ее этому искусству. Маленьких

ИТОГИ ТРЕТЬЕГО ТУРА КОНКУРСА ЭРУДИТОВ

ролей нет и не бывает. Особенно в детском театре — самом целостном, самом искреннем.

И ведь они, эти разные роли, пригодились ей теперь, когда она — веря и не веря в свою звезду, сомневаясь, что может вдруг постичь и передать другим биение жизни Баттерфляй в «Чио-Чио-Сан», собралась вдруг, помимо мужества, в нечто единое все те, вовсе не притворные и не приблизительные, не нарочито-сентиментальные и не искусственно-кукольные, а вполне искренние мироощущения своих прежних персонажей, которым всегда давала живые, непритворные волнения, давала живое, осязаемое, трепещущее сердце.

Их было много за эти двенадцать лет на сцене, Таниных героев и героинь. Все они становились разными, непохожими друг на друга. И вот теперь каждое прежнее существо, являющееся одновременно и Таней и вовсе не Таней, по-своему выручало ее, откликалось на ее трудности, успокаивало, помогая ей становиться чем-то совсем иным. Становиться Мадам Баттерфляй.

И ведь действительно ей, этой Мадам Баттерфляй, которую Таня и любила и боялась больше всего на свете, понадобилось теперь решительно все, что сумела актриса накопить, собрать в себе и выразить собою за годы актерского своего становления. Новой ее героине понадобилось стеснительность и детскость Белоснежки — ведь Чио-Чио-Сан встречает этого красавца, уверенного в себе, выхолонного, решительного, избалованного американца мистера Пинкертон и соглашается стать его женой, когда самой маленькой, хрупкой танцовщице, гейше, едва лишь исполнилось пятнадцать лет... Красная Шапочка помогла Тане своей сердечностью, решительностью в поступках, самоотверженностью. Суок — добротой и храбростью... Негритенок Максимка, спасенный русскими матросами, — отзывчивостью, преданностью, честностью.

Вот так все они не просто «пригодились», но пришли ей на помощь... Многообразное, но всегда живое биение их жизней вдруг мощно, глубоко вместились в одну жизнь, нужную театру и актрисе более всего на свете. Поэтому-то, наверное, она и принесла большую радость свершения в тот счастливый день, когда премьера «Чио-Чио-Сан» превратилась в праздник, подлинную победу коллектива.

Я не знаю, плакала ли Наталия Ильинична Сац от радости, увидев на сцене свою «Чио-Чио-Сан». Не знаю, умеет ли она вообще плакать после всего, что перенесла в жизни... Но многие плакали — и в зрительном зале и за кулисами. Плакали не только от сочувствия — бывают ведь еще слезы радости, слезы восторга. Такой до слез настоящей стала Татьяна Глухова с первых же минут пребывания своей Мадам Баттерфляй на сцене.

Мы все увидели, что она обречена на гибель. Обречена еще до «свадьбы». Ведь и сама эта фальшивая, невсамделишная свадьба, которую устраивают для мистера Пинкертон, вдруг влюбившегося в прелестную хрупкую японскую гейшу, все хитрые и продажные служители, вся эта свадебная притворная церемония в самой себе несет беду... Она ведь не случайно пугает, настораживает, приводит в ужас всех подружек Чио-Чио-Сан; она огорчает даже невозмутимого и сдержанного американского консула: ему претит это откровенное вероломство, и он жалеет доверчивую, трепещущую, радостно смущенную девочку, готовящуюся стать «Мадам Баттерфляй».

Как же все чудесно открылось, зазвучало, зажило живой жизнью в спектакле, который всегда был только «оперой», только «представлением».

Работая над постановкой долго и тщательно, с требовательностью ювелира, преодолевая не только величайшие голосовые трудности всех вообще партий, не говоря уж об ариях заглавной героини, но прежде всего выявляя сложность и драматизм человеческих судеб, драматизм, к стати сказать, получивший сегодня какое-то особо острое и напряженное современное звучание, Н. И. Сац вслушивалась в каждую ноту, всматривалась в каждое движение, каждый жест, обращаясь к Тане уже как художник к художнику и счастливо видя: да, получается, да, поет, да, сыграет! Да нет, не сыграет — проживет!

И все они, Танины со товарищи, друзья — весь коллектив — прожили в этом удивительном по силе воздействия на душу зрителя спектакле огромную жизнь, встав на новую, высшую ступень своего творческого состояния. Даже сам театр в этой своей работе стал уже не только детским, но, может быть, более всего и прежде всего юношеским. Да и взрослым тоже. Стал Театром, несущим необходимую каждому вообще человеку нравственную чуткость, зоркость, зрелость: понимание своей собственной ответственности за любовь, за счастье другого человека, за рожденное в любви дитя — эту новую жизнь, которая бывает приведена на землю именно любовью и безграничным доверием женщины, надеющейся на ответное благородство и честность того, кого она полюбила.

Когда Таня Глухова, ставшая вдруг на сцене живой, доподлинной Мадам Баттерфляй, убивает себя, оставляя сироту свое дитя — маленького сына Пинкертон (которого теперь американец и его жена неведомо зачем увезут в Америку), зрители испытывают не просто чувство жалости. Думается, они тоже страдают. Быть может, даже не меньше, чем сама Чио-Чио-Сан и ее единственная подружка Сузуки. Так глубоко и серьезно эмоциональная сила спектакля. Так велик нравственный заряд, заложенный в исполнение.

Мало иметь голос, даже такое чудесное серебристое лирико-колоратурное сопрано, каким обладает Глухова. Надо быть еще актрисой драматической. Да и еще очень многое нужно, чтобы обрисовалась истинная трагедия человеческой судьбы — прежде обычно скрытой в пышной, но статичной «оперности» многих и многих режиссерских решений, предлагаемых сложнейшему сочинению Пуччини. А ведь он и сам, рассказывает зрителям перед спектаклем Н. И. Сац, проливал слезы, когда писал и когда слушал свою «Чио-Чио-Сан».

Но вот все сбылось, все исполнено. Опера вошла в репертуар Детского музыкального театра. Теперь ей предстоит долгая и прекрасная жизнь...

...Учуяв приближающееся завершение нашего с Таней разговора, из соседней комнаты появляется вежливый, воспитанный мальчик Алеша — сын Тани. В руках — книжка. У Алеша вопрос: «Что такое» и т. д.?

Мы начинаем объяснять, придумывая в два голоса самые невероятные ситуации: «Ты пошел на улицу, увидел кошку, собаку. Ну — и так далее!.. Понимаешь? Это и будет «и т. д.».

— А все-таки что же там будет, уже после собаки? — интересуется Алеша.

Как по волшебству, перед нами появляется и собака — угольно-черный Бим. Доверчиво ласкаясь к Алеше, он заставляет нас придумывать новые варианты искомого ответа. А я в это время устанавливаю необычайное сходство сына и мамы. Разве что две Танины русые косички, прихваченные аптечными резинками, отличаются ее от Алеша, а ростом он, ученик второго класса, скоро уже догонит Таню...

Усвоив наконец смысл таинственного обозначения «и т. д.», Алеша уходит к себе. А я, рассуждая должу о «Чио-Чио-Сан», как о пороге, за которым должно быть еще что-то более сложное, задаю вопрос: «Ну, а какая роль следующая?» О чем думать, кого хочет видеть своей новой героиней Таня?

Отвечает она в своей обычной манере: тихо, коротко, но твердо:

— Снегурочка.

Естественно, я прихожу в восторг. Мои новые вопросы, обращенные к актрисе, следуют один за другим. А как театр? Знает ли Наталия Ильинична? Решено ли это? А пробовала ли Таня себя в «Снегурочке»?

— Да, пробовала... Хочу, пройти по конкурсу в Большом театре... Конечно, не для того, чтобы уйти в Большой. Чтобы знать свои возможности. Наталия Ильинична, конечно, знает... У нее «Снегурочка» тоже давно задумана...

— Надо теперь и дома, наверное, много готовить-ся?

— Соседи не разрешают, — спокойно ответила Таня. — Едва начну петь — сразу стучат по батарее. Это значит: «Не смей! Не мешай жить!» Все репетиции — только в театре. Поэтому возвращаюсь по ночам. Устаю, конечно... Муж выходит встречать, если совсем уж позднее время...

Муж как раз в это время приходит домой, приветливо здоровается, представляется: «Олег». Он — это сразу видно — очень добрый, семейный, терпеливый человек. По специальности инженер. Танина работа, мне думается, вряд ли ему очень уж по сердцу со всеми ее сложностями. Однако он ведь не просто понимает Таню — он любит... И отлично знает, что Таня — талант. Когда она сразу же после замужества поступила в театр и начала учиться по вечерам в Гнесинском институте и когда родился Алешенька, — ведь еще труднее было. Но ничего, со всеми проблемами справились. Выдержали.

Тут Алешенька снова появляется из другой комнаты, скромный и вежливый:

— Пап, ты помнишь, что тебе сегодня на собрание в школу?!

— Помню, помню, — отвечает папа. Извинившись, скрывается. Алешу и Бима Таня отпускает немного погулять.

И тогда мы с ней снова принимаемся обсуждать проблему, какой будет Снегурочка. Вернее — по сложившейся уже манере нашего с Таней собеседования. — всевозможные предположения следуют больше с моей стороны. Актриса молчит, кивает. Вот так она соглашается, либо спорит — кивком, взглядом.

Вся внутренняя ее жизнь, все ее биение, напряжение, темперамент отдаются сцене. Отдаются не шуточно — всерьез.

В первом номере за этот год «Смена» объявила третий тур Конкурса эрудитов, предложив читателям ответить на пятнадцать вопросов. Судя по письмам, интерес к конкурсу не только не ослабевает, но, наоборот, нарастает. «Участвуя в вашем конкурсе, — пишет, например, студентка пединститута из города Глазов Ольга Устюгова, — узнав много такого, чего никогда не знал и чего, возможно, даже и узнать бы не пришлось». Как и прежде, активно участвовали в конкурсе молодые рабочие и учащиеся. Многие из них показали самые разносторонние знания и, что еще важнее, умение находить ответы на сложные вопросы. Прием эрудиция и любознательность, судя по почте конкурса, одинаково присущи и жителям больших городов и небольших селений. Учитель из села Чодраял Марийской АССР Л. Рыбаков, предавая свои ответы, написал: «Хочу, чтобы ваши туры были бесконечными. Это очень интересный конкурс. Сколько полезного почерпнул я, отвечая на вопросы! Подобный конкурс в два тура я провел в своей школе. Игра захватила большинство ребят. В библиотеках наших резко вырос спрос на разную литературу. И — это особенно приятно — повысился интерес к учебе. Спасибо вам за хорошее начинание».

Тщательно проанализировав письма читателей, жюри конкурса — по наиболее полезным и верным ответам и с учетом вопросов, присланных для нового тура, — определило десять победителей. Называем их:

А. БУЛАЕВ из пос. Снежка Брянской области, В. ГУЖОВ из г. Шенкурск Архангельской области, В. ГУРЕВИЧ из Комсомольска-на-Амуре, В. ЖУЙКОВ из г. Горького, Л. ИВАНУШКО из Гродно, И. ИКАУНИК из г. Резекне Латвийской ССР, Л. МАРУГИН из села Сугаревска Ульяновской области, И. и Е. НУСИЛОВЫ из Харькова, А. ПРОЗОРОВ из Свердловска, Л. РЫБАКОВ из села Чодраял Марийской АССР.

Каждому победителю будет вручен приз — комплект из трех книг: А. С. Пушкин — «Лирика», М. Горький — «Сказки об Италии», М. Е. Салтыков-Щедрин — «Пошехонская старина».

Кроме того, семнадцать читателей удостоены Почетного диплома: М. Бекшанова из Ханты-Мансийска, А. Гришинов из Ленинграда, В. Демин из Барнаула, В. Ишуткин из пос. Чернь Тульской области, Касаткины из г. Иваново, А. Коржин из Новосалтайска, В. Лаптева со ст. Промышленная Кемеровской области, С. Лополуло из г. Калинин, И. Мешаев из дер. Пезмучаш Марийской АССР, А. Обрезков из села Садоево Калмыцкой АССР, В. Овсаникова из села Верхний Мамон Воронежской области, Ю. Старикова из Рязани, В. Синицкая из Евпатории, Н. Субботина из пос. Уральской Периской области, Б. Сулава из Тварчели Абхазской АССР, В. Тилицкая из Ростова-на-Дону, Е. Шипилова из г. Дубовка Волгоградской области.

Редакция поздравляет победителей и благодарит всех участников конкурса.

По многочисленным просьбам читателей «Смена» продолжит Конкурс эрудитов. Вопросы, как и прежде, будут отобраны из ваших писем. Присылайте вопросы в неограниченном количестве, но с обязательными ссылками на первоисточники.

Итоги Конкурса эрудитов жюри подводит в конце каждого тура, так что вступить в игру можно каждому независимо от участия в предыдущих турах.

Приводим ответы на вопросы третьего тура Конкурса эрудитов.

1. Какие строки из широко известного произведения русского поэта XIX века упоминались К. Марксом в его книге «К критике политической экономии»? Те же строки были процитированы Ф. Энгельсом в одной из его работ и неоднократно упоминались им в письмах и беседах.

В 1859 году вышла в свет эта знаменитая книга К. Маркса. В разделе «Теория средств обращения и денег» Маркс, критикуя Рихардо, вспоминает Евгения Онегина: «В поэме Пушкина отец героя никак не может понять, что товар — деньги. Но что деньги представляют товар, это русские уже поняли давно, что доказывается... всей историей торговли». Маркс имел в виду широко известные строки из «Евгения Онегина». Герой романа читал Адама Смита:

«И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в зало».

В 1890 году Ф. Энгельс написал статью «Внешняя политика русского царизма», где процитировал эти строки. Он еще не раз упоминает их в письмах и беседах.

2. Когда и где в России впервые напечатана таблица умножения? Как она называлась?

— В Москве в 1682 году была напечатана брошюра под названием «Считание удобное, которым всякий человек, купующий или продающий, зело удобно изыскати может число всякие вещи», где и приведена впервые таблица умножения.

3. Какой плод из ягодообразных самый крупный?

— Это тыква, вес которой достигает 50 кг. По сообщению «Недели», в прошлом году один канадский фермер вырастил тыкву весом 160 кг.

4. На месте современного города Керчь еще в VI веке до нашей эры был основан город, который был столицей государства. Как он назывался, какое это было государство?

— На месте Керчи в VI веке до нашей эры был основан город Пантикалея, столица Боспорского государства.

5. Кто в русской регулярной армии был «первым российским солдатом» и кто его так назвал?

— «Первым российским солдатом» Петр I назвал Бухарова Сергея Леонтьевича, первым записавшегося в 1683 году в «потешные войска» юного царя. Там он был зачислен в бомбардирную роту Преображенского полка. Бухаров участвовал во многих сражениях, несколько раз был ранен. Закончил службу майором артиллерии.

6. Кем был впервые введен термин «кибернетика»?

— Впервые он встречается в диалогах Платона. По-гречески «кибернетика» — «кормчий», «рулевой»; слово относилось к человеку, управляющему кораблем. Теперь этим словом называют науку об общих закономерностях процессов управления и связи в организованных системах (машинах, живых организмах и их объединениях).

7. Какая птица для зимовки улетает на север?

— Розовая чайка, чернозобая гагара и другие.

8. Кто и когда предложил названия музыкальных звуков, которые легли в основу современной музыкальной гаммы, — до, ре, ми, фа, соль, ля, си?

— Итальянский музыкальный теоретик Гвидо д'Ареццо (Аретинский) около 995 года.

9. Именем какого индийского вождя, общественного и политического деятеля назван вид деревьев, самых величественных и необычных?

— Именем вождя и политического деятеля племени чирок — Секву — названо дерево секвойя.

10. Когда и кем был выпущен первый русский журнал для детей? Как он назывался?

— «Детское чтение для сердца и разума», который был основан русским просветителем Н. И. Новиковым и выходил с 1785 по 1789 год.

11. Какой город СССР раскинулся на 101 острове? А какой город европейского государства лежит на 118 островах?

— Ленинград (по недавно уточненным данным, он лежит на 43 островах, ибо многие теперь соединены) и Венеция.

12. Назовите имя Ярославны, героини «Слова о полку Игореве».

— Ефросинья. Она была дочерью князя Ярослава Галицкого — Осмомысла, второй женой Игоря Святославича, главного героя древнерусского литературного памятника.

13. Какое млекопитающее самое маленькое?

— Карликовая белозубка. Весит всего 1,2—1,7 грамма.

14. В произведении какого писателя сказано про лентя, бросившего учебу: «Убоялся бездны премудрости»? Это же выражение несколько раз было употреблено В. И. Лениным. В каких произведениях?

— Эти слова из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», их произнес семинарист-недоучка Кутейкин. В. И. Ленин употребил это выражение в работах «Внутреннее обозрение», «Замечания на второй проект программы Плеханова», «Заметки публициста».

15. Кто и когда из советских военачальников был первым награжден орденом Суворова I степени?

— Орденом Суворова I степени за номером 1 награжден Маршал Советского Союза Г. К. Жуков Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1943 года.

**КОНКУРС ЭРУДИТОВ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ!
ЖДЕМ ВАШИХ ВОПРОСОВ,
ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!**

23 ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

СМЕНЫ

(Продолжение.
Начало см.
в №№ 1, 2, 5—7
журнала.)

ВОСЬМОЙ ТУР

Белые начинают и дают мат в четыре хода. (2 балла).

Белые начинают и делают ничью. (3 балла).

Ход черных. Могут ли они добиться победы? (3 балла).

Под редакцией международного арбитра,
заслуженного тренера РСФСР
Виктора ЛЮБИНСКОГО

Ход черных. Как должна завершиться борьба при наилучших действиях обеих сторон? (3 балла).

5

1. e4 e5 2. d4 ed 3. c3 dc 4. Cc4 cb 5. C:b2. Как называется это начало шахматной партии, в котором белые ради инициативы жертвуют две пешки? (1 балл).

Жюри напоминает о необходимости четко соблюдать условия олимпиады, опубликованные в январе при открытии этого заочного соревнования. В частности, ответ на каждое задание следует приводить на отдельной почтовой открытке, используя сокращенную шахматную нотацию. Обязательны: пометка «23-я олимпиада «Смены», восьмой тур» и учетный олимпиадный номер отправителя. Запомните, пожалуйста, что срок отправления писем на задания восьмого тура истекает 10 июня 1981 года.

ПОБЕДИЛА КОМАНДА АНАТОЛИЯ КАРПОВА

Наиболее весомым событием шахматной жизни минувшей зимы явился, бесспорно, матч-турнир сборных команд СССР, проведенный в Москве в честь XXVI съезда КПСС. В числе участников этого памятного состязания было 30(!) гроссмейстеров и два международных мастера. Убедительную победу одержала первая сборная, в составе которой выступали чемпион мира Анатолий Карпов, экс-чемпионы мира Борис Спасский, Тигран Петросян, Михаил Таль, чемпион СССР Александр Белявский, гроссмейстеры Лев Полугаевский, Юрий Балашов, Ефим Геллер. Сильнейшие набрали 26,5 очка из 48 возможных, оставив соперников далеко позади.

Второе место с 23,5 очка заняла молодежная сборная, в которой лидером был 18-летний бакинec, чемпион мира среди юношей Гарри Каспаров. Третье место с 23 очками у команды гроссмейстеров старшего поколения, возглавляемой экс-чемпионом мира Василием Смысловым. Замкнула итоговую таблицу результатов вторая сборная — 21 очко. Ее ведущим игроком был гроссмейстер Олег Романишин.

Думается, что читателям «Смены» понравятся нижеследующие фрагменты из поединков этого шахматного форума.

К такому положению пришла после 12-го хода черных партия Г. Каспарова с В. Смысловым. Многоопытный москвич, игравший белыми, решил, что своим последним маневром ферзя (12. ...Фd8—b8) соперник «зевнул» потерю качества. Однако по проверке просмотр оказался замаскированной ловушкой.

13. Kc3:e4 Cb7:e4 14. Kf3—e5? Ce4:g2 15. Ke5:d7 Фb8—b7 16. Kd7:f8 Cg2—f3! 17. Фе2—d3 Лa8:f8 18. Лd1—d2 f7—f5!

Уже становится ясным, что за тонко пожертвованное качество черные получили отличные виды на атаку благодаря великолепной позиции их белогопольного слона, контролирующего важнейшие пункты на подступах к неприятельскому королю.

19. Лa1—e1 Фb7—c8 20. Фd3—c3 Лf8—f6 21. a2—a3 Фc8—e8 22. d4:c5 Фе8—h5!

Давление черных на королевском фланге быстро нарастает, и вскоре отразить их угрозы становится невозможным.

23. h2—h4 Фh5—g4 24. Kpg1—h2 b6:c5 25. Лe1—h1 Лf6—g6 26. Kph2—g1 Ce7:h4! 27. Фc3—a5 h7—h6!

Эта «форточка» лишила белых последнего шанса на контригру, и они сдались.

Перед вами позиция, возникшая после 9-го хода черных во встрече молодого москвича международного мастера Сергея Долматова (у него были белые фигуры) с гроссмейстером из Ворошиловграда Геннадием Кузьминым. В обоюдоострой борьбе целесообразнее и энергичнее действуют белые.

10. Kf3:e5! Kf6:d5 11. Kc3:d5 Cg7:e5 12. Cc1—f7 Ce5:f4 13. Лf1:f4 Фd8—g5 14. Фd1—f1 Cc8—e6 15. Фf1—f2 c7—c5 16. Kd5—f6+ Kpg8—g7.

Теперь смелыми тактическими ударами, связанными с жертвой слона центральной пешки, а затем и коня, белые развертывают стремительное наступление на своем правом фланге.

17. e4—e5! Фg5:e5 18. Лa1—e1 Фе5—c7 19. Фf2—h4 h7—h6 20. Kf6—h5+! Kpg7—h7 21. c2—c3 c5—c4 22. Фh4—f6! Лf8—g8 23. Фf6:d4 Лa8—d8 24. Kh5—f6+, и черные капитулировали.

ДВА КОНЯ ПРОТИВ ЛАДЬИ

На последнем международном турнире в югославском городе Баре концовку с подобным соотношением материала весьма четко провел наш гроссмейстер — ветеран Василий Смыслов. Он играл белыми с гроссмейстером из Югославии Славолюбом Марьяновичем.

36. Лa1—d1 Kpf7—e6 37. b4—b5 Лc6—c5 38. a3—a4 Лg8—g4 39. Kc4—a5 Лg4—e4 40. Лd1—d2 Лe4—e3+ 41. Kpb3—b4 Лc5—d5 42. Лd2:d5 Kpe6:d5 43. Ke2—c3+ Kpd5—e6 44. Ka5—c6 Лe3:g3 45. Kc6:a7.

45. ... f6—f5 46. b5—b6 Лg3—g8 47. Kpb4—c5! f5—f4 48. b6—b7 f4—f3 49. Kc3—d1 Kpe6—d7 50. Ka7—b5! e5—e4 51. a4—a5 f3—f2 52. Kd1:f2 e4—e3 53. Kf2—d3, и черные сдались.

Нынешней весной В. В. Смыслову, замечательному советскому шахматисту, неоднократно победителю крупнейших международных и всесоюзных состязаний, экс-чемпиону мира, заслуженному мастеру спорта, кавалеру ордена Ленина, исполнилось 60 лет. Пользуясь случаем, шахматный отдел «Смены» горячо поздравляет В. В. Смылова с юбилеем, желает ему крепкого здоровья, новых творческих свершений и активного участия в жюри традиционных молодежных шахматных олимпиад нашего журнала.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдается в набор 04.03.81. Подписано к печати 18.03.81. А 05058. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1155000 экз. Изд. № 765. Заказ № 342. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва. А-137, улица «Правды», 24.

Музыка Александры ПАХМУТОВОЙ
Стихи Николая ДОБРОНРАВОВА

ДО СВИДАНИЯ, МОСКВА

На трибунах становится тише...
Тает быстрое время чудес.
До свиданья, наш ласковый Миша,
Возвращаясь в свой сказочный лес.

Не грусти, улыбнись на прощанье,
Вспоминай эти дни, вспоминай...
Пожелай исполненья желаний,
Новой встречи друзьям пожелай.

Припев:
Расстанутся друзья.
Остается в сердце нежность...
Будем песню беречь.
До свиданья, до новых встреч.

Пожелаем друг другу успеха,
И добра и любви без конца.
Олимпийское звонкое эхо
Остается в стихах и сердцах.

До свиданья, Москва, до свиданья!
Олимпийская сказка, прощай!
Пожелай исполненья желаний,
Новой встречи друзьям пожелай.

Припев:
Расстанутся друзья.
Остается в сердце нежность...
Будем песню беречь.
До свиданья, до новых встреч.

КРОССВОРД

Составил
Б. ЩЕДРОВ
Москва

По горизонтали:

5. Стихотворение В. В. Маяковского.
7. Гидроэнергетик, академик, участник составления плана ГОЭЛРО.
9. Роман О. Гончара.
11. основоположник литературы социалистического реализма.
12. Кораблестроитель, академик, Герой Социалистического Труда.
13. Газета, орган Военной организации при ЦК РСДРП(б) в 1917 году.
15. Река на Дальнем Востоке.
16. Соната Л. Бетховена.
18. Маршал Советского Союза.
21. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза.
23. Симфоническая поэма Б. Сметаны из цикла «Моя Родина».
25. Сплавная река Восточной Сибири.
27. Роман Ю. С. Семенова, посвященный деятельности Ф. Э. Дзержинского.
28. Видоизмененный утолщенный стебель растения.
29. Документ, выдаваемый в награду за успехи.
30. Роман азербайджанского писателя Гусейна Мехти.

По вертикали:

1. Опросный лист.
2. Промысловая рыба рода сигов.
3. Советский хирург, лауреат Ленинской премии.
4. Горные выработки при добыче полезных ископаемых открытым способом.
6. Ученый, первый президент Чехословацкой Академии наук.
8. Выдающийся оратор и публицист.
10. Рассказ А. П. Чехова.
11. Город на Сахалине.
14. Актер МХАТа, народный артист СССР.
15. Заслуженный мастер альпинизма, совершивший первым восхождение на пик Ленина.
16. Промысловая рыба семейства карповых.
17. Роман М. О. Ауэзова.
19. Сельскохозяйственное орудие для рыхления почвы.
20. Подвижное соединение деталей для вращения вокруг общей оси.
22. Кинорежиссер, народный артист СССР.
24. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста».
25. Штат в Индии.
26. Горная система в Центральной Азии.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 7

По горизонтали:

7. Библиотека.
8. «Вездусущее».
10. Борнит.
11. Тренер.
12. Изложница.
14. «Строговы».
16. Авогадро.
18. Асеев.
20. Кривонос.
21. Теодолит.
22. Тростник.
23. Курчатов.
25. Тында.
26. Фитотрон.
29. Ударница.
31. Варакушка.
32. Жухрай.
33. Оберек.
34. Магистраль.
35. Мелиорация.

По вертикали:

1. Синоптик.
2. Фитинг.
3. «Березы».
4. «Узница».
5. Острог.
6. Метеорит.
9. Рождественский.
12. Иванченков.
13. Автострада.
15. Одинцово.
17. Аллохтон.
18. Аспект.
19. Втулка.
22. «Трибунал».
24. Вацетис.
27. Туапсе.
28. Наждак.
29. Укаяли.
30. Роберт.

ДЕНЬ СВОЕЙ СТРАНЫ

О. КИРЮХИН. КОМСОМОЛЬЦЫ.

Ж. УМАРБЕКОВ. СТРОИТЕЛЬСТВО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМБИНАТА.

К. ШАЙХМЕТОВ. В ПАРТКОМЕ СОВХОЗА.

Конечно, этой выставке, как и всякой другой, предшествовала отборочная комиссия. Но самой строгой комиссией в этот раз была творческая советская комиссия самих художников. Ибо на эту выставку они не могли прийти иначе чем с произведениями глубокими, крупными, взволнованными — о дне сегодняшнем, в котором видят день будущего. День своей страны.

«Мы строим коммунизм» — эта афиша привлекла в дни работы XXVI съезда КПСС в московский Центральный выставочный зал многие тысячи жителей и гостей столицы. Каждому хотелось увидеть нашу славную современность, жизнь советских людей, запечатленную в работах мастеров живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства союзных республик.

Главный герой выставки — наш современник: труженик, созидатель, защитник. И видишь, что его образ создан художниками не только в мастерских, — это как бы продолжение их

встреч и бесед с рабочими, колхозниками, продолжение творческих командировок — туда, где сама жизнь. Где живут и вершат дела наши люди.

Картина «Строительство металлургического комбината» Ж. Умарбекова. Стройка залита солнцем — так и вспоминаются слова Маяковского о будущем городе, о будущем саде. Кажется, что мы — свидетели рабочей планерки, видны, импровизированной, которую проводят три молодых строителя. Рабочую тему продолжает серия портретов бригадиров комсомольско-молодежных бригад, графические листы, сюжеты из жизни БАМа, скульптуры, плакаты...

Побывав на выставке, полнее воспринимаешь, глубже осознаешь величие нашей земли, трепетную красоту ее природы, раздольность степей, спокойную синь неба — все то, что вдохновляло художников взяться за кисть. Ты будто шагаешь по этой земле, а навстречу — города и села, заводы и фабрики, и поля, поля...

М. АБДУЛЛАЕВ. ХЛОПОК.

Хлеб — он в полной мере имя существительное в каждом из произведений о нем. Красочно, поэтично полотно «Сказ о хлебе» М. Савицкого — рассказ о земле, о натруженных руках пахаря, о долгом, полном забот дне, о душистом, горячем каравае...

На выставке было представлено много портретов деятелей советской культуры: актеров, художников, композиторов. Перед портретом Дмитрия Шостаковича кисти народного художника СССР Таира Салахова постоянно зрители. Это и понятно: величием человеческого гения, гигантским напряжением ума и сердца веет от этого полотна.

В живописных полотнах, в бронзе и дереве художники запечатлели жизнь и дела советского человека. Запечатлели свои взволнованные раздумья о времени, о мире на земле, о радости созидательного труда, о счастье.

Александр ХАРЬКОВ

Х. СИЛИНЬШ. ПОРТ.

